

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 1 (40)
январь, 2020

2020

Содержание журнала для лиц
18+
старше
18 лет
Содержание журнала для лиц

СЛОВО РЕДАКТОРА

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Поздравляю вас с Новым годом, Рождеством и выходом январского номера литературно-исторического журнала «Александръ»!

Начинать новый, 2020 год мы решили вместе с Союзом молодых литераторов при Союзе писателей России и представить на страницах нашего издания творчество молодых по возрасту, но достаточно проявивших себя в творчестве, увлечённых и талантливых писателей. Убеждён в том, что вы получите настоящее удовольствие, знакомясь с произведениями, представленными в январском «Александре».

Обширная география, многогранность талантов, желание проявить себя творчески и умение отстаивать собственное мнение никого не могут оставить равнодушным.

Мы с оптимизмом смотрим на будущее русской литературы, нацелены раскрывать новых талантливых авторов на страницах «Александра», а также на творческих и организационных встречах, которые будем проводить совместно с Союзом писателей России.

С Новым годом!

Реализации творческих планов и больше встреч с равнодушными людьми!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Совет молодых литераторов – новая структура в составе Союза писателей России. Совет занимается поиском наиболее талантливых молодых поэтов, прозаиков, критиков и драматургов по всей России, а также организацией творческих семинаров, на которых молодые авторы могли бы обсудить свои произведения с признанными мастерами слова.

Но, пожалуй, одной из главных наших задач является создание единого пространства современной молодой литературы – чтобы авторы из разных уголков страны знали друг о друге и могли обмениваться опытом, а также чтобы лучших авторов из одного региона страны читали в другом. И потому нам особенно важно сотрудничество с толстыми журналами России.

Мы благодарны журналу «Александръ» за возможность представлять на его страницах наиболее интересных, на наш взгляд, молодых поэтов и прозаиков со всей страны и надеемся, что читатели журнала получат большое удовольствие, знакомясь с их творчеством.

С наступающим Новым годом и новых открытий!

Андрей ТИМОФЕЕВ,
председатель Совета молодых литераторов СПР

Журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

В. И. ПОПКОВ (Мичуринск), почётный профессор МичГАУ, кандидат филологических наук, член Союза журналистов России, член Союза российских писателей;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральные менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

С.А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 1 (40), ЯНВАРЬ 2020 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 27.12.2019 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в

АО «Издательский дом «Мичуринск»,

393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,

ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ТЕМА НОМЕРА

- 6** Андрей Тимофеев.
«Отцы» и «дети» в современном
литературном процессе

ПОЭЗИЯ

- 14** Павел Великжанин.
Дети девяностых
- 16** Елизавета Мартынова.
Воздух дороги
- 18** Григорий Шувалов
- 20** Влада Баронец

ПОБЕДЕ — 75

- 22** Михаил Калашников.
Итальянская зима

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 31** Александр Рухлов
- 34** Анастасия Егорова
- 36** Светлана Попова

ПРОЗА

- 38** Дмитрий Терентьев.
Метель
- 42** Полина Громова.
Паршивый пёс

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 46** Татьяна Ткаченко.
Мне без тебя...

- 48** Александр Валуйский
- 49** Илья Дмитриенко
- 52** Кира Марченко
- 52** Рустам Каженкин
- 54** Артём Петров
- 55** Максим Ушаков

ЖИТЕЙСКОЕ

- 58** Антон Ермолин.
Семён
- 60** Ирина Иваськова.
Время красных птиц
- 64** Роман Леонов.
Выигрыш

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА БЕЛАРУСИ

- 66** Бажена Матюк
- 69** Ольга Никитенко
- 72** Татьяна Курмазия
- 75** Екатерина Ровдо

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

- 78** Алёна Шомысова.
Солонка с сюрпризом

ЗИМНИЕ СКАЗКИ

- 85** Ольга Луценко.
На цыпочках по радуге

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 92** Выездной секретариат

Андрей ТИМОФЕЕВ (Москва),
литературный критик, прозаик,
председатель Совета молодых
литераторов и член Совета по критике
Союза писателей России

«ОТЦЫ» И «ДЕТИ»

В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

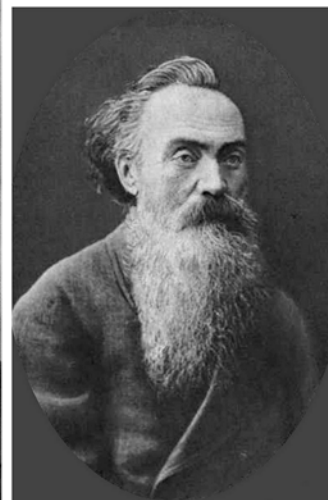
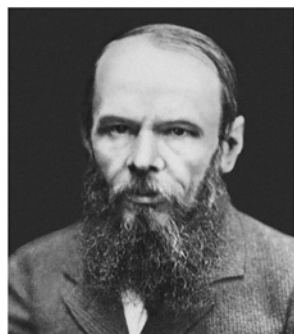
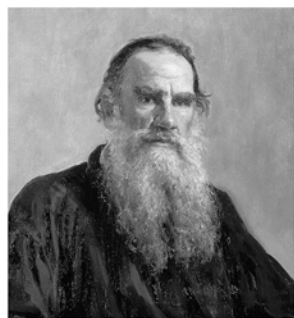
Непонимание между поколениями «отцов» и «детей» в консервативном поле современной литературы объективно существует. К счастью, оно проявляется не в области собственно художественного творчества, а в принципах организации литературного процесса и в восприятии современной литературы и мира в целом. Как руководитель Совета молодых литераторов СПР, я нахожусь в центре этого противостояния: с одной стороны, прекрасно зная и понимая «детей», с другой стороны, непрерывно контактируя с «отцами». Я всё пытаюсь быть фильтром, пропускающим в обе стороны лишь то, что может быть хоть как-то понято и принято, собирая в себя всю шелуху; но глубина пропасти огромна, и у меня всё меньше надежд на понимание. В этом докладе мне хотелось бы посмотреть на ситуацию глазами «отца нашего Шекспира» и в объёмном виденье примирить оба мировосприятия. Но я не могу этого сделать, потому что при всей моей любви и уважении к «отцам» ясно вижу те изъяны в их позиции, которые губительны для нас всех, и не знаю, как мне об этом молчать.

Не могу ещё и потому, что слышу ту самую ноту «отцов», отчищенную от эмоций и обид, взвешенную и ясно сформулированную, но содержащую в концентрированном виде все предубеждения относительно «детей» и все возможные скелеты в шкафу. И единственное, что я могу сделать, – это попробовать отчистить свои дальнейшие слова от лишних эмоций и

взять такую же точную и ясную ноту, но со стороны «детей».

Мы могли бы сойтись в точке, которая нас объединяет, этой точкой является традиция. Наша единственно возможная русская пушкинская традиция (понимаемая в свете известной статьи Глушковой «Традиция – совесть поэзии» не как следование каноническим формам, а как причастность к единому потоку русской жизни). Обернувшись назад к нашей классике (от Пушкина до поколения «дедов»: деревенской прозы, тихой лирики, русских критиков-неопочвенников), мы увидим, что она одинаково дорога нам, что мы не мыслим себя в отрыве от неё. Но остановиться на этом объединяющем начале и не посмотреть друг на друга – значит проигнорировать существующие и разрушающие наше общение противоречия, пульсирующие здесь и сейчас. Мне кажется, это было бы неправильно.

Поколение «отцов» сформировалось в позднюю советскую эпоху, пережило вместе с ней её относительное бытовое благополучие и бурю общественной борьбы. Развал страны, расстрел парламента в 1993 году стали для него высшей точкой трагедии, а вся дальнейшая жизнь – борьбой за существование и сохранение нравственных ценностей во враждебном мире. В этом смысле очень точно сравнение с поколением эмиграции после 1917 года, потому что старшее поколение и правда ушло в своеобразную внутреннюю эмиграцию. Мир вокруг

воспринимался ими апокалиптически (вообще представление о случившемся апокалипсисе очень характерно для прозы, осмысляющей 90-е: скажем, в романе Веры Галактионовой «Спящие от печали» – в концентрированном виде, в «Заполье» Петра Краснова или «Запретном художнике» Николая Дорошенко – разлито по тексту). А единственный способ сохранить в мире, охваченном злом, – христианские катакомбы первых веков, то есть создание небольших замкнутых групп для «своих», где сохраняются общие ценности, утерянные в большом мире. Такой катакомбой является, например, сайт «Российский писатель», такими катакомбами являются некоторые литературные объединения и писательские организации в регионах. Наверно, это было единственным выходом в то время.

Но прошло тридцать лет, и мир вокруг изменился. И оказалось, что он не является воплощением зла и графомании, что литература дышит и там, что настоящие писатели существуют и там, просто они зачастую не готовы признать неизбежность догматов катакомбы, хотя дух их может быть вполне созвучен традиции. Уйдя во внутреннюю эмиграцию, большая часть старшего поколения перестала интересоваться внешним миром, потеряла адекватное представление о нём, об острых проблемах литературного процесса, о вызовах, которые стоят перед всеми нами.

Современное поколение «сынов», чьё взросление и становление проходило уже после развала СССР, остро чувствует эту проблему. И здесь сравнение Вячеслава Лютого мне кажется не совсем корректным – «сыны» похожи не на детей эмигрантов, скорее, это первое советское поколение, воспринимающее новые условия жизни не как апокалипсис, а как реальность. Мир действительно изменился. Если взять метафору из серьёзного фэнтези (которое в своих лучших образцах является точным индикатором состояния общества), мир из толкиновского превратился в мартиновский. В нём действительно исчезли нравственные координаты, единые для всего общества, и это не вопрос нашей воли и нашей борьбы – это

объективность, которую необходимо принять. Но отсутствие единых координат не означает их отсутствия в каждом конкретном человеке и не означает их отсутствия в мире. Просто нравственные координаты теперь стали делом личности, а не общества. Поколение «отцов», выросшее в советское время, не знает, что делать с этим и как ориентироваться в ситуации, в которой нельзя мыслить категориями общего, – у них нет механизмов познания такого мира, и единственный способ – объявить мир целиком враждебным. Поколение же «сыновей» не чувствует растерянности (та растерянность, о которой говорит Лютый, – это лишь проекция восприятия «отца», неудачная попытка объяснить другого внутри себя). Нельзя отчаянно бояться места, где вырос и к которому привык.

Взамен стройности единой картины мира у «сынов» появились естественные механизмы, позволяющие существовать и спокойно разбираться в «новом» мире (и этого категорически не могут понять «отцы»). Во-первых, «сыны» имеют прививку от информационного влияния – поколение, знающее интернет, гораздо более защищено от манипуляций и гораздо менее наивно в этом смысле, чем советские люди. «Отцов» в конце 80-х завели в информационный лес, и они там потерялись, а нынешние живут в лесу спокойно и на подкорке мозга знают, как обходить опасность. Примитивными манипуляциями сейчас можно воздействовать только на очень молодых людей, заряженных на протест и самовыражение любыми способами. Даже двадцатилетние уже сомневаются в правдивости любой поступающей к ним информации. Во-вторых, «сыны» достаточно ясно различают пошлость в мире. Кажется, опять на «Российском писателе» встречал рассуждения о негативном влиянии на современную молодёжь того, что показывают по телевизору (насколько я помню, имелся в виду новогодний «Голубой огонёк»). Автор текста, видимо, не знал, что молодёжь не смотрит и никогда не будет смотреть ни «Голубой огонёк», ни вообще Первый канал – именно по причине пошлости и низкого уровня. В-третьих, степень распушенности поколения «сынов», безусловно, выше, чем у «отцов», но

всё-таки отзывчивость их на реальный «грех» сильно преувеличена. Скажем, целующиеся на сцене форума «Таврида» девочки никого из молодых участников смены (от 18 до 35 лет) не совратят, потому что в этом возрасте все прекрасно знают, что гомосексуализм существует, и уже давно определились внутри себя, как к этому явлению относиться (притом что я, как вы понимаете, не сторонник нетрадиционных отношений, не сторонник траты бюджетных средств на их пропаганду и понимаю, что в данном случае организаторы форума просто не просчитали возможность провокации). Не знаю, стоит ли здесь напоминать, что первое «советское» поколение, тоже наверняка, по мнению эмигрантов, «лишённое нравственных координат», сгорело в войне, и во многом именно его жертве мы обязаны нашей Победой. Моя метафора весьма произвольна, и нэп у нас не закончился, но мне было важно показать, что промыслительная воля подчас мудрее «очевидных» мнений даже самых разумных людей.

В этой ситуации нет правых или виноватых, нет лучших или худших – есть исторические обстоятельства, сформировавшие и то, и другое поколение. Однако время идёт вперёд, и строить будущее на основании скелетов в шкафу невозможно. И важнейший вопрос, который непосредственно завязан на различия в подходах двух поколений, это вопрос о дальнейшем развитии нашего писательского Союза. И на этом вопросе хотелось бы остановиться подробнее.

Существуют две модели, в рамках которых может развиваться Союз писателей России. Нельзя сказать, что это модель «отцов» и модель «детей» – скорее, одна из них несостоятельна и опирается на худшее в позиции «отцов», а вторая – единственно возможна, объединяет всё здоровое у тех и других. Первая – прямое следствие страха внешнего мира, желания уйти во внутреннюю эмиграцию – основана на желании занять оборонительную позицию и создать катакомбу на 8 тысяч человек. Сторонники такой модели жёстко разделяют литературный мир на «наших» и «ненаших», пропагандируют идею невозможности «двойного членства» в разных

писательских союзах, оперируют при этом псевдорелигиозными категориями (сотрудничество с СРП – экуменизм и т.д.), призывают принять невообразимые декларации, навсегда отделив «агнцев от козлищ». В метафизическом «лесу», который ты не можешь понять, легче всего придумать простейшие первичные признаки для различения добра и зла, чтобы хоть как-то ориентироваться (а ещё надёжнее закрепить их юридически). Но к литературе это не имеет никакого отношения.

Вторая модель – модель Союза писателей, находящегося или пытающегося находиться в центре современного литературного процесса, собирая вокруг себя всё талантливое и умное. Это вовсе не значит, что внутри него отсутствует иерархия, одними из главных критериев которой являются как раз-таки соответствие традиции единому потоку русской жизни и художественная ценность как мера правды и глубины художественного образа. Но в этой модели не отсекают талантливое по причине несоответствия общественной установке и духу катакомбы. Взять ответственность за всю современную русскую литературу, а не за её кусочек – вот задача такого Союза. Но для этого необходимо отказаться от оборонительной тактики. Такой Союз я нахожу внутри себя как идеальный образ. Этот Союз для меня – воплощение единой большой русской литературы в современном её состоянии. Я не знаю, например, состоит ли в СПР Алексей Иванов, не знаю, состоял ли в СПР Олег Павлов, но для меня они – Союз писателей, потому что это крупнейшие современные прозаики. Это же касается и молодого поколения. Юрий Лунин, Максим Алпатов, Елена Жамбалова, Дарья Ильгова, Константин Комаров – внутренне я воспринимаю их частью Союза (хотя и уважаю их самоопределение или не-определение). Идея общего большого Союза может сплотить и «отцов», и «детей», потому что запрос на единый литературный процесс чрезвычайно высок. И тогда не имеет никакого значения, состоит ли хороший писатель в другом союзе, важно, что он у нас, и с ним и мы становимся сильнее. И не важно, какие общественные взгляды имеет

писатель (естественно, я оставляю за скобками всё маргинальное вроде русофобии или антисемитизма, но такие люди чаще всего творчески несостоятельны). Повторю ещё раз эту формулу: Союз писателей – это вся подлинная современная литература. Достижение этой задачи вряд ли возможно, но направление движения, на мой взгляд, единственно верное.

Оборонительная тактика и стремление быть частью, а не целым – первая и ключевая проблема, следующая из психологии катакомбы. Вторая проблема – практически полное отсутствие профессиональной критики в «нашем» литературном процессе. Ведь настоящая критика – это, прежде всего, поиск истины, попытка разобраться и найти объективность. Но в состоянии внутренней эмиграции во внешнем мире истины априори быть не может, всё внешнее можно только ругать. А внутри истина как будто и так есть, а значит, и искать, и разбираться, по сути, не в чем. Я с большим удовольствием читаю статьи Вячеслава Лютого; приятно мне стремление журнала «Родная Ладога» к философской критике, продолжающей традиции «Москвы» Бородин и Кокшенёвой; случаются иногда отдельные радостные находки, но подавляющее большинство того, что выдаётся за критику в консервативном литпроцессе, – это эссеистика или публицистика (тогда как, скажем, во внешнем поле остался академический журнал «Вопросы литературы», да и в некоторых условно «либеральных» толстых журналах и электронных ресурсах современная критика существует и развивается). Я говорю это не чтобы унижить нас, а чтобы поставить одну из самых острых проблем консервативного поля, напрямую следующую из скелета в шкафу поколения «отцов».

Критика – это уважение к явлению, даже если оно негативно или имеет отношение в основном к литературному процессу, а не собственно к подлинной литературе. Существует, например, уральская поэтическая школа – мощный концепт, и дело не в том, чтобы брезгливо отвести его, а в том, чтобы разобраться в причинах его существования. В 2000-е годы существовал «феномен Сенчина», автора вне-

художественной прозы, которая вызывала восторг (сейчас то же самое происходит с текстами Александра Снегирёва). И важно было не просто оценить качество текста, а ещё и увидеть, что Сенчина ценят за специфическую «правду», выражающуюся в стремлении не сфальшивить против реальности в «светлую» сторону (не задумываясь о непрерывном уходе в крайность противоположную). И кстати, подобное явление имело место и в XIX веке, но в отличие от сегодняшнего дня о Писемском серьёзно высказывались тогда все большие критики.

Взамен критического осмысления мы зачастую имеем информационную войну: «наши» идеи и «наши» авторы должны быть продвинуты, а враждебные – подвергнуты порицанию. Но что мы называем враждебным? Яростную русофобию? Так она и не нуждается в опровержении, как не нуждается в опровержении всё маргинальное. Игру ради игры в литературе? Так она уже лет двадцать как не в мейнстриме. Либерализм? А что мы понимаем под этим термином: публицистику в духе «Нового мира» Твардовского, или работы крупного критика Ирины Роднянской, или вдохновенный поиск без надежды обрести опору от тонкой и чуткой к любому проблеску таланта Валерии Пустовой? Пусть информационной войной занимаются публицисты вроде Захара Прилепина, давайте займёмся делом, где есть «познание» и «воля» критика, а не только желание «как можно сильнее прокричать своё, пусть неглубокое» (потому что глубокое кричать невозможно, его можно только открывать в результате напряжённого и последовательного поиска).

Второй важный вопрос, который отличает «отцов» и «детей», – это отношение к понятию «личность» и соотношение личного и общественного в жизни. Для отцов, сформировавшихся в советскую эпоху, общественное выше личного, и мера признания этого первенства определяет для них меру любви к Родине (кстати, это свойственно и для «отцов» в либеральной части литературного процесса, только там общественное принимает форму антисоветского). С позиции «сына» я согласен с этим, но не как с безусловной установкой, которую «нужно»

разделять. Признать общественное важнее собственного личного – это, прежде всего, выбор личности, а не некий наперёд заданный нравственный закон. И если это выбор сознательный и твёрдый, а не просто следование навязанной норме, то это – высочайший уровень развития личности и может внушать огромное уважение. Но опять-таки первична здесь для меня сама личность и её выбор. Поколению «отцов» же зачастую не важно, происходит принятие установки свободно или бездумно, глубоко ли укореняются «правильные» истины внутри или же остаются на уровне формулы.

Старшее поколение легко оперирует «безличными» категориями в духе Спинозы или Владимира Соловьёва: «смысл существования России», «русская идея», «русский дух», «традиция», «нравственность» – зачастую это остаётся на уровне публицистики определённого направления, не спускаясь на уровень философской метафизики, возможной лишь там, где начинается самопознание и самоопределение личности. Замечательно это показано у специалиста по русской философии конца XX века Николая Ильина в его книге «Трагедия русской философии». Характерное следствие глубоко советского в плохом смысле стремления к подавлению личности – «комплекс родителя», знающего, как правильно, а как неправильно, что нравственно, а что безнравственно, желающего всем вокруг «причинить добро», – явление чрезвычайно распространённое у поколения «отцов».

Конечно, так выглядит ситуация на субъективный взгляд «сына», на деле же недостаточное внимание к личности и её свободе стократ компенсируется у поколения «отцов» духовным напряжением жизни и умением больше действовать, чем рефлексировать о возможном действии, умением тащить на себе жизнь по установленной колее к тому, что воспринимается как добро. Это разные способы бытования в мире, обусловленные разными историческими условиями становления поколений. И потому с точки зрения публицистичности жизни поколение «отцов» кажется мне сильнее, но с точки зрения глубины осмысления подход

«сынов» перспективнее (с этой разницей связано, кстати, и то, что из двух крупных прозаиков, тридцатилетних Андрея Антипина и Юрия Лунина, «отцы» выше ценят близкого им по общественному пафосу Антипина, а «сыны» – психологически глубокого Лунина).

Разговор о личном и общественном – это ещё и вопрос об идеологии, и естественно, что этот вопрос был поднят на нашем круглом столе, в частности в докладе Виктора Николаевича Баракова. Мне хотелось бы коротко остановиться на нём. Мне кажется, «идеологический» компонент возникал в русской литературе вовсе не благодаря тому, что сейчас понимают под словом «идеология». Просто в какой-то момент крупная личность пленялась идеей, начинающей жить внутри неё и гореть, и тогда возникали и «Кто виноват», и «Что делать», и «Мать», и «Как закалялась сталь». Та же точно природа воплощения идеи русского сопротивления в уже упоминаемом мною романе Веры Галактионовой «Спящие от печали». Именно это горение личности, вдохновлённой идеей и готовой ради неё на всё, и определило «идеологичность» данных произведений – но при этом само горение было глубоко субъективно и лично и потому скорее противоположно общественному смыслу понятия «идеология».

Впрочем, результаты даже такого горения вовсе не являлись высшей точкой развития русской литературы, потому что подлинная её традиция зародилась в пушкинских поисках «истинного романтизма» и объективации и воплотилась в точной и чистой ноте рассказчика «Капитанской дочки». Эта точка виденья была по возможности очищена от субъективного напряжения, из неё мир обозревался в его целостности и полноте, не замутнённым пусть мощной и яркой, но всё-таки субъективной авторской страстью. Русская критика ценила этот объективный взгляд выше идейной страсти и тщательно отслеживала его развитие (скажем, в работах Николая Страхова о связи образа Белкина с образом автора «Войны и мира»). Позже в русской литературе появился новый метод, а именно – столкновение идей, воплощённых в личностях (первым заговорил об этом Розанов

в статье о Великом инквизиторе, а потом это нашло отражение в спекуляциях на тему полифонии Достоевского у Бахтина), но в любом случае и этот метод был также крайне далёк от субъективного горения личности автора одной идеей и уж точно бесконечно далёк от прямой идеологии.

И здесь условная позиция «сынов», определяющая первичность категории личности, кажется мне более зрелой. И как ни парадоксально для кого-то, более близкой нашей национальной традиции.

В отношениях между «отцами» и «детьми» важную роль играет поколение «дедов», и не сказать здесь о нём значило бы не показать ситуацию во всём её объёме. «Деды» – это или молодые фронтовики, или дети войны, зачастую это люди с крепким нравственным стержнем – цельные личности, выточенные как бы из одного куска камня. Я хорошо знаю это чувство, когда приезжаешь в регион и встречаешь там писателя старшего поколения, который вдруг скажет что-то простое, но весомое, и словно Лобанов через него к тебе обратился, и нравственное зерно то же, и даже интонация та же. Отношения с такими людьми выстраиваются сами собой на их безусловном духовном первенстве, но они не утверждают это первенство специально, не требуют его. Тот же Михаил Лобанов, будучи втрое старше нас, его студентов, никогда не подавлял нас, мы всегда видели только интерес к нам и уважение к нашей свободной воле. Как вам писать и думать – ваше дело, словно бы говорил он, но я сейчас скажу вам, как думаю и вижу я, и я всей своей жизнью доказал право так думать и видеть – и мы слушали и в каком-то смысле безусловно подчинялись, но это происходило органично, без напряжённого нравоучения (как это зачастую делают «отцы»).

Поколение «дедов» – это поколение титанов, и нравственно, и творчески. Если говорить непосредственно о критике, то для меня вполне очевидно, что Кожин, Лобанов и Палиевский – фигуры полёта Белинского, Григорьева и Розанова, высокие ноты традиции, нуждающиеся в осмыслении. Их младшие современни-

ки, «отцы», зачастую испытывают вдохновенное поклонение перед их борьбой за русскую идею, но игнорируют вклад собственно в литературу. Или же настолько уважают их авторитет, что принимают наследие «дедов» безусловно, не умея или не желая переработать его творчески (подобно тому, как Чернышевский в статьях о Белинском мог лишь цитировать его огромными кусками, изредка вставляя свои одобрительные комментарии). На первом круглом столе Совета по критике уважаемый и любимый мною Юрий Павлов сказал: всё, что нужно знать о назначении критика, читайте в работах Кожина «Самое лёгкое и самое трудное дело» и «Познание и воля критика». Это отличные статьи, и я благодарен Юрию Михайловичу за то, что в своё время открыл их. Но неужели в двух крошечных заметках Кожин высказал всё раз и навсегда? Разве не появились у нас сейчас новые вызовы, например крайне востребованная сегодняшним читателем «рекомендательная» критика а-ля Галина Юзефович или Лев Данилкин? Можно ли говорить на языке этого формата, но не уходить в коммерческую рецензию, а оставаться в поле поиска истины? Нуждается в глубоком осмыслении, например, вопрос о новаторстве подхода к психологическому образу у Лобанова (вопрос, имеющий богатую предысторию: берущий начало в «психологическом вопросе» Павла Анненкова; разработанный Константином Леонтьевым в статье «Анализ, стиль и веяние...» на материале романов Льва Толстого; доведённый до целого мира в работах Лидии Гинзбург). Или, например, вопрос о внеязыковой природе художественной литературы, о котором говорил Палиевский, – погружение в него дало бы нам пищу для трезвого осмысления многих современных поэтических опытов, находящихся в сфере языковых или смысловых находок (опять же дело не в том, чтобы брезгливо отмахнуться, а в том, чтобы понять суть проблемы). И, пожалуй, самое важное – поставленный двести лет назад и вполне решённый русскими критиками второй половины XX века вопрос о художественной ценности (как объёмной и объективной правде о мире, воплощённой в лич-

ности). Наследие «дедов» огромно, и «отцам», и «детям» есть что найти в нём (не игнорируя и противоречивость вопросов, которые уж никак нельзя свести к схеме «либералы – патриоты», скажем, оторванность Юрия Кузнецова от пушкинской традиции, по Глушковой, или настойчивое сопоставление Белова и Битова у Кожина). И это только критика (достижения «дедов» в поэзии и прозе общеизвестны).

И вот мы опять вернулись к тому, что традиция, и в частности её последняя полноценно взятая нота, чрезвычайно высокая нота поколения «дедов», – это то, что нас действительно объединяет. Что же касается совместного существования в организации литературного процесса, видимо, есть лишь один выход: научиться слушать друг друга и принимать друг друга при всех различиях и противоречиях. «Отцам» – уважать свободу личности, понимать острейшее нежелание находиться в оборонительной позиции и стремление объединять всё, что имеет художественную и критическую ценность в современном литературном процессе. Принять молодых как вполне состоявшихся здоровых тридцати-сорокалетних людей, которым достаточно только доверия, чтобы работать. А «сынам» – понять, что доверие подразумевает ответственность, что они тоже отвечают за наш Союз и за современную литературу. Уважать «отцов» за их опыт и профессионализм, понять их желание быть для нас тем, чем были «деды» для них. Сказать спасибо за катакомбы, в которых хотя бы «принято» говорить о традиции, в которых существуют великие Кожин и Лобанов, мы и не знали бы их без работы «отцов» по сохранению наследия.

Принять «отцов» с их трагедией и судьбой. Судьбой, которой у нас пока ещё нет. **А**

Павел ВЕЛИКЖАНИН

Павел Александрович Великжанин родился в 1985 году в Кузбассе. Жил в Сибири, Зауралье и Волгограде. В настоящее время живёт и работает в городе Волжском. Лауреат и дипломант поэтических конкурсов и премий: Южно-Уральской литературной премии в 2015 году, международного конкурса имени Куприна в 2016-м, премии «Справедливой России» и «Роман-газеты» в 2017-м, конкурса «Неизбывный вертоград» в 2018-м и др. Печатался в литературных журналах «Наш Современник», «Москва», «День и ночь», «Роман-газета», «Крым», «Отчий край», «Союз писателей», «Симбирскъ», «Наша молодёжь» и др.

Дети девяностых

ДЕТИ ДЕВЯНОСТЫХ

Ледяные батареи девяностых.
За водой пройдя полгорода с бидоном,
Сколько вытащишь из памяти заноз ты,
Овдовевшая усталая мадонна?

Треск речей, переходящий в автоматный,
Где-то там, в Москве, а тут – свои заботы:
Тормозуху зажевав листком зарплатным,
Коченели неподвижные заводы.

Наливались кровью свежие границы –
Ну зачем же их проводят красным цветом?
А подросшие участники «Зарницы»
Косяки крутили из бумажных вето.

Только детям всё равно, когда рождаться:
Этот мир для них творится, будто снова.
Сколько раз тебе и петься, и рыдаться,
Изначальное единственное Слово?

Мы играли на заброшенном «Чермете»,
В богадельне ржавых башенных атлантов,

И не знали, что судьба кого-то метит
Обжигающими клеймами талантов.

Мы росли, а небо падало, алея.
Подставляй, ровесник, сбитые ладони!
Вряд ли ноша эта будет тяжелее,
Чем вода в замёрзшем мамином бидоне.

СИБИРСКОЕ ДЕТСТВО

Меня не ссылали в Сибирь –
В Сибири родился и рос:
Штакетника серый горбыль,
Пакеты на кустиках роз,

Оковы тяжёлых одежд,
Мороз, что трещит у виска,
Забытый кругляш-Будапешт,
Открытый на дне сундука,

И Вечный огонь раз в году,
Райгазом включаемый в счёт...
Куда же от вас я уйду
К моим бесконечным «ещё»?

ОТ ПЕЧИ НАЧИНАЛАСЬ ДЕРЖАВА РОССИЙСКАЯ

От печи начиналась держава Российская,
От печи, да не лёжа на этой печи:
Что якутский мороз, что нам стужа мансийская –
Рубим избы, печные кладём кирпичи.

Заметают снега поселения русские,
Из сугробов упрямые трубы торчат.
На восток и на север дорожками узкими
Серебрится просторов холодных парча.

Так с природой суровой страна моя спорила:
Месит глину печник – значит, дому почин!
Видно, русской земли протекает история
Через устье широкое русской печи.

НАДВОЕ

Надсадный год. По мешкам торговля.
– Хоть что – за хлеб!
– Твоего – не надо.
Один мой прадед убил другого,
Зерно ссылая для продотряда.

Один мой дед посадил другого,
Чтоб после драться в одном окопе.
А в наших спорах чей лучше сговор,
Зачем поломано столько копий?

Всё было: сталь, и огонь, и холод.
А сколько павших в крови листочков?
Но если надвое ствол расколот –
Срастись, и точка! Срастись, и точка!

ПРОБУЖДЕНИЕ БОГАТЫРЕЙ

Преданье существует с давних пор,
Что живы и сейчас богатыри:
Увёл их просто батька-Святогор
Под землю и дорогу затворил.

Укрыла их собою мать-земля,
Плеснула им по чаркам сонный мёд,
Проснуться лишь тогда сынам веля,
Когда последний час Руси придёт.

Когда со всех сторон да изнутри
Попрёт вражина, души полоня,
Когда во тьме, куда ни посмотри,
Не увидеть ни капельки огня,

Когда придавит небо и вобьёт
По ноздри в землю, грязью рот забив,
Тогда-то понимание придёт,
Зачем же ты под этим небом жив.

И затрубит тебе лишь слышный рог,
Рассеяв хмарь, что головы дурит.
И выйдут самой тайной из дорог
Проснувшиеся вмиг богатыри.

Илья, Всеслав, Алёша, Святогор,
Добрыня и Микула – весь отряд.
У них с врагом короткий разговор,
Когда они клинками говорят.

...Горят над Русью сполохи зари,
Разрублено драконово кольцо,
Стирают кровь и пот богатыри.
У одного из них – твоё лицо.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Он, играя со мной, по-отцовски был прост:
То подбрасывал в небо летуней,
То на плечи сажал, как в седло, – выше звёзд
Золотисто сиявшей латуни.

А когда он в тоске гарнизонных суббот
Жадно пил поцелуи бутылок,
Я сидела с ним рядом всю ночь напролёт,
Молча глядя колючий затылок.

А потом в неприглядных портретах зеркал
Незаметно он сравнивал лица,
Будто в разнице чёрточек ту вспоминал,
Для которой я стала убийцей.

Елизавета МАРТЫНОВА (ДАНИЛОВА)

Родилась в 1978 году в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета и аспирантуру при нём. Кандидат филологических наук. В 2003–2014 годах – доцент кафедры русского языка и культуры речи СГАУ им. Н. И. Вавилова. С 2008 года по настоящее время – главный редактор журнала «Волга – XXI век». Лауреат премии им. Юрия Кузнецова от журнала «Наши современники» (2008), годовой премии журнала «Сура» (2013), межрегиональной литературной премии им. Николая Благова. Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

Воздух дороги

ВОЗДУХ ДОРОГИ

Как передать невыразимое,
С ума при этом не сойдя?
Гори, звезда моя, свети, моя,
Мерцай за пеленой дождя.

Прикованный к высотам каменным,
Фонарик детский и смешной
Меня спасает тихим пламенем
От взрослой жизни заводной.

И отсвет горестный сиреневый
Ложится на больном снегу.
В бессмысленные словопрения
Вступать я больше не могу.

Я отворачиваюсь к облаку,
К пространству неба надо мной,
К летящему на синем голубю,
Звезде моей, всегда родной,

Звезде поэтов и воителей,
К лучам её – коснись руки!
...И странный свет её пронзительный
Горит безумью вопреки.

* * *

Путешествуй, душа, налегке,
Утварь дома оставь и пожитки,
Оживай – то в листве, то в строке,
В свежем ливне – промокни до нитки.

Пусть твердят, что так жили до нас,
Неумело, нелепо, нескладно –
Ничего не держи про запас,
Уходи, уезжай безоглядно.

Кто нам нужен – тот с нами всегда.
Кто оставлен – тот этого стоит.
Золотая слепая звезда
Небо зоркое взору откроет.

Но легко ли идти по лучу?
В поезд поздний в потёмках садиться?
Подожди, я тебе посвечу,
Тайной жизни твоей проводница.

Всё как прежде: цветы пустыря,
Млечный Путь и тропинка скупая,
Дом, в котором все окна горят,
Ночь горячая, золотая –

Не достаточно ли для пути
Твоего, чтоб счастливой остаться...
Путешествуй, душа, и свети
Всем привыкшим по свету скитаться.

ОКРАИНА

Окраина, старая рана,
Старухи и малые дети,
Звезда, что горит неустанно, –
И память, которая светит.

Жизнь – словно окраина эта,
Огромное жёлтое поле.
В ней хватит и ветра, и света,
И воли, и счастья, и боли.

Но мало ли что приключится –
Смотрю в поднебесье, не щурясь.
Окраина, чёрная птица,
Тень горя на сумерках улиц.

На фоне домов аварийных –
Израненный старостью тополь.
Здесь жили, стирали, варили
И жизнь не считали жестокой.

О чём сожалеть? Всё сбывалось.
О чём говорить? Всё известно.
Здесь детство похоже на старость
И старость похожа на детство.

Здесь звёзды сияют упрямо,
А сердце – светло и тревожно.
Окраина – старая рана,
Которой зажить невозможно.

* * *

Так время тёмное шумит,
Напоминая шёпот крови,
Когда Вселенная вся спит,
Влюблённых и безумных кроме.
В звенящий час растёт трава,
На шатком воздухе качаясь,
И не помогут мне слова,
Когда прильну я к ней, отчаясь
Мгновение остановить
И голос к тишине прибавить.
...Есть ветер, чтобы вольных славить.
Есть вера, чтоб её хранить.

Я ТОЖЕ СТАНУ СТЕПЬЮ

Не вечен город. Здесь столетья степь
Лежала – неподвижная, глухая.
Звезды погибшей опускался свет
До золотой земли – и в травах таял.

Степь – это воздух, горький и густой,
Весенний, опалённый, не повинный
Ни в чём – и опьянённый высотой
И радугой крылатой и наивной.

Стань детством, степь, воспоминаньем будь –
О девочке, на станции живущей.
Здесь будет город. Здесь намечен путь
Для молодых, безудержных, поющих.

Не страшно им, что призрачен барак,
Сквозящий на ветру войны великой,
Что слишком много выпало утрат
И в скорбных лицах проступают лики.

Играет девочка на пристальном ветру,
Дивится травяному благолепию
И говорит, что «если я умру,
То ничего – я тоже стану степью».

Григорий ШУВАЛОВ

Поэт, литературный критик. Родился в 1981 году в пос. Ладва Республики Карелия. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Стихи печатались в журналах и альманахах «Побег», «Братина», «5ю5», «Камчия», «Енисейский литератор», «Золотая ока», «Приокские зори», «Балтика» (Эстония), «День поэзии» (2009, 2010), «Москва», «Дети Ра», «Наш современник», «Подъём», «Родная Кубань», «Вологодский ЛАД», «Бельские просторы», в «Литературной газете», «Литературной России» и др. изданиях, переведены на английский, болгарский, вьетнамский, китайский и якутский языки. Автор книги стихотворений «Восточка» (2017). Секретарь Союза писателей России.

* * *

Меня запинают, и всё же домой я уйду.
Никто не узнает, никто ничего не заметит.
Посыплются листья, и небо подарит звезду,
В разбитое детство пускай она светит и светит.

Покуда свети, моя радость, покуда свети.
И сжалится Бог, и желанье моё не осудит:
Вернуться туда и забытое детство спасти,
Сказать: успокойтесь, не надо! – и крови
не будет.

* * *

Покров Пресвятой Богородицы,
А дождь вместо снега идёт.
В Москве наши линии сходятся,
И это к чему-то ведёт.

Всё это имеет значение.
Любовью тебя захлестну,
Испорчу тебе настроение
И рядом с тобою усну.

* * *

Небо пасмурно и мглисто,
Серый дождик льёт и льёт,
Я сегодня у юриста
Взял бумагу на развод.

Что ж, прощай, моя зазноба,
Дорогой мой человек,
Ты клялась любить до гроба,
Значит, мой окончен век.

Буду жизнью жить загробной
И не думать о тебе,
Беспринципной, бесподобной,
Промелькнувшей по судьбе.

* * *

Сижу, мешаю колу с виски –
Да растворится в сердце тьма.
Влюбиться, что ли, в толкинистку
И вместе с ней сходить с ума?

Я б с ней гонял на фестивали,
Носил кольчугу и топор,
А мне бы песни распевали
Про край далёкий Валинор.

Забыв о ремесле позорном,
Я б целовал её плечо
И сам назвался Арагорном,
А может, кем-нибудь ещё.

Когда я выходил из дома,
Эльфийки б мне махали вслед
И крепко руку жали гномы
Лишь потому, что я – поэт.

Сижу, мешаю колу с виски,
Промилле булькают в крови,
И где-то ходят толкинистки,
Моей не ждущие любви.

* * *

Всё уйдёт, но сожалеть нелепо,
Только как забыть?
Даже сигаретный дым уходит в небо,
Что тут говорить.

Мы навеки врезаны в столицу –
Нет пути назад.
Мы ещё поедem за границу,
Подкопив деньжат.

Впереди закатная полоска –
Молодость прошла.
Подожди троллейбус у киоска
И не помни зла.

ЛИТИНСТИТУТ

Здесь льют, как воду в глиняный кувшин,
Учения серебряную влагу
И ставят плюс искателям причин,
Которые испортили бумагу.

А вместо славы грубая печать,
Ничтожный штамп за Божий дар и милость.
Нас научили мыслить и молчать,
А мы живём, чтоб что-то получилось.

* * *

Меня вокзалы сделали поэтом,
Гремящие по рельсам поезда.
Я в первый раз задумался об этом,
Из дома уезжая навсегда.

Печально пело радио в вагоне,
И я глядел на голубом глазу,
Как догорал закат на небосклоне,
И неумело сдерживал слезу.

И вот опять я еду в неизвестность,
Хотя готов заранее ответ,
И музыка окутывает местность,
И кажется – вдали тепло и свет.

Мне всё ещё мерещится свобода
И верится: подруга не предаст,
А за окошком буйствует природа,
Она куда безжалостнее нас.

Влада БАРОНЕЦ

Влада Баронец – Владилена Владимировна Мактус – поэт, прозаик, критик, родилась в 1981 году. Публиковалась в журналах «Звезда», «Север», газете «День литературы» и др. Лауреат поэтических конкурсов. Член Союза писателей России. Руководитель экспертного отдела Совета молодых литераторов СПР. Живёт в Санкт-Петербурге.

* * *

Совсем как записной постмодернист,
Проспект с утра заваривает кашу.
Взирает Гоголь с пьедестала вниз.
Повсюду гомон, шарканье и кашель.

Узбеки на лесах вдесятером
Фасад штурмуют. А императрица,
Съев чебурек напополам с Петром,
Выпрашивает фото у туриста.

А у меня в затерянном дворе,
В тишайшей, самой дальней из галактик,
Полощет горло голубь на заре,
Полою пёстрой хлопает халатик.

И, переменам вход загородив,
Стоит на страже ржавая калитка.
Прилипший к ней предвыборный призыв
Дождями смыт как времени улика.

Который век, которая война.
Который на престоле император.
Моё наследство – давняя вина
За каждого страдавшего когда-то.

Но во дворе всегда лишь сизый свет
Да голубей бессловная молитва.
И миллионы, миллиарды лет
Отсюда до проспекта за калиткой.

* * *

С ночи до ночи сыплет и сыплет снег.
Стылый проспект становится глух и слеп.
Равен потере памяти снегопад.
Люди в квартирах будто впервые спят.

* * *

Шёл город по своим делам.
Ползла к обеду тень.
И скрипка тоненько плыла
В сиреневом кусте.

А в двадцать первом меж людьми
Такая теснота.
Ты в телефоне носишь мир –
И всё же сирота.

Не победить мне эту боль,
Не поделить с тобой.
Но музыкант возьмет бемоль,
А зазвучит – любовь.

Так были взяты фа-ми-ре,
Так преломился свет,
Что взмыли скрипка и сирень,
Переросли проспект.

Забыл он, что за времена,
Куда бежать скорей.
Всё слушал, как цветёт струна
И как звенит сирень.

Как ни мечтай, но белым не стать листом.
Мне на роду написано быть потом.
Древние срубы, тонушие в огне, –
Старая злоба давит на спину мне.

Все виноваты. Кажется верхом лжи,
Что в двадцать первом праведно можно жить.
Столько столетий бьются в моей груди
Зверь с человеком – кто из них победит?

Снег приглушает время. Горят огни.
Холодно. Колокол над головой звонит.
И в этом звоне площадь ясней видна,
Так же как птица, если летит она.

* * *

Тесня пространство локтем и плечом,
Одушевлённо улица течёт
Вперёд, из-за угла, навстречу, мимо.
Как волнами высокими, людьми
На мостовые плещет и шумит,
Неумолима, неостановима.

Я тоже меж других под этот шум
Из года в новый год перехожу
Зелёным светофорным человечком.
И невесомо, на манер идей,
Все переходят из людей в людей
По тротуарной вечности не вечной.

Бредёт старик – клюка и седина.
И будто не его – моя спина
Слабеет и мои трясутся ноги.
За мной бежит ребёнок семени.
Он тоже я. Он узнаёт меня
И мяч, смеясь, перед собою гонит.

И каждого родившегося боль
Я чувствую. И каждый смертный бой
Во мне звучит чужим сердцебиеньем.
Одним дыханьем движется проспект.
В толпе мелькает маленькая смерть,
И ей одной не справиться с теченьем.

* * *

Проступает комната за окном,
Как комар, впечатавшийся в смолу.
Лишь лицо маячит своим пятном,
Расплываясь выдохом по стеклу.

Вещь врастает в вещь. Со стены картин
Не убрать. Сливается стул с углом.
Это натюрморт. Человек один
Неуместен здесь со своим теплом.

Дом обычно холоден, нелюдим.
Сушит хлеб на блюде, хранит золу.
Человек приходит домой один,
Тишину спугнув и встревожив мглу.

Человек скорее хватает пульт.
Ухо к трубке прикладывает. Врачи
Так у стальных тел проверяют пульс
И, послушав пульс, говорят: стучит.

Заслонён подушкой сквозняк в груди.
Рядом дышит кто-то как будто твой.
Циферблат моргнул, показал: «один».
Ночь сошлась без всплеска над головой.

* * *

Если и писать, то лишь о большом,
О животрепещущем, о больном.
Чтобы всё, что тайное, – нагишом,
Чтобы стих, как совесть, с прямой спиной.

Если и писать, то пройти насквозь
Всё: строку, мгновение и пейзаж,
Только мысль цепляется, как за гвоздь,
За кривую вывеску «Трикотаж».

Сапогами Невский съедает снег,
Разноцветно щурится магазин.
И в попытке тщетной оставить след
Огоньки подпрыгивают в грязи.

Если и писать... Что ж ты, голова?
Мысль, уйдя с задуманного пути,
За бумажкой, сорванной со столба,
Легче тени облачной полетит.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЗИМА

Михаил КАЛАШНИКОВ

Комбат нервно стучал огрызком карандаша по карте. Окоченевшие пальцы уже не слышали холода, но сильнее морозного ветра жгла душу притаившаяся среди холмов лощинка, которую нечем было прикрыть. Накануне вечером батальон с приданными ему шестью танками ворвался в Новопостояловку, а уже поздней ночью пришлось принимать «гостей». Из Скорорыба и Опыта на связь выходили другие подразделения 195-й танковой бригады, докладывали, что позиции удерживают. Однако отступающие части противника, просачиваясь балками и лощинами, обтекали укрепрайоны и, превращаясь в мощный поток, стремились на запад.

Ночь и полдня заслон у Новопостояловки стоял в ледяной земле твёрдо, но под холмом

всё накапливались новые ручейки, грозившие скоро стать наводнением. От Россоши пришла потрепанная под Копанками «Кунеензе», а с нею части немецкого 24-го кортуса; из Семеек, Кувшина и Нижнего Карабута, едва волоча ноги, прибыла деморализованная и в крупных боях не бывавшая «Виченза»; из Белогорья и Басовки – бойкая «Тридентина»; а с севера течение прибило сюда отдельные волны мадьярской пехоты. Пёстрое войско бурлило и дыбилось, готовое вновь броситься на штурм новопостояловских холмов.

Почему-то именно сейчас, в редкую минуту затишья, перед глазами у комбата всплыла недавняя картина. Два дня назад их батальон окружил хутор, где укрылось до трёх сотен итальянцев. Уже подошла «катюша», и миномётчики уложили на ребристые швеллера длинные реактивные заряды. Откуда-то выскочил

мертвенно-бледный солдат и упал комбату в ноги, сбивчиво умолял не стрелять по хутору: он здешний, в хуторе его жена и дети. Комбат, уже воспалённый горячкой, что неизменно возникает за секунды до боя, тем крайним пылом, от которого уже не отвернуть, чуть колебавшись, всё же рубанул рукой воздух, дав отмашку миномётному наблюдателю. Через мгновение воздух задрожал от залпов. Подняв за плечи дрожавшего в рыданиях солдата, комбат крикнул ему в самое ухо:

– Разведка доложила: нет там никого! Хутор выселенный!

Солдат знал, что командир ему врёт, и всё твердил сквозь рыдания:

– Да как же я... воевать дальше... да как же... других освобождать-то буду, когда своих...

«Катюша» проутюжила хутор, и тот вспыхнул с нескольких концов. Уцелевшие итальянцы кинулись навстречу красноармейцам с поднятыми руками. Из окна крепкого рубленого дома лупанула пулемётная очередь. С десятков сдавшихся, падая, зарылись в снег, а другие продолжали бежать, на ходу указывая рукой в полыхавшее оранжевым светом окно:

– Ньиемец! Ньиемец!..

Группа бойцов быстро окружила дом, и кто-то закинул в окно две гранаты. Итальянцев переловили и собрали в колонну на краю горевшего хутора. Комбату доложили, что обошлось почти без потерь, только при штурме злополучного дома убит один и ранены двое. Ещё сказали, что среди трупов нет ни баб, ни детишек, одни погибшие итальянцы, хутор и вправду оказался безлюдным. Это, конечно, обрадовало бы того хуторянина, что просил у комбата милости для родного гнезда, но он-то и был тем единственным погибшим солдатом. Наверное, не случайно он оказался в штурмовой группе. Будь он уверен, что хутор пуст, потерь в этом бою было бы меньше, но если б не пальнула «катюша», их было бы значительно больше.

Комбат через вестового вызвал одного из ротных. Пристроившись на завалинке покосившейся хатки и расправив карту на жестяном корыте, перевёрнутом вверх дном, комбат объяснял:

– Видишь промоину?

– Не такая уж и промоина, вроде как и хуторок имеется, – присмотревшись, ответил ротный.

– Да от хутора одно название. Был я там с утра. Два сарая да три кошары. Остальное погорело да немец на блиндажи растащил. В общем, набери у себя человек десять. Я Витюху своего за резервами послал. Соберёт кашеваров, водительскую братию да ремонтников с санитарями. Глядишь, может, с твоими десятка два с половиной наберётся. Витюху во главе поставлю – и туда. Пусть держат.

– Сделаем. Как считаешь, командир, выстоим?

Комбат ответил не сразу. Опять привычно постучал карандашом в какой-то топографический знак на карте, подул на заледеневшие пальцы, так, для проформы, и, кашлянув, медленно произнёс:

– Вижу, к чему ты клонишь, друг. Я и сам вчера думал: «Да чёрт с ними! Я задачу выполнил, село занял, через него они не пройдут, и пусть разбегаются, как тараканы, кто куда. Пусть их там, под Ольховаткой, другие перехватывают».

Ротный на эти слова хмыкнул и примиряюще махнул рукой, мол, и не думал я так вовсе. Но комбат жёстко добавил:

– Только нам их потом опять же бить! Когда они на новых рубежах окопаются, очухаются, окрепнут. Выходит, нельзя их туда пускать! Теперь надо! Вот тут вот! Пока он дерьмо своё из штанины вытряхнуть не успел. Пока у него под носом юшка не растаяла. А уж выстоим или нет...

Ротный отвёл глаза и уставился в карту, промолвил:

– Мда, Новопостояловка. Ну что ж, не самое плохое название для места, где суждено умереть. А сверху что? Постоялый? Не шибко тут с названиями.

– Постоялый, гляди, на большаке стоит, из Россоси на Воронеж, да ещё сбоку дорожка от Ольховатки. Сам бог велел в таком месте постоялый двор ставить. А уж рядом с двором и деревенька выросла, наверное. Когда людей

много стало, пошли на новое место. Вот тебе и Новопостояловка.

– Должно быть, так...

Вестовой Витюха к этому времени уже подчищал тыловые резервы. Пожилой повар, быстро раскупорив банку консервов, снял сверху ножом слой жира и кинул на затвор давно не смазанного, застывшего на морозе карабина. Фельдшер из санбата туго набил сумку перевязочными пакетами, а карманы – пачками патронов в промасленной бумаге. Из-под капота итальянского грузовика вылез шофёр с мазутными полосами на щеке. Кожа его пальцев, непривычная к здешним морозам, прилипла к металлу, и пальцы на суставах кровились.

Шофёр был родом из далёкой южной страны. Ещё три дня назад он носил другую форму, подчинялся иному начальству и другие в его окружении были соратники. Но в ночном бою его колонна попала под обстрел и сдалась без боя. Русским тоже до зарезу были нужны грузовики, ведь в этой снежной пустыне не угнаться за бегущими на своих двоих. Шофёра и его товарищей построили тут же, у заглушённых грузовиков, и советский политрук на плохом языке их народа предложил послужить делу Сталина. Их увещевали, что служба будет глубоко в тылу, вдали от военной опасности. Им обещали скорую отставку домой, как только Советы победят Муссолини. А тем, кто не согласится, сулили долгую отсидку в далёкой и морозной Сибири, где холода и вьюги такие, что нынешние покажутся за райский отдых. Почти все земляки шофера согласились. Их тут же одели в старую, а порой и окровавленную красноармейскую форму, снова усадили за водительские баранки. С тех пор шофёр намотал немало километров, дважды застревал в сугробах, переворачивал канистру над топливным баком, насыщая своего «зверя», ещё меньше ел сам, почти не спал и вовсе не отдыхал. В его «фиат» что-то грузили, выгружали, садились и вылезали солдаты. Перед глазами мелькали освобождённые, охваченные огнём, дотлевающие хутора, в которых так недавно жили его земляки. И он жил в таком же хуторе целых четыре месяца и всё не мог привыкнуть к этим

русским жителям. Три дня назад он видел, как в только что освобождённом хуторе убивалась над трупом солдата молодая селянка. Он подумал, что это фронтовые дороги завели погибшего солдата в родную сторону и неутешная вдова плачет над телом мужа, но напарник Луиджи, сносно понимавший по-русски, объяснил ему, что эта девушка впервые видит павшего солдата. В ней смешались радость от освобождения и тоска от утраты. Она и живым-то его не видела, но вот теперь горюет, как по родному.

Под конец вчерашнего дня шофёр едва двигался от вечной усталости и долгого недосыпа. Но вот наконец-то его грузовик остановился. Даже ночная стрельба и канонада не помешали его сну.

– Эй, Франческо, айда со мной! – хлопнул его по плечу чубатый парень.

Он постоянно был у главного начальника на побегушках. Интересно, чего ему понадобилось? Может, начальник вызывает Франческо к себе, чтобы наконец отправить в глубокий тыл, туда, где есть натоленные хаты, горячая еда и настоящий гараж?

Но чубатый парень поставил его в строй с другими красноармейцами, вручил итальянский карабин и перепоясал патронташем, добавив: «На, твоей системы, должен разобраться».

Шеренга из двадцати пяти бойцов развернулась и жидкой ниточкой потекла в лощинку. От хутора и впрямь почти ничего не осталось. Зияло несколько пожарищ с чёрным закопчённым настом вокруг и мутными лужами растопленного снега, уже подёрнутого ледяной коркой. Уцелевшие хозяйственные постройки были раскиданы по обеим сторонам дороги, что стелилась по дну лощины. Рядом с дорогой петляла неглубокая канава с перекинутыми то тут, то там шаткими мостками.

Вестовой распределял бойцов по уцелевшим строениям. Дошла очередь и до Франческо.

– Так, кто тут ещё остался из тыловой шатии? Друг наш итальянский да Терентий из санбата. Разбавим вас пулемётчиком вот да бронебойщика дадим. Кто ещё? Ну, давай ты, Митрич! Да не журишь, с тобой медицина будет – Терентий, цельный фельдшер, не хухры-

мухры. Вот впятером и давайте в ту вон хибарку. Там и крыша целая, задувать вам не будет...

Пулемётчик первым подобрался к хибаре и надавил на низкую, вмёрзшую в землю дверь. Она крякнула и сорвалась с петель. Жилище оказалось полуобитаемым. В нём были маленькие сенцы, низкий потолок и крошечная печурка. Как только началась операция с дверьми, на чердаке взбудораженно заголосила курица.

– О, теперь мы её быстренько в бульончик! – ожил Митрич, крайне потерявшийся, если уходил от полевой кухни дальше чем на километр.

– Охолонь, стряпуха! – цыкнул на него бронбойщик. – Для начала позицию сготовь.

– И как уцелела, шельма? – будто не слыша, вставал на цыпочки и пытался заглянуть на чердак Митрич.

– Да заткнись, тебе сказано, поварска душа! Тут бой на носу, а вин куру гоняе, – ругался бронбойщик.

Стёкол не было во всех трёх окнах, на земляном полу под ними высились снежные курганчики. Пулемётчик без разговоров встал у окна, выходящего к горловине ложбины, установил найденный низенький стол и утёр в его крышку пулемётные сошки. Бронбойщик пехотной лопаткой в пять минут прорубил в саманной стене хатки узенькую бойницу. Она получилась у самой земли. Установив ружье, он лёг на пол и поводил стволом из стороны в сторону. Фельдшер присел на колено у бокового окна и долго смотрел в него, изучая склон, на котором мог появиться противник. Затем он расстегнул сумку и, достав два жгута, обмотал их вокруг приклада своей винтовки. Рядом со стеной фельдшер разложил несколько перевязочных пакетов, пару самодельных шин, приготовленных из банок американской тушёнки, и гранату в сетчатой «рубашке». Митрич всё время топтался у третьего окна, переминался с ноги на ногу и прислушивался к недовольному куриному квохтанью.

– Не топчись там, – обернувшись, сказал ему бронбойщик. – Немец с тылу не прійде. Иди вон к Терентию. По очереди в викно пулять будете. Пока одын перезаряжа, другой – стреляе.

– А я вот думал, может, на чердак залезть? Разберу крышу да между стропилами пристроюсь. Оттуда видно всё...

– Не трэба на горыще лазыть! Видтиль тэбэ швыдче знимуть.

Митрич покорно встал рядом с фельдшером. Франческо всё это время жался у печки, не зная, что ему делать и куда приткнуться.

– Пидходь до мэне, итальянец, – махнул рукой бронбойщик. – Будэшь вторым номэром. Бачь, оде бэрешь обойму и патрон пыхаешь.

Бронбойщик легко вправил длинный патрон в магазин. Затем замкнул обойму под ложем долгоносого ружья, показал, будто выбил все пять патронов, и, отцепив магазин, не глядя бросил его Франческо, глазами указав на мешок со свежими патронами. Франческо едва заметно кивнул в знак того, что осознал свою миссию. Бронбойщик внимательней взгляделся ему в глаза, с шумом выдохнул и прошептал:

– Думаешь, нам война замисто сиропу? Не, браток, раз прійшов до нас – в сторони нэ отстоишья...

Повернувшись к пулемётчику, он в полный голос спросил:

– Ну, як позиция, Муса?

Пулемётчик, сняв диск и убедившись в его полновесности, с громким щелчком насадил обратно и, широко улыбнувшись, ответил:

– Хороший позиция, товарищ командор.

– Шоб я такой хреновины бильш нэ чув. Який я тебе командыр? – Бронбойщик коротко хмыкнул.

Во вражеском стойбище гул не стихал. Ревели танковые двигатели и моторы артиллерийских тягачей, на низких оборотах страдали в последнем предсмертном рывке увязшие в сугробах грузовики. Изредка сквозь гомон прорывался пронзительный крик мула или надрывный коровий плач. Масса в двадцать тысяч человеческих голов, растянувшись на несколько километров, клочкотала и клубилась в широкой заснеженной долине.

Разноязыкую многоголосицу разрезал привычный клич:

– Доблестные альпийцы! Многие из вас знают меня! Я был с вами во многих боях! За

этими чёртовыми холмами наша с вами жизнь! А значит, и жизни наших жён и детей! Спасение только в прорыве! Нас много, ведь не зря наш девиз – «лавины, несущая смерть!». Так давайте взроем эту трижды проклятую высоту! На ней лишь горстка русских. Накроем их своей лавиной!..

В толпе возникло некоторое оживление. Командир-оратор бегло подзывал начальников подразделений и раздавал торопливые приказы. Он спешил, пока колыхнувшееся возбуждение не померкло. Многонациональная лавина из армий трёх государств поползла на взгорок перед Новопостояловкой. Отдельные рукава её заполнили балки, овраги, промоины, где можно было укрыться от разящего огня.

В узкой горловине показалась серая человеческая каша. Закутанные в тряпье лица, плечи, укрытые поверх шинелей шерстяными одеялами, полосатые домашние чулки, торчащие из кожаных, подбитых железными крючьями башмаков. Какого-то порядка или строя не наблюдалось. Люди просто валили толпой в надежде прорваться или умереть.

С улицы донесся голос вестового:

– Огонь по команде! Слушать, когда мой «папаша» загавкает!

Муса широко расставил ноги и наклонился над пулемётом. Сузив и без того свои монголоидные глаза, он поймал в прицел передний ряд и замер. «Лучше, чем в тире, – думал он, – ни одной пули в молоко. Это тебе не на охоте, где за каждый впустую потраченный патрон дед до крови дерёт ухо. Волк – охотник, одиночка, его жалеешь, когда подстрелишь. А это человеческо-скотское стадо стоит ли жалеть?»

Терентий ещё раз ощупал карманы с патронами, снял винтовку с предохранителя, загнал патрон в ствол. Его мысли были такими: «Соотношение простое – один к сорока, не меньше. Только бы хватило бинтов. Жгуты на прикладе, в сумке рыться не придётся. Всё здесь, всё под рукой».

Митрич подавленно опустил руки с винтовкой к земле, думал о своём: «А завтра Проща сам будет крупу отмерять, сам в бак снег вместо воды таскать, сам дрова рубить... если сегодня

выживет... прощай, Авдотья... прощай, Колюшка... прощай, Маринка... прощай, маманя...»

Толик плотно прижал приклад ружья к плечу, притёрся щекой к кожаной накладке, прищурил левый глаз и, забывшись, в напряжении приоткрыл рот. В голове его пробегали слова: «Такой ценой умирать не страшно. Отплатят же они мне сегодня. За отцовский дом, за сестёр и мать, что остались под немцем! За Днепр, из которого их поганые рты святую воду мою пили... за всю нашу землю, на веки веков опечаленную».

Франческо лежал на животе рядом с бронбойщиком и смотрел на приближающиеся лица. Лица его земляков, его однополчан. Они ещё далеко и почти не различимы, но вот в фигуре того долговязого парня столько схожего с Антонио. Его закадыги Антонио. Та же сутулая спина и угнанная в плечи голова, та же походка. Это мираж или совпадение?

Антонио, слабо сжимавший в руках, более привыкших к водительскому рулю, чем к оружию, короткоствольный карабин, конечно, не видел своего притаившегося за амбразурой товарища. Омертвев от страха, он двигался лишь по инерции, влекомый толпой. Мысли роились в его мозгу: «Я целиком погружаюсь в эту стрельбу. До сих пор она была где-то спереди, сбоку, сзади, но всё время на расстоянии от меня, а теперь я полностью укутан ею. Наши ряды тают с каждым часом. Нас всё меньше, и никто не вернётся домой. Может быть, только эти немцы? Они бывали в переделках и держатся особняком. Мы для них *italienische zigeuner* – сброд, цыгане, мразь. А ведь это из-за них мы здесь! Почему же я тут? Разве это моя война? Я бы прожил и без этих заснеженных пустынь, без этих разбросанных хуторков, без этого воздуха и неба. Мне всего хватало вдосталь дома».

След в след за Антонио шагал венгерский гонвед, такой же долговязый и понурый. Винтовку он держал наперевес, и его правая рука выбивала мелкую дробь на прикладе. Трудно было сказать, отчего он трясся больше. Страх ли, усиленный холодом, колотил его промёрзшее тело или тоскливые мысли о доме? А может, и собственные воспоминания: «Господи! Я знаю, за что ты так со мной... за ту русскую

девку, опоганенную... за расстрелянных русских пленных... за старуху, что я спяну зарубил посреди улицы. Кару эту я заслужил...»

В группе венгерских солдат прихрамывал, волоча подмороженную ногу, закарпатский русин. Он часто поднимал глаза к небу, жмурил их, а когда раскрывал веки, то по щетинистым щекам его текли слёзы. Всё время, пока они шли в долине, он истово молился. Иногда молчаливые молитвы его прерывали такие мысли: «Там, по ту сторону фронта, возможно, такой же украинец. Говорит на том же языке, что и я, поёт на Рождество те же колядки, что и я. Его пригнали сюда подневольной скотиной для забоя, как и меня. Доколе же будет наш народ разделён между швабом и москалём?»

В хвосте непролазной тысячной тучи ползли два немецких танка со взводом пехоты. Солдаты осторожно ступали по взрыхлённой гусеницами и двумя тысячами ног каше, изредка выглядывая из-за брони. Горбоносый ефрейтор накинул на шлем капюшон маскхалата, нагнувшись, ухватил на ходу горсть снега и бросил себе в рот. Снег был с запахом солянки. Ефрейтор пожевал его и сплюнул на сторону. Выглянув из-за танка ещё раз, он подумал: «Скорей бы началось уже. Хотя, может, и нет здесь никого? Тогда рванём на скорости. Но сомнительно, чтобы русские здесь никого не оставили. Лощинка удобная, а они, кажется, научились воевать. Русак не тот, что в прошлом году, стал крыть нашей же картой. Ну, что там эта шваль? Сейчас её настелют слоями, а нам доделывать работу. Есть надежда, что русские переведут на них все патроны и силы. В этом и будет польза паршивой овцы».

Первого выстрела ждала как одна, так и другая сторона. Когда в толпе наступавших стали различать ошетилившиеся стволы в окнах и проломах сараев, с крыши какого-то хлева проголосил ПППШ вестового. Франческо услышал, как на чердаке курица в последний раз вскрикнула и замолчала, то ли убитая, то ли перепуганная насмерть. Молчание вдруг, к удивлению итальянца, сменилось живой перекличкой и даже чуть ли не балагурством,

которого он никак не ожидал от людей с такими жёсткими и сосредоточенными лицами.

– Гарнэ жнивье, лишь бы боезапасу хватало! – кричал бронбойщик, переставляя в ружье кассету.

– Не думай, Толик! В штык пойдём, как соседний полк! – вторил пулемётчик, не отрываясь от прицела.

– Слышал и я эту байку!.. Там две сотни в ножи взяли!.. Итальянец квёлый, обессилел от Дона драпать!.. – между выстрелами вставлял фразы фельдшер.

– Эхма! Выноси угодники! Отродясь столько не стреливал... – отдувался Митрич.

Человеческое море натолкнулось на поток свинца, но не отпрянуло, а волна за волной неслось дальше. Люди уже не принадлежали себе, а лишь стихии. Лёгкая плотина из советского многонародья затрещала под напором навалившейся волны фашистско-нацистского интернационала. Однако и волна заметно прогибалась и рушилась. Чем ближе к плотине, тем гуще стелились её потоки.

Бронбойщик впервые в своей практике лупил из самозарядного ружья очередями в пять патронов. За квадратной наשלёткой ствола он видел, как переламываются пополам тела, как отрываются руки, а порою и головы, срезанные ударами противотанковых пуль. В перерывах между стрельбой глаза его выхватывали людей, что рушились на колени, крестились по-заграничному, разводили руки в стороны, складывали их на груди и о чём-то молили небеса, тут же втапывались в снег задними рядами или гибли под пулями, которые и вправду ни единожды не пропали зря. И вновь плюхало его ружьё.

Франческо, конечно, не успевал набивать магазины, с непривычки и растерянности едва попадая патроном в приёмник.

– Собачнык паршивый! Як тэбэ в арміі держалы?! Чёрт мазутный! – безжалостно кристил его бронбойщик.

Пули, легко прошивая саманные стены хибарки, выщёлкивали пригоршни сухой глины. Франческо вжимал голову, растягивался на земляном полу и ещё больше терялся под

потоком бронебойной брани. Один из таких пулевых щелчков свалил на пол кашевара. Фельдшер дострелял обойму и склонился над телом Митрича. У того в боку вылез кусок ваты из засаленной телогрейки, но вата была не белой, а красно-рыжей. Разорвав пакет, фельдшер торопливо запихнул в дыру телогрейки свежей ваты, зарядил винтовку и снова бросился к окну.

Из тылов неиссякаемой волны вырвался пушечный залп. Франческо увидел, как снаряд развалил стену в соседнем сарае. Через минуту из-под обломков стены проклюнулся ноздреватый ствол автомата. Из пыли и дыма проявилось лицо с примятым чубом, перепачканное кровью и глиной. Пламя из автомата ещё раз выскочило тонкой жалающей струёй, а потом ствол безвольно ушёл в гору.

Франческо сел на пол и прижался спиной к стене. Пуля щёлкнула над его головой, затем у левого уха, а следующая вместе с доброй порцией глины отбросила его прижатый к стене затылок. Голова итальянца упала рядом с наметённым в разбитое окно сугробом. Ворох снежинок колыхнулся над маленьким курганчиком, и одна из них одиноко спустилась на глаз убитого, растаяв там, в уже мёртвом, но ещё тёплом, не остывшем зрачке.

Располовиненная волна смяла худенькую плотину и, утратив скорость и силу, всё же покатилась дальше. Танки проутюжили те развалины, что не успели разрушить их пушки. Только хибарка с пятью мёртвыми солдатами и уцелевшей курицей так и осталась ими не тронутой. Когда снежно-глиняная пыль осела, а над ложиной ещё не утих стон раненых, курица, отчаянно кудахча и хлопая крыльями, слетела с чердака. Она прошла по хибаре, переводя недоумённый птичий взгляд с предмета на предмет, клюнула выпавшую из саманной стены раковину речного моллюска и, продрогшая, угнездилась в обронённую кем-то солдатскую ушанку, спрятав от холода свои уродливые лапы.

ИТАЛЬЯНЕЦ

Чёрный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца, –
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далёком!
Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Но ведь я не пришёл с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землёй Рафаэля!

Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.

Разве среднего Дона излучина
Иностранным учёным изучена?
Нашу землю – Россию, Расею –
Разве ты распахал и засеял?

Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далёких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю – и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Никогда ты здесь не жил и не был..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застеклённое в мёртвых глазах...

Михаил СВЕТЛОВ, 1943 год

Александр РУХЛОВ

Александр Владимирович Рухлов родился и вырос в городе Кургане. Окончил филологический факультет Курганского государственного университета. Кандидат филологических наук, диссертация посвящена целостному анализу художественного мира поэта Леонида Губанова. С 2007 года публикуется в местных периодических изданиях.

Автор сборника стихов «Мосты времени» (2010). В 2017 году в Санкт-Петербурге отдельным иллюстрированным изданием вышла в свет уличная поэма «Шпана». С 2010 года работает в Курганском областном лицее-интернате для одарённых детей в качестве учителя литературы и искусства, педагога дополнительного образования, а также на административных должностях. Член Союза писателей России.

КАПРИЧЧИО

Я твой провинциальный Петербург.
Я белое пятно, я чистый лист.
Во мне звучит, торжествен и упруг,
Каприз дождя, упавший на карниз.

Я город, что родился из болот,
Как непроглядный утренний туман.
Как мятую тетрадь тревожных нот,
Меня Сибирь упрятала в карман.

Меня Сибирь упрятала в минор,
В бессонницу, в подклад, в черновики,
Как будто подписала приговор
Поверх моей недогнувшей строки.

А ты меня найди. Раскрой рояль,
Сыграй мой заблудившийся каприс.
Мои кварталы музыкой изрань,
В меня ветрами дальними ворвись.

А ты меня шагами потревожь,
Стирая о брусчатку каблук.
Приди на площадь, где гранитный вождь
Застыл в порыве каменной руки.

Пройди по улицам, ломая ранний лёд,
Губами к ночи прикоснись едва.
Смотри, как отправляются в полёт
Освобождённые тобой мои слова.

Не дай заснуть, пропасть среди снегов –
Здесь осень рано выбивается из сил.
Играй мучительную пьесу про любовь,
Которую тебе я посвятил!..

Закрой рояль, промокший под дождём.
Согрей в руке надтреснутый бокал.
Я – город. Тот, что в имени твоём
Своё забытое название отыскал!

НА ТОМ БЕРЕГУ

У реки – рассыпавшийся храм,
Над рекой растерянная вера.
Песни – птицам, а слова – стихам
Молчаливое раздаривает время.

Надевали покупное в городах,
Шли молиться истово и жадно,
Только стала талая вода
Приходить хозяйничать сюда,
И деревня на плотам и по бродам
На высокий берег убежала.

И остался за рекою рыжий храм,
Будто конь от табуна отбился.
А потом, по вере и грехам,
Мужикам-хозяевам сгодился.

И, кирпич кроша, не помнили имён
Ни вождей, ни дьявола, ни Бога.
А закат, как страшный красный сон,
Брюхом навалился на дорогу.

Был когда-то храм и люб, и леп,
Но мужик, шурша ногами в мокрой крошке,
В лодке вёз кирпич, как чёрствый хлеб,
И мостил к коровникам дорожки.

Храм глядит на деревенские огни.
Он пошёл бы к ним, да вовсе обезножел.
Без креста несёт он крест, считая дни,
Позабытый, поразбитый, рыжий, Божий.

По-над берегом без роду и родства
Горбится юродивым калекой.
Что-то шепчет жёлтая листва
И к воде стыдливо опускает веки.

ДВА ПИСЬМА ИЗ ПРОВИНЦИИ

– Расскажи мне о городе, по которому
ты идёшь.

Говорят, у вас звёзды светят немного искоса,
Каждый поэт носит в кармане осенний дождь
И подходит к людям на расстояние выстрела.

– В нашей глуши – так повелось в поколениях –
После праздников люди ходят слегка не в ногу.
Голубеет вечерний январь, и чернеет
заснеженный Ленин,
А за окнами небо – ясные глаза Бога.

СИБИРЬ

Липнет вечер на стекло, сохнут губы.
Далеко ли до воды, мать степная?
Белоглазая Сибирь точит зубы,
Усмехаясь недоношенным маем.

Однорукая метель месит тесто –
Далеко ли до беды, мать честная!..
Крутобёдрая Сибирь пахнет лесом
И морочит непонятными снами.

В темноте шуршат Батыевы орды.
Далеко ли до креста, Мать Божья?!
Краснорукая Сибирь бьёт морду,
Криво скалит острозубую рожу.

Из кедровой тьмы небес падал ангел,
Из-за левого плеча смотрят бесы.
А сибирский лик угрюм, не разгадан.
Синий профиль на груди – Достоевский.

ЛЕРМОНТОВ. ОДИНОКОСТЬ.

Глава из цикла «Страницы»

Добрый дядя, молчи. Я и сам понимаю: недаром
На портретах и полках так скучно и грустно ему.
Он ушёл на полслове в невозможные,
долгие дали,
Словно снег оборвался с ветвей
в тёмно-синюю тьму.

То ли дым пистолетный, иль мгла
пятигорских туманов,
Или ночь опустилась на тайнопись горных дорог,
Или скрыла волна зыбкий след
у границы лимана,
Или спрятался образ в шершавых
расщелинах строк?

Ты однажды ушёл. И, пожалуй, вопросы излишни:
Нам остались тома, чтоб на судьбы поэтов гадать.
Жизнь – обманчивый звук, лишь дуэльного
пороха вспышка,
Лишь короткий дефис, отражённый в зеркальной
симметрии дат.

Лишь одно примирит с этой резкой,
насмешливой былью:
Смерть поэта не внове, но слово,
представьте, живёт!
И поэт по ночам окунает в прохладную
рукопись крылья,
Словно ангел полночный вершит свой
предвечный полёт.

Отдохните, поэт. Расстегните мундир этот тесный.
Расскажите, поручик, зачем вам опять не до сна.
Может, станем на «ты»? Ни к чему церемонии,
если
Мне твоя одинокость, как ночь на морозе, ясна.

РОДИТЕЛИ

Отрывок из уличной поэмы «Шпана»

Там, где небо пронзительно,
Где кресты покаянные,
Целовались родители
Под цветущею яблоней.

Летним днём очарованы,
Осторожно и вкрадчиво:
– Твои губы вишнёвые..
– Твои руки – горячие!..

А забудутся прозою –
Вновь закружатся парюю!..
Тихой раненой бронзою
Листья с яблони падали.

И о чём только пели вы,
Чуть касаясь земли?
Это яблони белые
На висках зацвели.

ОДИССЕЙ

Я Одиссей. В крови шумят века.
И долог путь, и годы кровожадны.
Я шёл без карт, но шёл наверняка –
На шум одежд прозрачных и прохладных.

Ветра безумствуют. Разбиты корабли
О рифы острые, затерянные в море.
Зачем я уходил на край земли
И оставлял тебя одну рыдать у мола?..

Кругом лишь невозможный горизонт,
Где небеса и волны бьются лбами.
Сквозь голоса сирен иду на зов,
Зову тебя солёными губами.

И я приду – назло отливам всем
И поцелую женщин нелюбимых.
Я растеряю всех в пути. Я – Одиссей.
Одной тобой в крошечной тьме хранимый.

Анастасия ЕГОРОВА

Родилась в 1989 году в г. Омске, на данный момент проживает в Санкт-Петербурге. Работает врачом.

* * *

В детстве мама учила:
Носи красивые платья,
Всегда держи спину ровно,
Не сбегай с мальчишками из двора.

Сейчас я ужасно сутулюсь,
Мотаюсь из Питера в Подмоскowie,
На коленке у джинсов – дыра.
Но теперь никто не даёт советов.
И уже никто не ругает зря.

Только глядя, как я одета,
Мама хмурится, говоря,
Что я выгляжу, как подросток,
Из упрямства и озорства
И лишь делаю вид,
Что взрослая.

И я знаю, она права.

* * *

Мы вырастаем, взрослеем,
Становимся так похожими,
Становимся толстокожими,
В круговороте «работа – дом»
Не находим места для драм.
От наших глубоких ран
Остаются шрамы,
Но всё же светлеет с годами
И самый ужасный шрам.

Вся наша боль –
Отголоски от прошлой боли.
Да, я по-прежнему не с тобою,
Да, были ночи без сна,
Где давили и стены комнат,
Но у меня нет свободного времени,
Чтобы об этом вспомнить.

Ведь забывать – это ценный навык,
Когда от памяти,
Как Колобок от Бабушки, укатился.
Когда все глаза проплакал,
А после набрался сил
И всё позабыл, что было,
Абсолютно всё позабыл.

И жизнь идёт своим чередом,
Всё спланировано,
На годы вперёд расписано, решено.
Но тут находишь в кармане куртки
Старый билет в кино.
И эта находка в броне
Пробивает брешь,
Нещадно рубит забвений твоих леса.
Считал, для прошлого неуловим?

А вот и поймала тебя Лиса.

* * *

Самолёты возят мою тоску.
Она едет в багажном отсеке,
Куда бы я ни сбегала,
От Москвы и до Сенегала.
И оштрафовать меня некому,
Вроде: «Девушка, у вас перевес тоски.
Улыбнитесь, пусть влезет
Хотя бы в ручную кладь,
Разгрузите багаж килограмм на пять.
Да, и стоит включить эти грусть и отчаяние
В список с самовоспламеняющимся».

И я была бы готова
Сбросить ненужный груз,
Потерять багаж, позабыть в аэропорту.
Но ты любишь во мне лишь ту,
У которой внутри болит.
Ведь у грустных красивые песни
И трогательные стихи.
А больше моей тоски
Только моя любовь.
Но она так огромна
И столь несносна,
Что не подлежит
Авиаперевозкам.

* * *

Посади внутри себя дерево, выдумай сына
И построй в голове
Домик с изгородью зелёной.
Вот и всё, никакой причины
Чувствовать себя обделённой
Больше нет.
Это твой ответ
Настоящему сложному миру.
Это то, что должны мужчины
(Настоящие в настоящем)
Сделать за целую жизнь.
Ну а ты создавай миражи,
Береги свой дар и способность выдумать.
И носи внутри, как ребёнка мать,
Свою выдуманную Вселенную.
Перевязывай её лентами,

Упаковывай в праздничные коробки,
Жди, когда появится тот неробкий,
Кому можно будет её вручить, –

У него от съёмной квартиры всего лишь
пока ключи,
И он тоже часто живёт мечтами.
Но у него на балконе в горшке
настоящий саженец,
И он откуда-то знает, как заливать
фундамент.

* * *

Мой мир пошатнулся –
Уходят слоны, уплывают киты
И огромная черепаха.
Не чувствую страха,
Земля не трясётся,
Растут на балконе цветы,
Мосты, будто рёбра,
Надёжно хранят сердце города.
Надеюсь, слоны возвратятся скоро,
Китам с черепахой, пожалуй, подольше плыть.

В мире моём всё устроено, как и прежде:
Вокруг все вырастут,
Сидят вечерами в клубах и кабаках.
Я, как ребёнок, громко смеюсь,
Бываю вредной, порой настойчивой,
Но вот стою на ногах теперь
Как-то неустойчиво,
Хотя в старых кедах хожу,
А не в туфлях на каблуках.

И это нелепо, но даже немного весело –
Как стало легко в этом мире терять
равновесие.

Возможно, что стало легко здесь
Терять и друг друга?
Поэтому дай мне, пожалуйста, руку,
Чтобы не падать так часто,
Пока не вернутся киты.

Светлана ПОПОВА (ЗЮГИНА)

Светлана Олеговна Попова (Зюгина) родилась в 1988 году в г. Елабуге. Окончила Набережно-челнинский филиал Казанского федерального университета, факультет прикладной математики и информационных технологий, по специальности «экономист-математик». Работает в фирме ООО «Попов». Печаталась в литературных журналах «Аргатак. Татарстан», «Идель», «Огни Кузбасса», «Галерея», «Образ», «Гостиный двор», в международном литературном альманахе «Муза», в журнале Российского общества современных авторов «Правда жизни», в общеписательской «Литературной газете». С 2017 года – член Союза российских писателей.

* * *

С каждым вдохом всё ближе,
С каждым выдохом – легче.
По-весеннему дышит
Розовеющий вечер.

И как будто нежнее
Предзакатное небо.
Только губы, немея,
Что-то шепчут нелепо.

И в предчувствии счастья
Я тяну к тебе руки.
Бьются пульсом в запястьях
Сердца гулкие звуки.

Опускаясь на крыши,
Меркнет в сумерках вечер.
С каждым вдохом мы ближе,
С каждым выдохом – легче.

* * *

Баюкают киты
Наш мир на круглых спинах.
Созвучия в старинных
Мелодиях просты.

Они поют о том,
Как мы за милей мили
Веками в море плыли
За рыбьим косяком.

До срока. А потом
Те рыбы – наши души –
Перебрались на сушу
В облики людском.

Но как заведено
Волнам вернуться в море,
Так душам, водам вторя,
Быть там же суждено.

Ребёнку через мать
По тёплой пуповине
Звучит напев поныне,
Чтоб тайну передать.

И слышу: раз-два-три –
К груди сильнее руки –
Ритмичных песен звуки
Я чувствую внутри.

И верю – пусть простит
Коперник – в самом деле
В китовой колыбели
Земля спокойно спит.

ЗАПОЛЯРНОЕ

В белые ночи танцуют шаманы
У синей Печоры-реки,
И перьями обе руки
Мои покрываются, и беспрестанно

Бьёт ритм ритуального бубна в запястьях
И где-то под сердцем внутри!
На солнце ночное смотри
И ввысь устремись к ощущению счастья!

Я будто бы севера дикая птица,
Лишь ветер по перьям бежит,
На кончиках пальцев дрожит,
И тундра ковром разноцветным ложится!..

Но платою будет моей за полёты
Душа, что останется здесь,
Где ягель и скрюченный лес,
Куда добираются лишь самолётом...

Прохладой озёра налиты до края,
Брусника сверкает росой.
По мху пробежаться босой,
На алое солнце смотреть, засыпая, –
Вот чудо, открытое мной.

* * *

Тонкой струйкою жизнь течёт
Из ладоней моих – в твои.
Сколько мимо лилось – не в счёт,
Всё поделено – на двоих.

Пей из рук.
Как усталый пёс,
Головою прижмись ко мне.
Ты мечты сквозь преграды нёс,
Словно груды седых камней.

Счастье – капля живой воды.
Я её зажимаю – в горсть.
Для тебя берегла.
А ты
Пей её, чтобы всё сбылось.

Прошлой жизни осталась нить –
Помнит память о той судьбе.
Ты с ладоней давал мне пить,
За спасением шла – к тебе.

* * *

Отмерен пульсом стук колёс,
Дорог железные маршруты.
Мне предстоит сию минуту
Стать пленной двух стальных полос.

Из пункта А пойдёт состав,
Километраж свернётся в кокон,
Просветами квадратных окон
На фоне неба замелькав.

И все доверятся судьбе.
И время потеряет силы.
И рельсы побегут уныло
Прочь, до прибытия в пункт Б.

А нам останется лишь ждать
Конца пути, как новой эры.
И замкнутостью атмосферы
С лапшой заваренной дышать.

От пункта А до пункта Б
Стальная тара нас сжимает.
Кто спит, кто ест, а кто читает.
Я буду думать о тебе.

Метель

Тоскливо зимой и даже жутко, когда по ночам мучают цветные сны, после которых при пробуждении не можешь сразу понять: что реальность, а что сон и где граница между ними. Спишь больше обычного и не можешь выспаться, каждое утро встаёшь с тяжёлой головой, как с похмелья. Дни летят, как перелётные птицы к берегам неведомой земли. Рабочие будни вообще стираются из памяти, если не произойдёт чего-нибудь слишком значимого. За окнами белым-бело и, можно сказать, как в сказке, но не замечаешь этого. День короткий и туманен, как кино... Чёрно-белое кино. Редко с кем видишься – не хочется. Порой долго никому не звонишь, не отвечаешь на звонки. Многие обижаются. Вроде вину должен чувствовать, угрызения совести, но нет – не чувствуешь. Только зло берёт, что донимают. И мысли какие-то скомканные... Всё чаще думаешь о смерти. Двадцать пять лет всего – ещё на одну жизнь хватит, а думаешь о смерти. В детстве тоже думал, но иначе – боялся. Бабушка никак не могла понять, вразумляла: «Ты это

брось! Нам с дедом по столько лет, скоро представимся, а о смерти не думаем, не боимся!» А сейчас о смерти думаешь как о лекарстве, путешествии, избавлении. И особенно как-то относишься теперь к кончине. Не злобной старухой себе смерть представляешь, не скелетом в капюшоне с косой, а скорее, явлением природы: закатом, угасающим на горизонте; грозой, разрывающей молниями небо; ливнем, заливающим город; туманом, устилающим долину. Ближе смерть становится, можно сказать, роднее. Только как с ней ни роднись, а понять, почему она забирает самых близких, а не тебя, невозможно. Спросишь у людей, отмахиваются, говорят: «Глупо думать о смерти, нужно жизнь устраивать. Пусть тяжело, а жить надо». И никто будто не боится. Но когда смерть на пороге, меняются все одинаково, если, конечно, трагически не погибают, не успев осознать, что время пришло. Чувствующих приближение собственной смерти можно прочесть, как книгу. Увидишь незадолго: задумчивые они, долго смотрят на тебя не отрываясь, но много не гово-

рят. Спокойные, тихие, грустные. И глаза у них одинаково печальные, большие, как море. Приглядишься, а в них уже небо просматривается. Когда узнаёшь об их кончине, особенно если человек тебе дорог, понимаешь, что прощались они с тобой при последней встрече навсегда. Те, кто сам уходит, особенные. Их бывает сложно прочесть и понять. Чужая душа – потёмки...

Такие мысли не давали спать ранним воскресным утром Алексею. Который час в ожидании рассвета он ворочался в одинокой сырой от пота постели и никак не мог заставить себя подняться. Полгода назад у молодого человека умерла жена от клещевого энцефалита. Заболевание развивалось настолько быстро, что спасти её не удалось, несмотря на своевременное обращение к врачу. После этого жизнь для Алексея потеряла всякий смысл. Часто слышишь это клише: «жизнь потеряла всякий смысл», но как описать лучше необъятное горе одномоментно ставшего маленьким, с маковое зернышко, человека, напрочь выпавшего из реальности и не видящего никого и ничего вокруг?.. Каждое утро Алексей выезжал на работу в банк, где был клерком средней руки, машинально совершал необходимые дела и возвращался домой по давно знакомому маршруту, как ежедневно ходит по расписанию электричка. Вечера и ночи он проводил в одиночестве: тупо смотрел телевизор или лежал на диване, глядя в потолок. После пережитой трагедии он замкнулся. Алексея не покидали мысли о любимой супруге, он видел её живой в своих сновидениях, где они по-прежнему были вместе, счастливые, любящие друг друга, строящие планы на будущее. По приезде домой Алексей впадал в замешательство и застывал в прихожей. Ранее распространявшийся по квартире аромат ужина, приготовленного женой, встречающей его с работы, заменился отвратным запахом одиночества, тоски и боли. Молодой человек проходил в комнату и обессиленно падал на диван. Только в выходные он заставлял себя выйти на улицу, сесть в машину и поехать на кладбище навестить жену.

Сегодняшний сон напугал Алексея. Жена приснилась ему не как обычно: она влетела в

Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ

Родился в 1987 году в г. Горьком. Окончил Нижегородское речное училище им. И. П. Кулибина, юридический факультет ННГУ им. Н. И. Лобачевского. В подростковом возрасте окончил нижегородскую музыкальную школу № 11 им. Б. А. Мокроусова по специальности «флейта». Работает юристом в частной компании. Стихи были опубликованы на сайтах «Российский писатель», «Русское воскресение», в газете «День литературы», журналах «Наши современники», «Невский альманах», «Север», «Великороссь», «Артбухта», «Огни над Бией», «Молодая гвардия», «Нижний Новгород», «Зарубежные задворки» (ZA-ZA), «Вокзал», «Родная Кубань», Bellissimo, в других газетах, альманахах и сборниках.

Автор двух сборников стихов: «Человек дождя» (2012), «Мозаика раненой нации» (2015).

Член Союза писателей России с 2016 года. Лауреат и дипломант нескольких поэтических конкурсов. Участник форума молодых писателей России, СНГ и зарубежья. Помимо поэзии увлекается музыкой. Живёт и работает в Нижнем Новгороде.

комнату из окна белой бабочкой, обратилась собой в подвенечном платье и под села к нему на диван. Гладила его щёки и целовала так, что Алексею казалось, будто всё происходит наяву. Он буквально ощущал поцелуи и прикосновения своей жены, только они были холодными. Она говорила ему тихо, с материнской заботой (Алексей помнил каждое слово): «Лёша, милый, не расстраивай меня, следи за собой! И не плачь обо мне. Мне теперь хорошо!» И гладила, гладила его по голове и щекам.

Он проснулся затемно возбуждённый. За окном хороводила зима. Февральская вьюга разносила жгучий мороз по улицам и дворам города, пытаясь проникнуть сквозь щели в дома, выла в водосточных трубах, ухала в подъездах и стучала в окна. Поняв, что больше не заснёт, Алексей встал с дивана. Голова кружилась от недосыпа и от голода. Он подобрал с пола джинсы и толстовку, оделся и прошёл в зал. Отпил воды из стоявшего на столе стакана. Взял с полки ключи от машины. Обулся, накинул зимний пуховик и вышел из дома. На улице валил снег. Его огромные хлопья, носимые шквалами ветра, дувшего то в одну, то в другую сторону, быстро налипли на лицо и одежду. Алексей завёл машину, расчистил выезд от снега и двинулся на кладбище. Ехал неспешно, видимость была практически нулевая. Проезжая часть походила на лыжную лесную трассу. Машина то и дело виляла кормой, теряя сцепление с дорожным полотном. Снег налипал на дворники, и, чтобы видеть, куда ехать, приходилось останавливаться, выходить из машины и очищать их.

На кладбищенских воротах висел замок. Другой дороги на кладбище Алексей не знал. Он вышел из машины и направился в вагончик, стоявший поблизости у ограды. Постучался, на возглас «Кто?» вошёл внутрь. В помещении, похожем на бытовку, пластами лежал табачный дым и пахло затхлостью. За грязным деревянным столом сидели два мужичка в потрёпанных фуфайках и распивали водку. «Вероятно, охранники или могильщики», – подумал Алексей. Мужички удивлённо уставились на него, один из них спросил:

– Чё надо?

– Здравствуйте, – Алексей старался быть как можно более вежливым, – прошу вас, откройте ворота, мне нужно проехать к могиле.

– А не рано помирать собрался? Твою могилу, поди, уже снегом завалило. – Мужики, довольные своей шуткой, захохотали.

– Мне нужно проехать на могилу к жене, – спокойно ответил Алексей, не обидевшись.

– Да куда ты собрался, сейчас сугробы по пояс. Не то что на твоей легковушке, на тракторе не проедешь.

– Я заплачу, – Алексей протянул мятую пятисотку.

При виде денег мужики переглянулись и замаялись. Один из них кивнул другому, и тот, забрав деньги и сунув их в карман фуфайки, пробасил:

– Пошли. Но случись чего, сам за себя отвечай!

Ворота открыли, и Алексей поехал по кладбищу, высвечивая фарами кресты и танцующие в воздухе снежинки. Кладбищенскую дорогу занесло. Маленький «гольф», как моторная лодка, наваливался на снег и пыхтел, понемногу продвигаясь вперёд. Иногда автомобиль сносило, и он застревал, тогда Алексею приходилось расчищать снег лопатой и с раскочки выезжать на колею. Снег по-прежнему валил не переставая. Разморённого автомобильной печкой, невыставшегося Алексея клонило в сон. Он не заметил т-образного перекрёстка и, не повернув, проехал прямо. «Фольксваген» нырнул в кювет, включённые фары окрасили снег перед капотом в жёлтый цвет. Алексей пытался откопать автомобиль, но тщетно – машина села на «пузо».

«Ну и чёрт с ней!» Он бросил лопату, сел за руль, откинулся на сиденье и мгновенно уснул.

...И проснулся от холода. Двигатель заглох, через незакрытую дверь в салон машины и на одежду молодого человека навалился снег. Вьюга не стихала. Алексей вышел, и огромная волна тоски, злости и одиночества накрыла его с новой силой вместе с этой метелью, которая, казалось, нарочно не даёт ему добраться до могилы жены.

«Ничего, дойду пешком, а машину вытащу потом», – подумал Алексей и пошёл по сугробам, на месте которых ещё недавно была расчищенная дорога. Перед глазами стояла белая пелена снега, сквозь которую страшными очертаниями выступали кресты и памятники. Он шёл не разбирая пути, и всё вокруг казалось ему незнакомым, несмотря на то, что на кладбище он ездил каждую неделю. В отчаянии Алексей стал звать на помощь. «Эй! Кто-нибудь, помощи-и-ите! Помогите-и-ите!» Крики растворялись в окружившей его вьюге, и он уже не слышал сам себя. Ноги проваливались глубоко в сугробы, усталость подкашивала. Ничего не видя, молодой человек упал в снег. Вдруг сделалось спокойно. Метель укутывала его мягким тёплым пледом.

И вновь пришла жена. Обняла его. Алексей почувствовал на щеках прикосновения её ладоней. Она обиженно посмотрела ему в глаза и сказала: «Лёша, милый, просыпайся. Вставай! Тебе ещё не время. Не страдай так. У меня всё хорошо. – Она по-детски улыбнулась. – И у тебя всё будет хорошо!»

Алексей очнулся, вскочил на ноги, отряхнул пуховик и огляделся по сторонам. Он не мог понять, что произошло: метель прекратилась, воздух был прозрачен и чист. Перед ним стоял засыпанный снегом памятник. Он смахнул с него снег и оцепенел: с фотографии на памятнике на него смотрела любимая жена...

Когда Алексей открыл глаза (вероятно, он опять потерял сознание), двое мужиков, которым он заплатил за проезд на кладбище, держали его под руки и трясли.

– Да ты что, совсем охренел! – один из них, крупный и небритый, орал, дыша перегаром в лицо молодому человеку. – Говорил я, он нас под суд подведёт!

– Повезло тебе, парень, – второй, высокий, был настроен дружелюбнее, – если б мы тебя так быстро не нашли – оочурился бы и снегом завалило!

Алексей хотел что-то ответить, но силы оставили его. Из рта вырвался только хрип. Мужики подхватили молодого человека и понесли к своему уазу.

– Если б я не настоял проверить, – говорил высокий мужик, явно обрадовавшийся найти парня живым, – бедой бы обернулось. Пурга-то какая была!

– Ага, ладно, следы не занесло, – согласился второй, успокоившись.

– Я, когда его «немца» в кювете увидел, с распахнутой дверью, подумал, совсем с катушек съехал человек. Не найдём!

Они усадили Алексея на заднее сиденье уазика, укутали пыльным пледом. Сами сели спереди. Крупный мужик, который кричал на него, протянул стакан водки: «На, выпей, согреешься!» Алексей выпил, по телу растеклась тёплая истома. И снова мысли скомкались. Он уже не помнил, как оказался рядом с этими мужиками на кладбище и как он чуть не замёрз на могиле своей жены. Алексей прислонился головой к окну и заснул. Мужики закурили, высокий завёл машину и тронулся. Вырулив на колею, спросил:

– Спит?

– Спит, спит, – обернулся назад второй.

– Надо будет его на матрасе положить. Днём можно попробовать его машину трактором вытащить.

– Ты видел могилу-то, на которой он лежал? Видать, жена его.

– Похоже. Говорил, что к ней едет.

– Молодая, жалко.

– Жалко, да.

– А в наши-то годы только бы сбежать куда от них. От баб этих спасу нет!

Мужики начали в голос смеяться, но, вспомнив о спящем пассажире, замолчали. Задумались. Старенький уазик медленно полз по заваленному снегом кладбищу, покачиваясь из стороны в сторону. На горизонте свечой разгорался рассвет. ■

Дверь приоткрылась, и в щель, куда, наверное, не пролетела бы и бабочка, юркнул Володька. С усилием упёршись ладонью в тёплое, пахнущее домом дерево, он прижал дверь к косякам. Петли негромко пискнули. Володька не успел решить, хорошо это или плохо: бабушка, стоявшая у плиты спиной к нему, всё равно не обернулась. То ли не слышала, то ли... сердилась.

Конечно, сердилась. Глупо было надеяться на то, что это не так.

Володька пробрался вдоль стены и сел на лавку. Несколько минут он сидел молча, лишь изредка тихонько, как бы невзначай всхлипывая да растирая по лодыжке струйку крови, сочившуюся из разбитой коленки. Бабушка тем временем – большая, тёплая, домашняя бабушка – возилась у разделочного стола. Время от времени она неопасно пошатывалась – подавалась к плите, на которой бурлили и булькали кастрюли. Запах говяжьего бульона в доме стоял одуряющий: казалось, голодный желудок вот-вот вывернется наизнанку и высунется наружу – пусть не поест, но хотя бы впитать

ароматы. А то, что находилось ниже желудка и не имело даже теоретической возможности вывернуться, ныло и возмущалось. Наконец Володька осторожно позвал:

– Баб... А баб...

Бабушка не оборачивалась. Её большая широкая спина – а спиной ведь иногда можно выразить не меньше, чем лицом, – красноречиво говорила, что ничего не будет. Ни прощения, ни обеда.

– Ну бабушка... – захныкал Володька.

– Что тебе бабушка? Что? – бабушка всплеснула руками.

Движения её были резкими, порывистыми. Они отражали недоброе настроение пожилой женщины. Володька старался не приставать к бабушке, когда она двигалась так, даже если не он был причиной расстройства. И только в исключительных случаях...

– Баб, дай зелёнки... пожалуйста...

Бабушка бросила короткий взгляд через плечо. Для себя она уже оценила разбитую коленку и решила, что в воспитательных целях с зелёнкой можно повременить.

– Не будет тебе никакой зелёнки, – заявила она. – Ишь, ещё чего – зелёнку на тебя переводить! Тебе всё одно: что мажь, что не мажь, через день расквасишь опять. Не коленку, так нос, не нос, так локоть.

– Ну баба... дай, а...

Бабушка повернулась наконец к внуку и упёрлась кулаками в бока.

– Сказано: не будет тебе зелёнки! Пускай там у тебя зараза начнётся, нога загниёт и отвалится! Не будешь где попало целыми днями носиться!

Сказав это, бабушка снова отвернулась и принялась убирать со стола. Звякала и звенькала посуда, в пару, валившем из-под крышки кастрюли, болталась очумевшая от запаха муха.

Успокоившийся было Володька снова всхлипнул. Потом ещё. И ещё. Ему очень не хотелось терять свою ногу, ведь это была его личная, собственная и очень нужная нога. Но бабушка зелёнки не давала, а зараза, наверное, уже попала в ранку, пустила там свои гадкие белые корни, и, если сейчас, вот прямо сейчас ничего не предпринять, всё случится, как сказала бабушка, – нога отвалится! От этих мыслей Володьке стало так страшно, что коленка заболела сильнее. И всё же он твёрдо решил, что сделает всё возможное...

Внук притих, и это насторожило бабушку. Она обернулась и ахнула:

– Что ж ты такое делаешь! Ах ты, Господи! Прекрати, прекрати сейчас же!

Володька поднял на бабушку свои большие, полные слёз голубые глаза, потом опустил голову и снова принялся вылизывать разбитую коленку.

– Прекрати! Прекрати, кому говорят! – В голосе бабушки слышались сердитые и жалостливые нотки одновременно. Она подскочила к внуку, схватила его за руку, сдёрнула с лавки, усадила на стул.

– Сиди! Сиди, кому говорят! И чего тебя черти носят где попало... Достался же ты мне на старости лет, как с цепи спущенный, прости, Господи...

Несвязно причитая, бабушка слезила в аптечную полку, приготовила похожий на ягодный компот раствор марганцовки, взяла бинт,

потом передумала, положила бинт на место и оторвала лоскут от столовой тряпицы.

– За что ж меня так Боженька наказал-то? Горбатся целыми днями, ни помощи тебе, ни спасибо, да ещё и тебя, убогого, на меня повесили, когда ж это кончится...

Приговаривая, бабушка промывала разбитую Володькину коленку и роняла в миску с марганцовкой крупные тяжёлые слёзы. Володька смотрел на бабушку, на розоватый пробор в седых волосах, на крупные, разбитые работой руки, на которых помимо положенных линий время нарисовало ещё десятки – покороче и подлиннее, – и силился понять, отчего же бабушка плачет.

Плакать было отчего: Володькина мама, бабушкина дочка, осталась с Володькой одна. Муж её бросил, выгнав из жилья, за метры которого и алименты мать судилась с не бывшим ещё, но уже и не родным мужем третий год. Одновременно с этим она пыталась хоть как-то устроить и личную жизнь. Володьку же пока, на летние каникулы перед вторым классом, отослали к бабушке в деревню, откуда восемь лет назад в университет и почти сразу же замуж уехала его мать.

Володьке в деревне нравилось. Можно было целыми днями носиться по улице, лазить по деревьям, купаться и бродить в лесу. Дома он почти не появлялся, разве что ночевать приходил да перекусить – иногда. Это-то и заставляло бабушку переживать. Она любила внука и, стоило Володьке исчезнуть с её глаз, начинала беспокоиться за него. А вдруг упадёт откуда, подерётся с кем, взлезет в чужой огород, заблудится в лесу, собаки покусают, машина сожёт на шоссе, как дурного пса... Случиться могло всё что угодно. Володька был не хулиганистым, но чрезвычайно любопытным мальчишкой. А любопытство часто приравнивается к хулиганству, особенно напереживавшимися за свою жизнь бабушками с большим, тревожным и любящим сердцем.

– Ну, где ты на этот раз коленку убил?

– О коряжку споткнулся.

Бабушка выгласнула остатки марганцового раствора. Пока розовая вода с громовым

грохотом стекала в пустое ведро под раковиной, бабушка щедро налила в металлическую миску супа.

– О коряжку он споткнулся... Ешь давай.

Второй раз предлагать не пришлось. Володька придвинул к себе миску и бодро замолотил ложкой. Примирение было достигнуто.

А вечером того же дня бабушка, уже смеясь, рассказывала зашедшей на огонёк соседке Антонине Ивановне, как Володька зализывал раны. Соседка хохотала, прихлёбывая чай. Посмеивалась и Ольга, беленькая конопатая девчушка лет десяти, соседкина внучка. Бабушка уже без горечи, только для проформы жаловалась на Володьку:

– Бестолковый он у меня, Тонь. Надоумишь его – сделает, не скажешь – сам никогда не догадается. А не доглядишь за ним – ищи-свищи! Что пёс бродячий, прости, Господи.

– А помнишь, Наталья, у вас кобель был...

– Во-во! – подхватила бабушка. – Такой же бестолковый...

– Я не бестолковый! – выкрикнул сидевший на лавке Володька. За окнами моросило, и это была единственная причина, по которой он находился дома.

Старушки оглянулись. Баба Тоня улыбнулась, сощурив почти ничего не видевшие глаза.

– Я... толковый! – гордо заявил Володька. И тут же спросил: – А что за кобель?

– Да тебя тогда ещё и в проекте не было, – отмахнулась бабушка. – Дед твой Семён, Царствие ему Небесное, живой ещё был. Он этого пса беспутного и повесил, когда мамка твоя родилась.

– А что пёс ему сделал?

– Да ничего! – громко сказала бабушка.

Володька вжался в стенку, чувствуя, что бабушка опять сердится. Только непонятно было, из-за чего. Володька не хотел сердить или расстраивать бабушку и поэтому молчал. А бабушка, тяжело переведя дыхание, неохотно заговорила:

– Толку от этого пса не было никакого. Даром что здоровый, как телёнок, – дурак дураком. Пока на цепи сидит, вроде лает, да что толку от одного собачьего брёха? Ластился ко всем – что свои, что чужие, всё одно. А спусти

его с цепи, так ускачет и вернётся через месяц. Тощий, паршивый. Отожрётся – и опять за своё. А главное, детей любил. Увидит – ластится, лизаться лезет. А сам-то размером с жеребёнка! Дети в крик, а ему всё игрушки. Он же и прикусить мог – несильно, но много ребёнку надо? Вот бабы к моему Семёну и пристали: сделай что-нибудь с собакой. Дед пробовал его на цепи держать, да какая цепь такого зверя удержит? Особо если сука какая охочая в соседней деревне, прости, Господи... Вот и отвёл он его к лесу, повесил на дубе да там и закопал. Да что теперь говорить... Зря животину сгубили, конечно.

– Значит, жалко было?

– А как же не жалко? Жалко, ещё как. Только вся деревня была недовольна, за глаза врагами народа называли, фашистами.

– Наталья, а ты к Семёну-то на могилку ходила? – спросила баба Тоня. – Не глянула, как там мой лежит?..

Старушки говорили о чём-то ещё. Но Володька уже не вслушивался в их разговор. Он сидел, ошеломлённый услышанной историей. Если бы его спросили, что именно так поразило его, он не смог бы ответить. Это были и страх, и горечь, и облегчение, и любопытство, и непонимание одновременно. Мальчишку охватило ощущение, будто бы он вспомнил что-то такое, что никак не мог знать.

Олька заметила, что с Володькой творится что-то неладное, наклонилась к его уху и шёпотом спросила:

– Хочешь, сходим туда завтра? Я знаю, я покажу...

Олька не сказала, куда это – «туда». Но Володька понял, кивнул. На следующий день они вместе пошли искать безымянную могилу повешенного пса.

День был тёплый, но пасмурный. С утра снова шёл дождь, трава была в крупном бисере капель, из чашечки бараньего ушка можно было выпить целый глоток небесной воды. И хотя дождь закончился, ветер не поднялся, и низкие сизые облака покачивались над летней, тёмно-зелёной землёй в белых, жёлтых и алых цветах.

Володька и Оляка шлёпали по дороге. К сандалиям липла мокрая пыль, и следы, двумя цепочками остававшиеся позади них, были сухими.

– А ты откуда про собаку знаешь? – спросил Володька.

– А меня ей бабка всё детство пугала, – заявила Оляка. – Говорила, если я буду плохо себя вести, за мной придет мёртвый пёс с края леса. Бабушка его не прогонит, и он заберёт меня к себе. А когда я начинала плакать и просила прощения, бабка говорила, что прогонит пса. Я ей верила. Только мне всё равно было страшно.

– А теперь не страшно?

Оляка удивлённо посмотрела на Володьку.

– Нет, конечно. Я же уже взрослая.

– Понятно...

Дорога уходила влево, а правее начинался луг, за которым клубилось тёмно-зелёное облако леса.

– Нам сюда, – Оляка ступила на тропинку, ведущую через луг. – А тебе не страшно?

– Мне страшно, что меня точно так же повесят, – честно признался Володька.

На краю леса росли дубы. Невысокие, коренастые, они стояли далеко друг от друга, и между ними поднимались крохотные, в две-три веточки, молодые деревца. Их стволы были похожи на струны, невидимой силой натянутые в воздухе.

Дети побродили по краю луга, потоптались около одного дуба, обошли другой, заглянули в дупло третьего. Конечно, никаких следов могилы пса не нашлось: она давно сровнялась с землей.

– Ну чего, пошли назад? – спросила Оляка. – У меня сандалии намокли.

– Ты иди... – ответил Володька.

– А ты?

– А я тебя догоню... Попозже, ладно?

– Ладно, – Оляка пожала плечами и зашлёпала через луг.

Володька проводил её взглядом, дождался, когда пёстренькое платьице скроется за поворотом дороги. Потом он запрокинул голову, заглядывая дубу под крону. Дерево протягивало

Полина ГРОВОВА

Полина Сергеевна Громова родилась в 1986 году. Выпускница Тверского государственного университета, филологический факультет. Кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета, тьютор образовательной программы «Издательское дело», член Тверского отделения Союза писателей России (с 2015 г.), писатель, переводчик.

вверх и в стороны могучие узловатые ветви, листва не двигалась, темнея плотным куполом.

Обойдя дуб, который они даже вдвоём с Олякой не смогли бы обхватить, Володька направился к лесу. Влажные запахи земли, травы, живой мшистой древесины стали острее, слышался тонкий, как волос, ветерок. Володька скинул промокшие сандалии, ступил босиком на упругую, напитавшуюся дождём землю. Обогнув затаившуюся в траве колючку – капли воды висели над листьями, приподнятые седыми волосками, – Володька пошёл быстрее. А потом он и вовсе побежал, легко перепрыгивая лесные овражки, лежащие на земле ветви и стволы поваленных деревьев. И быстрые, похожие на собачьи лапы оставляли во мху аккуратные округлые следы. **А**

Татьяна ТКАЧЕНКО

Родилась 11 декабря 1979 года в городе Петропавловске (Казахстан). Окончила Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского по специальности «Психология». Живёт в Омске, работает в сфере финансов. С 2015 года состоит в молодёжном ЛИТО при СП России («Литературная лаборатория»). Стихи автора публиковались в сборнике «Очарование осени», журналах «Литературный ковчег», «Омская муза», «Литературный Омск», сборнике «Омская зима: Молодые голоса», на сайте «Российский писатель». В 2018 году вышла книга «День открытых сердец».

Мне без тебя...

* * *

Мне без тебя горько,
Только не как на свадьбе.

Дым от пожара – в горле,
И «ноль-один» позвать бы,
Но – массараکش! – сбей связи.
Можно ль тут не ругаться
Мне без тебя разве
Словом из книг Стругацких?
Бес мне тебя рисует
В каждом слегка похожем.
Тьма прогоняет с улиц,
Мне без тебя... сложно.

Месяц как смайл грустный,
Синий экран оконный –
Стыло, бессонно, тускло
И чересчур просторно.
Мне без тебя.

* * *

Хороший ты парень: без вредных, с достатком,
Приемлемый график, спортзал раз в неделю.
Считаешь, мы в паре? Да брось, мы же в парке –
Эмоциональные будим качели.
Кровать ни при чём – это скрип механизма.
То вверх по дуге, к свету звёзд, то по ней же
Под крики, зажмурившись, падаем низко,
Взлетаем до гнева и... ухаем в нежность.
Нам важно с тобой сохранять амплитуду,
Инерция – мощь, но, доверив ей чувства,
Рисуем свести их на нет и отсюда
Уйти по делам равнодушно, без грусти.
Я так не хочу, милый, больше усилий!
И крепче держись, об опасности помня:
Качели же может внезапно заклинить,
А падать с них страшно больно.

* * *

Кажется, ты нас путаешь.
Эту ли ты целовал?
Но идентичны буквы лишь
В разных по смыслу словах,
Тех, имя чьё – омонимы –
Помнишь уроки? Учил?
Да, ты не посторонний мне,
Но не она я. Ключи
Не подберёшь, стараться зря
Брось. Мне, поверь, тоже жаль,
Но я скажу, должна сказать:
Ты ведь к другой приезжал.
Друг мой, не ту рассказами
Потчуешь ты про моря!..
Мы абсолютно разные:
Я и влюблённая я.

* * *

Что ты придумал себе – не знаю,
Я не такая, точно.
Фразы бескрылы. Лучше немая
Дела скупая точка.
Лучше шершавая, но живая
Правда в руках и пальцах.
Нет! Забиваешь слова, как сваи,
Требуешь улыбаться
И восхищаться проектом замка –
Сложным и нестандартным.
Я же путаю кэшинг и банкинг –
Те и другие карты,
То на Камчатку хочу к медведям,
То ещё – шар воздушный,
Снова встаю, и лечу, и еду,
Снова «пока, подушка».
Или смеюсь невпопад намёкам
И по прямой – в закаты.
В кадре – глаза твои с поволокой
И ничего – за кадром.
Мой господин! Я трона не трону,
Не упрекая в фальши,
Чуть на тебе поправлю корону
И отойду. Подальше.

* * *

В теремке не видно жильцов, мой друг:
Все «кто-кто» по снегу ушли в тайгу,
И перины лапник им заменил.
Там стволы до неба, а здесь – лес рук,
Всем бы сесть повыше, толпу из слуг.
Воевать, оценивать, быть в долгу
Не осталось сил.

Тут красиво очень. Резной фасад,
От сети камин, книги, образа,
Только всё бледнее душевный свет.
Зеркала давно научились врать:
Назовут прекрасным и лик, и зад,
Вот и тянет прочь нас – куда глаза,
Где врать смысла нет.

...Мириады звёзд там в ночи не спят.
Отключи айфон, подними же взгляд,
Друг, ты жив, привет!

* * *

Увидела в приюте трёхлапного щенка,
И как же стало грустно! Аж слёзы на щеках.
Его я угостила конфетой (для собак)
И вывела из клетки, чтоб прогуляться в парк.
А там щенок трёхлапый, подняв весёлый лай,
За птицей так носился, что только догоняй!
Лохматый и счастливый, в траве скакал
пострел,
Но подбегал на зов и сочувственно смотрел;
В глазах его читалось: «Мне очень жаль, поверь!
Хорошая ты вроде, а ног всего лишь две...»

* * *

Я искала тебя везде-везде:
Подбирала ключи, меняла шрифт,
Изучила сотни страниц и тем,
Гигабайты медиа прошерстив.

Не нашла. Да можно ль вообще найти,
Ведь ответ на запрос – молчанье лишь.
Я устала, выбралась из Сети.
Повернулась – ты рядом. В кресле. Спишь.

Александр ВАЛУЙСКИЙ

Родился 1 августа 1993 года. Стихи начал писать в старших классах школы. В 2010 году поступил на филологический факультет Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Прошёл срочную службу в Воздушно-десантных войсках. Работает журналистом на омском телевидении. С 2013 года занимается в литературном объединении при Союзе писателей России. Член Союза писателей России (2019). Лауреат ежегодной литературной молодёжной премии имени Ф. М. Достоевского (2019).

* * *

Усни.
Смотри
В любую из сторон.
Увидишь, как в короткий вечер
Вместится вечность
И у дороги догорит костром.
Смотри
На замыкание полюсов –
От искры возгорает факел,
И по ступеням вверх Иаков
Ступает медленно под крики белых сов.
Смотри и слушай:
Ветер в сопках резок, но пуглив.
А утром рано
Не забудь проснуться, ощутив,
Как холодом, пришедшим с океана,
Ласкает щиколотки Берингов пролив.

* * *

В этом городе, что не раз был воспет поэтами,
Тает снег. Воробьи наслаждаются лужами.
Рыжий кот исхудал в холода до костей, поэтому
Выбирает неспешных пернатых к ужину.
В городе, что забыт и Богом, и всеми бесами,
Звон капли скоро ударит влюблённым в головы,
И подмостки театра судеб задышат пьесами,
А вокзал надежды замрёт в ожидании скорого.
На газонах волей главного мелиоратора
Расцветут одуванчики, как ордена на кителе.
В этом городе, ненавидимом прокуратором,
По неясным причинам также
И частью жителей.

* * *

Весь табак, что выкурил по тебе,
Раздаётся залпом в горящей огнём груди,
Где твои войска захватывают плацдарм.
Я не слышу приказ отступить, я лежу в траве,
Пусть, увы, не герой, но уж точно не дезертир.
Артиллерия рассчитывает удар...

Метко раненный снайпером под ребро,
Я лежу уже среди госпитальных стен.
Вычленив сигналы эфира из тишины,
Узнаю из сводок информбюро,
Что на фронте объявленной мне войны
Без перемен.

* * *

Смейся громче, стихи читай нарастав!
Пусть твой голос звучит духовым оркестром,
И на улице этой он не оставит места,
Чтобы я потерялся в нём, одуматься не успев,
Ведь свободной секунды для мысли нет.
Лишь боюсь, что настанет тот миг, когда ты
Замолчишь и посмотришь в глаза мне,
ведь я посмотрю в ответ
Взглядом, с которым в бой уходят солдаты.

* * *

Вектор пути до точки в шторм сократив,
Судно теряет маяк и находит риф.
Всё, чем забиты трюмы до потолка, –
Древо, провизия, специи и шелка;
Мачты и вёсла, палуба и штурвал
Перемешаются возле прибрежных скал.
В соли морской, голодной до свежих ран,
Раб и торговец, юнга и капитан
Ныне равны. Их разноголосый хор
Молится сутки, чтобы умолкнул шторм.

Словно услышав их исступлённый крик,
Волны утихли. Лодка, на ней старик,
Будто бы бури не видели отродясь,
К рифу подходят, плавно на твердь сядясь.
И, разглядев силуэт старика вблизи,
Кинулся капитан к нему, возопив: «Спаси!
Есть, отец, за скалою вон той река,
Если ты местный – знаешь наверняка:
Вверх по течению, миля, не больше – порт.
Город стоит там огромный, собою горд.
Сейчас не заплатим – груз потонул, прости,
Но дома у нас ты пожизненно будешь в чести.
Там есть ещё шелков, специй там запах свеж,
Рома и мяса – не выпьешь за жизнь, не съешь.
Всё отдадим, старик, чтобы ты нас спас...» –
И из последних сил капитан потряс
Золотом в мокром насквозь кошельке.

Старик усмехнулся: «Мне по другой реке
Дальше идти. Я вас не доставлю в порт,
Но поднимайтесь, возьму вас к себе на борт.
Прямо по курсу, сыны мои, есть черта.
За ней – ничего. Нам вместе идти туда.
Но за черту эту каждый шагнёт один.
Там ни «кого любил» и ни «кем любим».
Вёсел там нет, нет звона цепей, оков,
Там не до специй уже и не до шелков.
Нет кабаков и порта, страха петли, тюрьмы.
Нет там и света – поле цветущей тьмы...»

Точка опять превращается в вектор пути.
Отче, скажи, а можно ли не идти?

Илья ДМИТРИЕНКО

Родился в 1989 году в городе Камень-на-Оби Алтайского края. Учился в ОмГУПС на инженера по ремонту подвижного состава. Живёт в Омске. Работает строителем.

* * *

Я боролся всегда в себе с «милым мальчиком»: нежным, робким, слезливым – тем, кто умалчивал гордость, грубость и зависть свои на публику. Но они откровеннось ближайшим спутникам по забегам на длинные расстояния, где «прощай, благородство, а здравствуй, пьяная непрерывная самовлюблённость». Взрослое всё же крепло во мне, чтоб с собой боролся я. И я гнал, не щадя ни стихов, ни мячиков, что есть сил из себя озорного мальчика. И теперь вот таким я пришёл любить тебя. Но ты видишь убийцу, не победителя.

* * *

Мне сейчас умирать нельзя,
У меня столько дел на вечер.
Я ещё молока не взял
В дом на ужин, пакет гречки.

Мне нельзя сейчас умирать.
Будет так горевать мама.
Другу я нагрубил вчера,
Позвонить извиниться надо.

Мне нельзя умирать никак,
В нашем доме ремонт, траты.
Без меня же наверняка
Не поможет никто брату.

Мне сегодня нельзя, нет,
В сотнях миль ждёт мечта, верит.
Кто поедет в мороз, снег
И подарит ей ветвь ели?

Пусть не стало на миг стучать
Моё сердце, но, доктор, правда,
Мне нельзя умирать сейчас,
Повторяй, повторяй
Разряды.

* * *

Нас так долго таскало по миру, почти как Улисса,
Выжимало, как пчёл, то в одну,

то в другую пасеку.

И внезапно под ноги легла побережьем улица –
Мы родному негороду высыпались за пазуху
И идём, как по замку фамильному
люди с лампами.

Призрак детства гремит цепями велосипедными,
Вспоминая о том, как мы были беспечно слабыми,
Но к любому рассвету мы просыпались первыми.
И любили читать, но прогуливали занятия,
Постоянно дрались, но боялись и кагли крови мы.
И не знали, что мир превращался

в роман Замятина,

Но предчувствовали, что станем его героями.
А чуть-чуть повзрослев, мы, робея, нелепо делали
Дев из младшего класса женщинами из среднего.
Это помнят уже совершенно другие демоны –
Те, что будут нас преследовать до последнего.
И мы смотрим на пыльный мирок, как из спальни
в Нарнию,

Будто прежняя жизнь ещё в нас, но спит
под наркозом вся,

И теперь ощущаем о детстве воспоминания,
Словно память о сотворении Богом космоса.
Даже выбоины в асфальте лежат иконами,
И мы сами уже как духи над камнем вытертым.
Скрипнет мир, и услышим мы сквозь стекло оконное:
«Собирайте игрушки, мальчики,
Заходите в дом!»

* * *

Мир кричит мне: рискуй, воюй,
Брось межгорода марафоны!
Но опять я тебе звоню
Невменяемостью смартфонной.
Что-то глупое говорю.
Что-то нежное отвечаешь.
Как ослепший к поводырю,
Сквозь сгустившееся отчаянье
Я тянусь к тебе болтовнёй.
Больше нечем, лишь словом, слухом.
Пусть рассказан я был давно
Весь тебе и сплошным разлукам,
Но прошу разговора, длю –
На заминку, на скрип кушеткой.
Хоть совсем уже не рублю,
А блуждаю по пояс в щепках.
Ты минуту ещё побудь
Здесь, на линии, тёплой точкой,
И коротких гудков пальбу
Не вверяй мне под рёбра точно.
А спустя – как бы мир ни пел,
Закрывая просторы ливнем,
Будет вдруг нелегко тебе,
Обязательно
Позвони мне.

* * *

Суть искусств,
Забытую в спорах трудных,
Ты вновь вспомнил
Дрожью под пиджаком,
Вдруг рисунок дочки
Найдя в нагрудном –
Безразмерно больший
Любых джоконд.

Кира МАРЧЕНКОВА

Родилась 2 августа 1986 года в городе Сельцо Брянской области, где и живёт в настоящее время. Окончила Брянский государственный университет имени академика Петровского по специальности «биолог», на сегодняшний день – заведующая детской библиотекой.

НЕ УДИВЛЯЕТ ОСЕНЬ

Не удивляет осень сентябрём,
А удивляет изморозью звонкой,
Когда весь мир с утра посеребрён
Так мастерски, старательно и тонко,

Что кажется: волшебный этот миг
Нам до весны сберечь необходимо.
Но красота тончайших снежных игл
Так быстротечна и легко ранима...

И капает, и капает вода,
И время, словно крепкий камень, точит.
Ненастных дней струится череда
Сквозь частокол имён и многоточий,

И спят под листопадами дворы.
И, затаившись, в них легко услышать,
Как тихо сотворяются миры,
Как медленно стекает дождь по крышам.

* * *

Созревший август яблоком медовым,
Сорвавшись с ветки, катится в траве.
И мир совсем не кажется бредовым,
В сентябрьской утопая синеве,

И об ушедшем лете слишком рано
Печалиться и брать его в расчёт...
Но дни бегут, как та вода из крана,
И за окном течёт, течёт, течёт...

Перекликаясь, вдаль уходят стаи –
Им оставаться больше не резон,
Который вечер солнце постигает
Искусство уходить за горизонт.

И что сейчас решительней и проще?
Пить крутобоких яблок терпкий мёд,
Покуда жить, по сути, нечем больше,
Покуда за окном всё так же льёт.

ДЕРЖИ МЕНЯ

Перевернув последнюю страницу,
Приняв всего земного естество,
Держи меня, как воздух держит птицу,
Как держит крону напряжённый ствол,
Как в грунт винтом зарывшиеся сваи
Удерживают стены.

И тогда

Любое слово обратимым станет,
Живою станет мёртвая вода,
К своим истокам развернутся реки,
Забьётся то, что замерло в груди.
Как держится любовь на человеке –
Держи меня, держи.

Не уходи.

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

* * *

Выходишь в утро, раннее, студёное,
И принимаешь непростой итог:
Какое всё же утлое судёнышко –
Весь этот кем-то созданный мирок.

Кочует он от пристани до пристани,
Не находя родные берега.
И лишь творец задумчиво и пристально
Глядит на нас в раздумьях свысока.

* * *

Девочка смотрит в небо –
Белые облака
С юга на север тянутся караваном.
Девочка смотрит в небо.
Рядом бежит река.
Девочке хорошо и немного странно.

В небе царит свобода,
Воздух душист и прян –
Август в зените. Лето идёт на убыль.
Девочка смотрит в оба.
Девочка – это я,
В небо смотрю, зачем-то кусая губы.

Рустам КАЖЕНКИН

*Поэт, член Союза писателей России.
Печатается с 2002 года. В основном пишет о
внутреннем состоянии современного человека,
любви. Первый сборник стихов вышел в 2007
году. Всего имеет три сборника стихов. Перевод-
дился на русский, турецкий, тувинский языки.
По роду деятельности – учитель якутского
языка и литературы, работает заместите-
лем директора национальной гимназии города
Якутска. Руководитель республиканского обще-
ственного сайта-проекта для учителей род-
ных языков и литератур www.sakhatyla.com.*

* * *

Я знаю, ты рядом со мной,
И стужа ничуть не страшна.
Её в круговерти земной
Любви растворяет волна!

Я знаю, ты рядом со мной,
Мой вечный, мой солнечный свет!
Ты дней моих светлый покой
Хранишь, словно муза, от бед!

Я знаю, ты рядом со мной,
Небес моих вещая нить.
Стань самой высокой строкой,
Дай в слово тебя обратить!

Я знаю, ты рядом со мной...
(Перевод Юрия Щербакова)

* * *

И на речной искал воде
И на воде везде стерёг.
Но так я и не разглядел
Твоих заветных нежных строк.

Мне песня чудилась твоя
В напеве каждом ветровом.
С надеждой вслушивался я,
Как дышит город за окном.

С востока прилетел мотив.
А вот и письма-облака.
Но для меня ли пела ты?
И для меня ль твоя строка?
(Перевод Юрия Щербакова)

* * *

Не теряй меня
На семи ветрах,
Что гудят с утра.

В памяти храня,
Реет в облаках
И моя строка!

С ветреного дня
Твой в любые дни –
В небеса взгляни!
(Перевод Юрия Щербакова)

* * *

О, дыханье весны ледяное...
Стань, весна, настоящей весною!

Сколько песен об этом пропето
Огневными сердцами поэтов!

Среди тех, что весну зазывали,
Голос мой ты услышишь едва ли.

Только знаю: не зря моя песня
О любви. С нею вместе воскресни!
(Перевод Юрия Щербакова)

* * *

Подобная закатному лучу
Звезда моя на небе вдохновенья –
То образ твой, и я за ним лечу –
За путеводным светом откровенья!
Звёзд в небе много, но моя – одна,
Моих дорог заветное желанье.
Звезда моя осенняя, она
Единственная слышала признание
В любви моей, что Богом суждена!
(Перевод Юрия Щербакова)

СНЕГОПАДА ПОРА

Вот и пришла
Снегопада пора
На просторы родные –
Лик земной
С небосвода белизной
Соединился.
Мир Срединный
Светом озарился.

Вот и пришла
Зимы-зимушки пора
На родные просторы –
Дед мой старый
Налаживает сани,
В дорогу вглядывается,
За сеном собирается.

Вот и пришла
Снега тихая пора
На родные просторы –
И рады ей
Дети и взрослые,
В снегу с любовью выводя
Заветные имена.

(Перевод с якутско-
го Альбины Борисовой)

Артём ПЕТРОВ

Родился в 1981 году в Челябинске. В 2002 году окончил Челябинский филиал Современного гуманитарного института, бакалавр юриспруденции. С 2007 года – участник литературного объединения ЧТЗ им. Михаила Львова, с 2019-го – «МолЛит» при Союзе писателей России.

* * *

Воскресай под тягучую тему «Твин Пикс».
Этот кадр углывёт (с золотой лесопилкой).
Углынут в зарешеченных окнах бутылки.
Углынут, так едино обриты, затылки.
Углывёт полстраны, выпуская закрылки.
Убирая шасси, углывёт царь Борис.
(Что там было ещё – не припомни, так вылги.)

Воскресай в безнадежно потерянный лес,
В ненащупанный путь (без пути и дороги),
В письмена, где едва и пропущены слоги,
Где костры в обветшавшей хоккейной коробке,
Где картошка в золе и костры до небес –
Оплетают нездешнего мира пороги.

Воскресай, чтобы вспомнить с грехом пополам,
Распознать сквозь закрытые намертво веки,
Сквозь крошечные тропы, рубежные реки,
Бесфоновые улицы, ночи, аптеки, –
Воскресай, чтобы вспомнить с грехом пополам,
Как стремился ты в белый, как сажу, вигвам,
Как стремишься ты в белый, как сажу, вигвам,
Чтобы выйти другим (не скажу – человеком).

* * *

Каждый день старик выходит и забрасывает
невод.

Каждый день ему приносит злую бабку и корыто.
Старику бы опохмела, минералки с аспирином,
Но приносит и приносит море вредную старуху.
Рыбка, рыбка, где ты, рыбка? Пусть не вся,
но с позолотой.

Проучи того поэта, что придумал горе-сказку –
Горе-сказку, что старуху и старуху всё приносит.
Нет чтоб с тиной морскою, обязательно
с корытом.

Отвечает золотая: «Ты давно уж, старче, умер,
А наказан оттого, что был на службе у старухи.
Ты б и бедную собачку утопил бы, если б должно.
Заложил отца родного бы, коль партия сказала б.
Или сделал бы сэппуку, кабы взяли б в самураи.
Вот тебя и привязали, шчас подействует укольчик,
Будет сниться не старуха, а, к примеру,

Шэрон Стоун,

На худой конец, Орлова или Машка с параллели.
Засыпай скорей, Андрюша, не один ты здесь,
в палате».

* * *

Стремился к высокому тягю звездного дыма.
Молчал, что рука как опора просто необходима.
Пил самую крепкую и дурманную влагу.
Во снах рисовал стихи на небоскрёбах Чикаго.
Руки металась по воздуху, кисть – по стеклу
и бетону,
Сам же пугался размахов грубых-зримых-
весомых.

Ветер дописывал мастера росчерками-штрихами.
Влага дурманная изредка отдавала духами.

По совету старенькой (и опытной) бабы Вали,
Как египетских мумий, тщательно пеленали.
К году забыл, как писать, рисовать и Чикаго.
Заговорил, в забыти сжёг холсты и бумаги.
В три удивлялся смышлёной кошке из «Репки».
В пять – небоскрёбы ломал на занятиях лепкой.
Бил по рукам тех, кто стремился выше.

Четырнадцатого апреля, утром, на вид –
сорок лет, в старом трико из дому за пивом и
сигаретами вышел.

* * *

Дозволял огню полыхать и жрать и
Сам песок ссыпал из часов в мешки.
Кто писал про вечность с пустой кровати,
Тому светит станция Петушки –

Заливать про быть, быть залить бальзамом,
Отбиваться от сладколюбых ос.
Заходи, вечер (ты ведь верным самым).
Будем пить зелёный, как купорос.

Будем пить бордовое, как гранаты.
Будь.
Кастрюля с пеплом ещё горяча.
Задымляет дым, как буран когда-то.
И как будто за снегом горит свеча.

Эх, вечер, мы забыли, забыли напроочь
Это самое (сладкая же пора!):
Тихо капал воск на глухую на ночь.
Капал воск, повинуюсь другим мирам,

Капал воск, как нездешнее что-то капал.
Под присмотром партии Ильича
Башмачки со стуком спадали на пол.
Капал воск, на столе горела свеча.

Максим УШАКОВ

Родился в 1997 году в Челябинске. Студент 6-го курса Южно-Уральского государственного медицинского института. Публикации: антология молодой поэзии Урала «Шепчутся и кричат», литературный альманах «Графоман» (№ 4, 2018), литературный проект «Проявитель» (2016), изданный самостоятельно сборник стихов «Гайдзин» (2016). Живёт в Челябинске.

* * *

На ветру, в дороге дикой,
Прожимая в пол педаль,
Мчимся мы за земляникой,
И немного жаль:
В мире столько трасс и ягод,
А педали три,
Всё для наших вечных тягот
Кто-то сотворил.
Жмых и шкуры, нож, ошмётки
Туши на траве.
В мире много дел нелёгких,
Но ручищи две.
Можно жить, не веря в Бога,
Раз пришла война.
Жить, топчась возле порога
Или у окна.
В мире шансов, в общем, много,
Да башка одна.

* * *

ДЕРЖАВА

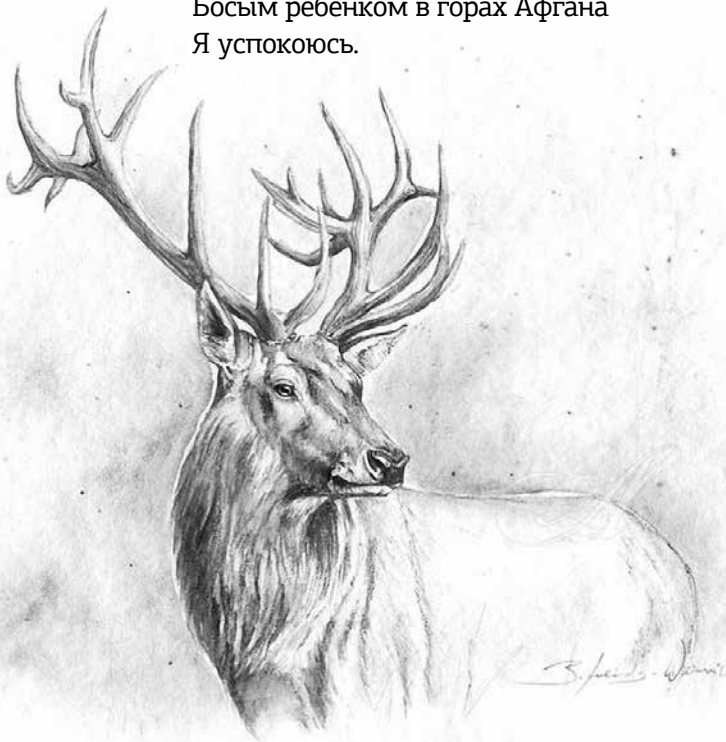
Олень, бегущий в червлёном поле,
Греки смотрят на марафон,
Марафон исчезает в море.
Диоген заслоняет чужой плафон,
Солнцу и вовсе плохо без Ксенофонта.
Эпоха с ветром уходит вон
Сединой мельчающего генофонда.

Олень, бегущий в червлёном поле,
Арабы смотрят на Ватикан,
Пожинающий бурю Средневековья.
Дохнет от рака седой вулкан,
Последний из рыжего поголовья.

Олень, бегущий от стрел с кинжалом.
Финифть с лазурью, агат в топазах.
Собаки видят добычу в малом,
Князья не чувт её в отказах.
Строптивых мало, смешливых меньше,
Соскучась, солнце палит хибары.
Как быстро вешают черноглазых,
Как звонко стонет струна гитары.

Огонь над Римом, огонь над миром,
Худеет царство Мохенджо-Даро.
Куда вы делись, все пилигримы,
Куда теперь наносить удары?
Олень, бегущий в червлёном поле,
Остынет храма дымящий конус.
Босым ребёнком в горах Афгана
Я успокоюсь.

Здесь можно выйти в вагонетный звон,
Увидеть пыль со всех сторон,
Услышать боль, собачий вой,
Не хочешь пить – и чёрт с тобой.
Увидеть в каждом взгляд отца,
Томясь предчувствием конца,
Купить на три копейки мазь
От боли в области крестца.
Надеждой плотною давясь,
Доесть свой борщ, допить свой квас,
Пойти на улицу и в грязь
Ребёнком прыгнуть с высоты.
Здесь я смеюсь и плачешь ты,
И дуешь в ранку у крыльца.
Я плачу, ты – идёшь, смеясь:
Рождён в созвездии Тельца,
Тебе не страшен серый цвет
И лёд разбитый под окном,
Отложим деньги на обед,
Отложим деньги на потом.
Разбитый нос в новинку там,
А здесь – летели черепа
Вдогонку к брошенным понтам.
Томился дух, и млела сталь,
Тюремный срок, шпионский стук,
Здесь можно выйти в красный круг
И стать любимцем пёсских стай.
Лизать ладони добрых рук
Не то же самое, что злых.
Мыском ботинка дать под дых
Не то же самое, что в пах.
Скулёж собачий вызвал страх,
И весь ты сволочью пропах.
Пропитан потом, табаком,
Ты ходишь маршем под крестом,
Томясь в бетоне конуры.
Здесь можно выйти на перрон,
Блудливых баб услышать стон,
Споткнуться в листьях кожуры,
На кухнях лампами умов,
Запить вождей, идеи снов,
Забычковаться в свой покров,
Под сальной чёлкой пряча гарь.
Безумных родина сынов:
Здесь выйти может только царь

С семьёй простреленных голов.
Кому есть дело до потерь,
Здесь за окном – всевечный лес,
Окно тогда, окно теперь
Всегда в Европу.
Окно нашли, найдём и дверь
По гороскопу.

* * *

Одна раковая больная.
Два оперённых глаза.
Три ночи.
Четыре протяжные ноты.
Пять зубов выбил тебе сыночек.
Шесть лет боль в животе становится хуже.
Семь волос каждый день вынимаешь ладонью.
Восемь минут ты не дышала, пока молодой
доктор интубировал тебе горло.
Девять – номер городской больницы, где тебе
суждено умереть.
Восемь миллилитров в час – допамин
на инфузомате.
Семь раз в сутки тебе дают трамадол.
Шесть человек в хиркостюмах тебя не любят.
Пять палат в отделении реанимации.
Четыре часа до рассвета.
Три часа тебе остаётся прожить.
Два часа тебе остаётся.
Один час тебе.
Одна.
О!

* * *

Ты – юн, горяч, самолюбив и весел,
Ты – Божья тень, ты – чьё-то ремесло.
Ты – кропотливый плод труда отцовских чресел,
Твоё лицо – это его лицо.

Распустится ячмень в мясной изнанке века,
Проторенной тропой идёт оркестрион.
Преступна Божья тень, рождая человека,
И гром полифоний сменяет полутон.

Зачем ты вылез в слизь, потомок контрабаса?
На что потратишь ты ресурсы партитур?
Виолончель в руках тупого свинопаса,
Архангельским рожком играет трубадур.

Со скуки или так гиганты и пигмеи
Сношаются в тени магнолий и секвой.
Рождаются и мрут герои и плебеи!
Рождаются, и мрут, и падают листвою.

Рождаются и мрут, но вечно превозносят
Изнеможенье губ, усталость естества.
Застывший зимний пруд, идут по краю лоси,
Присыпана пургой извечная листва.

Копытом или льдом пестреет и искрится
Стеклянный бурелом родившихся сердец.
Наметив путь крылом, летит по ветру птица,
Наметив клювом путь, начнёт полёт птенец.

СЕМЁН

РАССКАЗ

В городе N Сёма поступал в университет на заочное отделение журналистики. Сегодня он сделал последнее, что от него требовалась, – оставил в учебной части документы, а потом зашёл в дорогое кафе рядом с автовокзалом, чтобы отметить своё поступление. За чашкой капучино он удивлялся своей удаче. Да, он поступил! В университет! Притом на бюджет. Он гордился собой.

Теперь он сидел на автовокзале и ждал автобус до Челябинска. Ему хотелось поделиться своей радостью с кем-нибудь из друзей. Сёма открыл смартфон. О! Наконец-то интернет заработал. Но онлайн ни одного из друзей не было. «Ну что же, раз делиться не с кем, – решил Сёма, – значит, мне больше достанется...»

Едва он подумал об этом, как вдруг услышал чей-то голос:

– Друг, не добавишь рублей сорок?

«Ага, кто-то уже сам требует поделиться с ним», – подумал с усмешкой.

Сёма обернулся. Рядом с ним стоял мужчина лет сорока. В джинсах, в растянутом и помятом свитере, с сумкой через плечо. Алкаш, которому нужны деньги, чтобы опохмелиться? Но у мужчины было вполне приличное лицо, тщательно выбритое.

– Мне на автобус не хватает, – сказал мужчина.

– Случайно не до Челябинска едешь? – продолжая усмехаться, спросил Сёма.

– Ну да. У меня всего сто восемьдесят. Думаю дать водителю побольше. Может, довезёт.

Присмотревшись к мужчине лучше, Сёма подумал, что лицо у него всё-таки слишком помятое, как и его свитер. Возле носа какие-то потёртости. «Да, пьёт наверняка, – опять

подумал он. – Ещё и аллергия, кажется... А сорок рублей обязательно на водку». Он не знал, что сказать мужчине.

– Вижу, друг, ты мне не веришь, – сказал мужчина. – А я в самом деле челябинский. В Чурилово живу. Просто на проезд не хватило.

Теперь Сёма почему-то поверил мужчине и улыбнулся. Он полез в карман, достал мелочь: четыре железных десятчика, несколько рублёвых и двухрублёвых монет. В целом набралось около пятидесяти рублей.

– Держи!

И широким жестом он отдал два десятчика.

Мужчина взял деньги и пожал ему руку.

– Спасибо, друг. Выручил!

Сёма чувствовал свое моральное и материальное превосходство. Пожимая руку, как-то горделиво произнёс:

– Да ла-адно.

Он спросил мужчину, где именно тот живёт в Чурилово. Оказалось, что неподалёку от станции. Спросил, что тот делает в этом городе. Мужчина ответил, что он в командировке и должен был уехать ещё вчера, но пришлось задержаться; а здесь всё в полтора раза дороже, чем в Челябинске, вот и не хватило денег на обратную дорогу.

Мужчина ещё говорил что-то, когда Сёма почувствовал, что в животе у него заурчало. Он вспомнил про купленную в дороге свежую лепёшку в своём рюкзаке, достал её вместе с минералкой, откусил от лепёшки и начал жевать. Ух и проголодался же он! Как будто сутки ничего не ел. Он уже забыл про мужчину и даже не заметил, как тот ушёл. Доев лепёшку и допив воду, Сёма зашёл в закусочную неподалёку, чтобы купить ещё бутылку воды в дорогу. Денег у него оставалось достаточно, поэтому

он купил самую дорогую. «Гуляй, не отказывай себе ни в чем!..» – почему-то припомнилось ему слышанное где-то. Он усмехнулся.

Когда Сёма подошёл к платформе, автобус уже стоял. Скоро он заметил и мужчину. Тот стоял неподалёку, хлопал по карманам своих тёмных джинсов и потерянно озирался по сторонам. Вот посмотрел под лавочку, потом на лавочку, снова оглянулся вокруг.

– Потерял что-то? – спросил его какой-то парень.

– Да вот, чёрт, деньги... Выронил, что ли, не знаю...

Что говорил мужчина дальше, Сёма не слышал, потому что вошёл в автобус. Он сел на своё место. В окно ему было видно, как мужчина продолжал говорить о чём-то с парнем. Наверное, просил добавить на проезд. Потом мужчина тоже поднялся в автобус и что-то негромко сказал водителю. Сёма видел, как водитель кивнул, видимо, согласился везти мужчину за те деньги, которые у того были. Когда мужчина шёл по проходу мимо Сёмы, он обратил внимание на то, какой у него потерянный вид. Мужчина два раза почесал нос. Ему было стыдно. Он щурил глаза и зачем-то кривил губы, как будто у него что-то болело.

Глядя на него, Сёма подумал, что не только в свитере и лице, а во всём его облике была какая-то помятость. «Потрепала его-таки жизнь», – решил он.

Мужчина сел на место за спиной у Сёмы. Водитель, обернувшись, громко сказал:

– Так что? Деньги-то где, эй, приятель!

За спиной у Сёмы брякнула мелочь, и с этой мелочью в ладони мужчина прошёл мимо него. Теперь вид у него был ещё более потерянный.

Сёма задумался. Не дай бог таким стать! Сколько ему лет, интересно? Не меньше сорока. А сколько лет этому свитеру?.. И ведь не исключено, что он будет носить этот свитер и через пять лет, и через десять... Вот беда!

Потом Сёма задумался о своём будущем. Он подумал: а если мечта его стать успешным журналистом так и останется мечтой? Или того

Антон ЕРМОЛИН

Родился в Челябинске в 1993 году. Окончил УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина в 2019 году. Пишет прозу с 2011 года. Лауреат Межрегионального совещания молодых писателей в Челябинске (2017, 2019 гг.). Постоянный участник челябинской литературной студии «Синий Лис» (руководитель – Владимир Михеев).

хуже: он, может, и вообще не найдёт нормальную работу. Такие же мысли приходили ему в голову и раньше, и обычно он успокаивал себя поговоркой «поживём – увидим». Что раньше времени гадать? Но сейчас на мгновение ему стало страшно.

Мужчина уже вернулся на своё место. Сёма услышал, как за его спиной опять брякнула мелочь. В эту минуту он вспомнил своё «ла-адно», когда мужчина поблагодарил его за те двадцать рублей, которые Сёма ему дал. Ему стало стыдно отчего-то. Он тяжело вздохнул и незаметно для пассажиров перекрестился. Автобус тронулся. Впереди была долгая дорога. **A**

ВРЕМЯ КРАСНЫХ ПТИЦ

– А ребёнка-то знаешь как зовут? Сядь, если стоишь. Мирон! Вот и я говорю, идиотизм какой-то. Так я не поленилась, поискала, что имечко это значит. Ну-ну... Да ты что? А она?

Неведомый собеседник перебивает Марью Ивановну своей историей – из трубки доносится поквакивание и дребезжание. А вдруг Марья Ивановна и вправду говорит с большой лягушкой? А ну как лягушка прискачет сюда? Усядется рядом с кроватью, сама холодная, как зелёный лёд, и вся блестит. Мироша терпеть не может лягушек и змей. Вот птицы – другое дело. Они в пушистых перьях и умеют летать, ловко подобрыв остренькие лапки.

– Кошмар... Кошмар! – возмущается Марья Ивановна чем-то услышанным и гнёт своё: – Так я ж тебе говорю, я не поленилась и узнала, что этот самый Мирон означает. Ляг, если сидишь. Бла-го-у-хан-ный! Представляешь?! Ну-ну... А ты что?

Мироше не спится. День на дворе в самом разгаре, но ровно в три часа Марья Ивановна задёргивает плотные занавески и велит уснуть. Мироша знает, что ей просто очень хочется поговорить, а в её толстеньком кнопочном

телефоне прячутся самые разные голоса. Кто квакает, кто присвистывает. Голоса всё знают про Мирошу: и про имя, и про маму, и про высокую температуру.

– Да какой там отец, я тебя умоляю, бросил её давно, – говорит Марья Ивановна в трубку. – Я соседка, вроде чужой человек, так и то чаще ребёнка вижу. Жалею мальчишку: простыл, теперь дома сидит. А матери на работу надо, не дают ей больничный, уволить грозятся. Ну да, я тут не бесплатно, не бесплатно. Пенсии нынче, сама знаешь, какие.

Марья Ивановна принимается рассказывать, что видела сегодня в магазине, и куда ездила позавчера, и куда поедет завтра.

– Куры свежие, а вот сметану разбавляют! – твердит она квакающему голосу и слушает в ответ далёкие бульканья и переливы.

Мироше становится так скучно, что он и в самом деле засыпает – легко, на самой верхушке сна и, кажется, всего на несколько минут. А когда просыпается, занавески уже раздвинуты, окно из солнечного стало серым и ни следа Марьи Ивановны в комнате не осталось.

Он отбрасывает душное одеяло – вот так тебе, ногами тебя в комок! – несётся по скользкому полу на кухню, втыкается лохматой головой прямо в мамин живот и хохочет: нет никаких лягушек, и скуки нет, потому что мама дома!

– Мирошкин, ну не плачь, – утешает его мама полчаса спустя. – Всего два дня осталось! Сегодня Марью Ивановну вытерпел? Вытерпел. Завтра тётя Марина придёт. А послезавтра... – мама подмигивает, – сюрприз будет! А потом выходные, и я буду дома, с тобой, никуда вообще не уйду ни на минутку! Ну, Мирошкин, ну два дня же! Потерпишь?

От мамы пахнет горьковатой прохладой: этот дождевой, свежий запах каким-то чудом втиснут в пузатый флакон, стоящий в коридоре у зеркала. Мироша думает, что, если станет совсем неумогу, можно будет этот флакон понюхать. А тётя Марина куда лучше Марьи Ивановны. А потом вообще – сюрприз.

– Ладно, – говорит он, – я потерплю.

* * *

Тётя Марина хоть и хорошая, но играть совсем не умеет, и Мироше уже в третий раз приходится объяснять, почему никак нельзя, чтобы красную птицу поколотила синяя.

– Красная – самая сильная, понимаешь? А синяя – слабенькая, она птенец ещё. И вообще они дружат. У них домик вот здесь, под картонкой.

Тётя Марина берёт красную птицу и делает вид, будто та идёт по дивану, переваливаясь с лапы на лапу.

– Я самая сильная и красная! – сердито басит она, и Мироша смеётся, потому что красная птица никогда не злится и уж тем более не ходит, как пингвин.

– Не так! Дай покажу!

Он тянется за игрушкой, но тут у тёти Марины звенит телефон.

– Да! Алло! – кричит она, вскакивает и опять садится. – Ты где?

Телефон у тёти Марины широкий и плоский, как тоненькая книжка. Лягушек, похоже, в нём не водится, а сидит кто-то суровый,

Ирина ИВАСЬКОВА

Ирина Викторовна Иваськова родилась в 1981 году в городе Красноярске. Окончила Красноярский краевой университет по специальности «Юриспруденция». Десять лет работала юристом. В 2010 году переехала из Красноярска в Анапу.

В 2014 году вошла в лонг-лист независимой премии «Дебют» в номинации «Малая проза» с подборкой рассказов. В 2015-м получила Гран-при I Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Поэзии прекрасный свет». В 2017 году стала лауреатом литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник». В этом же году вошла в шорт-лист литературной премии им. В. П. Астафьева и стала победителем конкурса «Кубани слово золотое» (в номинации «Малая проза»).

Публиковалась в литературных журналах «Наши Современники», «Сибирские огни», «Север», «День и ночь», «Подъём», «Родная Кубань», газетах «День литературы», «Литературная Россия», «Кубанский писатель».

Член Союза писателей России. Живёт в Анапе.

не говорящий, а гудящий в тётю-Марино уxo. Мама говорила, что у тётю Марины есть муж и он странный. Наверное, это он и гудит на тётю Марину так, что даже Мироше не по себе.

Тётю Марина долго слушает, закрыв глаза и поджав губы, а потом начинает стрекотать быстро, как заводная машинка.

– Нельзя так, ты понимаешь, нельзя так со мной! Я ни в чём перед тобой не виновата, зачем ты меня мучаешь? Я звонила-звонила, а ты два дня недоступен, вдруг с тобой что-нибудь случилось? Я ведь спать не могла, волновалась! Да не слежу я за тобой, не слежу! Я же люблю тебя!

Голос гудит в ответ – что-то обидное, потому что тётю Марина плачет. Мироша удивляется: как можно так плакать, когда глаза закрыты, а лицо совсем спокойное, будто она и не расстроилась? Если Мироша ревет – то всем телом и рот открывает пошире, ведь так же куда удобнее.

Тётю Марина снова вскакивает и убегает в соседнюю комнату, плечом прижимая телефон к щеке. Через стенку Мироша слышит, как она говорит, но не слышит что – и это похоже на жалобную песню без слов.

Красная птица лежит на диване, а синяя так и прячется под картонкой. Мироша вздыхает и принимается за дело один: птицам нужно слетать за добычей, пообедать, а после навести порядок в своём домике. К мамину возвращению нужно всё успеть. А завтра будет сюрприз.

* * *

– Так поlynью и поливаешься? Зачем тебе эта горечь? Женщина должна пахнуть сладким, съедобным чем-нибудь, а не тоской зелёной.

Мама смотрела на говорившего недоверчиво и как-то обречённо, но тут возмутилась:

– Без тебя разберусь, понял?

– Тогда я пошёл?

Улыбаясь, мужчина сделал шаг назад.

– Да стой. Хоть перед собственным сыном не придуривайся, ладно? Решил исправляться, так исправляйся. А я вообще опаздываю. Температура у него небольшая, хотя горло ещё

побаливает. Лекарства на столе, если что – сразу звони.

Мужчина ничего не ответил, потому что увидел Мирошу: тот стоял в дверном проёме и смотрел на маму сонно и вопросительно.

– Мирошкин, доброе утро! – как-то слишком обрадовалась мама. – А вот и сюрприз! Папа твой приехал. Помнишь, я говорила тебе, что он отправился далеко-далеко в чужую страну, никто оттуда не может ни доплыть, ни долететь? А он смог – и доплыл, и долетел! И вам пора познакомиться и подружиться.

– Здорово, парень!

Мужчина шагнул к Мироше, подхватил его под мышки и закружил так быстро, что всё перед глазами смешалось: и мама, и зеркало, и вешалка, и розовый утренний свет, падающий из открытой кухонной двери...

– Ну, брат, рассказывай!

Мама уже ушла, а папа уселся в кресло, вытянув ноги почти до середины комнаты.

– Как живёшь? Чем занят?

Мироше очень хочется побежать вслед за мамой: может быть, она разрешит пойти с ней на работу? Или позвать Марию Ивановну. Или пусть плакучая тётю Марина придёт. Откуда он взялся – папа? И что, теперь прямо сразу его так можно называть? Мироша пробует произнести новое слово про себя. Папы всегда были у других, а чтобы вот так, собственный появился – это ещё привыкнуть надо... Однако мужчина глядит на него так весело и открыто синими-пресиними глазами, что от этого взгляда, и улыбки, и особенного, никогда не виданного Мирошей сочетания яркой чёрной бороды и белого свитера внутри становится светло и счастливо и хочется рассказать сразу всё: и про красную птицу, и про царапающие горло коготки простуды, и про кудрявую девочку Олю из старшей группы, и про то, что на самом деле пахнет от мамы замечательно – чистой холодной водой.

– Я... – начинает Мироша, но папа вдруг перестаёт улыбаться и хлопает себя по карманам брюк.

– Чёрт, – сквозь зубы бормочет он, – телефон опять потерял. Чёрт! Так, парень, бы-

стренько собирайся, смотаемся в одно место и вернёмся. Где там твоя одёжка, показывай.

Он очень торопится, и Мироша не успевает ничего объяснить: ни того, что куртку обычно не надевают на пижаму, ни что жёлтая шапка куда теплее синей и что перчатки прячутся в нижнем ящике комода под мохнатым маминым шарфом.

* * *

В просторном зале тихо, холодно и темно. Мягкие кресла поджали сиденья, словно боясь пустоты вокруг. Свет горит лишь на высокой сцене, а в самой её середине, прямо на досках, сидит лысый старичок и крутит в руках длинные железные палки.

– Опа, – говорит он, увидев Мирошу, – и кто это у нас такой?

Папа легонько подталкивает Мирошу к ведущим вверх ступенькам.

– А это у нас сын. Мирон называется.

– Ух ты! – удивляется старичок. – Ну, здравствуй, здравствуй. Слушай, а стойки-то менять придётся.

Папа пожимает плечами – наверное, ему всё равно – бродит по сцене туда-сюда и бормочет что-то ругательное, но не злое, а потом с ликованием хватая блестящий телефонный прямоугольник, валяющийся у складчатого занавеса.

– Нашёл! – кричит он. – Фу-у-ух... Вечно из кармана всё валится. Вот, брат, погляди, где у тебя родитель работает. Это тебе не просто так, а театр! – На этом слове папа поднимает вверх брови и указательный палец.

– Храм искусства, – серьёзно кивает старичок. – Ты к завхозу, кстати, зайди, он тебя ещё вчера искал.

Папа опять чертыхается, берёт Мирошу на руки, выбегает из полутьмы зала в узкий, ярко освещённый коридор – не прямой, как в детском саду или у мамы на работе, а похожий на лабиринт, ведущий то в стороны, то вниз.

Добравшись до центра лабиринта и толкнув толстую дверь, папа, так и не отпуская Мирошу с рук, долго кричит усатому дядьке что-то

непонятное, тот кричит на него в ответ, потом они хохочут и спешат в соседнюю комнатку, где пахнет пылью, а в разноцветных ворохах ткани возятся три женщины с огромными ножницами. Мирошу усаживают в угол на толстый рулон марли, суют печенье, шоколадку и сморщенное старое яблоко.

Он грызёт угощение не глядя – так много всего интересного кругом, только вот холодно очень. Высоко по стенам на длинных крюках развешаны чьи-то наряды: самые обыкновенные рубашки и пиджаки покачиваются рядом с бархатными плащами, стальными кольчугами, ковбойскими шляпами, звериными масками и пышно взбитыми, облачными платьями. В комнатку заходят и заходят люди, и непонятно, как это они помещаются на крохотном, заставленном тряпичными колоннами пяталке. И каждый, кто заходит, видит Мирошу и спрашивает, кто это у нас такой, а после удивляется и здоровается.

Затем включают музыку, и она то льётся, то прыгает между полом и потолком, не оставляя ни единого пустого местечка в этом чудном и донельзя переполненном мирке. У Мироши кружится и немножко болит голова, но отвлекаться никак нельзя, нужно во все глаза смотреть, как папа смеется, и слушать, как он говорит. Если бы ещё мама была здесь, если бы она пришла... И то душное одеяло с собой прихватила...

– Родитель, а родитель, – спохватывается одна из женщин с ножницами, – ребёнок-то у тебя не хворает? Гляди, куксится как.

Папа хлопает себя по лбу, снова хватая Мирошу на руки и бежит куда-то, но Мироша уже не видит куда, только чувствует движение воздуха вокруг себя на лабиринтовых поворотах коридора – то ли падение, то ли полёт. Он пытается устроиться поудобнее, свернуться в калачик и согреться, и вскоре ему кажется, что на макушке у него сидит красная птица с перьями лёгкими и пушистыми, обнимает его, своего слабенького птенца, закрывает ему лицо мягкими крыльями, шепчет, что всё будет хорошо, и пахнет дождём – тем самым, что прячется в пузатом флаконе у зеркала.

ВЫИГРЫШ

РАССКАЗ
Памяти В.В.В.

Роман ЛЕОНОВ

Вячеслав был обычным советским заводским работягой, как сотни и даже тысячи других. Имел семью – жена и сын. Изо дня в день жизнь текла обыкновенно – утром на работу, вечером домой, в выходные на реку на рыбалку, очень он это дело уважал, а с получки с мужиками выпить по кружке пива.

Этой многим известной советской привычкой – отмечать получку с коллегами и связана наша история.

Все было как обычно. Вячеслав вместе с остальными отстоял очередь в бухгалтерии, чтобы получить заработанное честным трудом. Как всегда, среди заводских мужиков нашелся заводила, побивавший всех дёрнуть «по кружечке пивка». Удивительно, но в советские времена все и всегда точно знали куда сегодня привозили жёлтую бочку-прицеп свежего пива. Туда-то и отправились заводчане в конце рабочего дня.

Естественно, что, как и в прочих местах необъятной советской родины, здесь была очередь. Выстаивать очереди для нашего человека дело совершенно привычное, поэтому никто из вновь пришедших к желанной жёлтой бочке нисколько не удивлялся, а спокойно пристраивался в конец вереницы ожидающих и вновь становился частью общего дела.

Вячеслав со знакомыми коллегами тоже оказался в такой очереди. Ожидание проходило за разговорами и спорами о технике, о проблемах капиталистического зарубежья, потому как всем было известно, что в родных пределах проблем нет, а те, что есть их обязательно решит партия.

И вот, когда перед нашим героем в очереди оставалось два или три человека, к Вя-

чеславу подскочил всклооченный мужчина среднего возраста.

– Выручайте, мужики, не похмелюсь – помру. Очередь вон, а сил нет. Я деньги за кружку отдам, а сверху вот лотерейный билет отдам. Ну, пожалуйста, мужики!

Вячеслав пожалел бедолагу. Когда подошла его очередь он заказал две кружки пенного и первую налитую отдал незнакомому страждущему. Когда тот стал вместе с деньгами совать нашему герою ещё и обещанный лотерейный билет, Вячеслав отказывался. Но похмелившийся был настойчив, говорил, мол, если не возьмет, то он обидится. Вячеслав нехотя, но всё-таки взял билет и сунул в карман.

Стали пить пиво, не отходя от бочки. Кружка быстро кончилась. Товарищ по цеху угощал своих за прошедший день рождения. Беседы шли уже веселее. Тут кто-то из сослуживцев вспомнил, что Вячеславу даром практически достался лотерейный билет. Стали подначивать приятеля посмотреть выиграл он чего со своей добротой или нет.

Пока Вячеслав стирал защитное напыление с картонки, заводчане подсмеивались: «Славка ему без очереди, а там небось дуля», «Нет, там другой билет дадут, а ты ходи, меняй, жди да проси».

Вячеслав стирал, почти не слушая никого. А стерев, не поверил самому себе. Под напылением пряталась слово «автомобиль».

Мужики загалдели ещё больше, когда увидели какой выигрыш ждал коллегу. Теперь если кто-то смеялся, то радуясь за друга. То и дело Вячеслава кто-то стучал по плечу, одобрительно ему пожимали руку, просили посмотреть билет, чтобы убедиться, что все происходящее – правда.

Взяли ещё по бокалу пива – надо же отметить выигрыш. Тут, естественно, их к разливу пустили без очереди – «повод уважительный», посчитали остальные.

Вячеслав жалел, что ушел тот мужчина, которому нужно было похмелиться. Он бы, по-честному и билет бы ему назад отдал. «Что я, право, сделал такого? Выручил. А кто бы не сделал так же? Человеку же плохо, как не помочь?» – все думал Вячеслав, – «Ну, а если бы он отказался брать назад билет, то хоть еще бы его угостил».

Тут кто-то вспомнил, что билет обязательно нужно зарегистрировать в лотерейном киоске, чтобы можно было получить положенный приз.

Тронулись в сторону киоска. Лотерейщица была очень недовольна приходом посетителей. 2Рабочий день прошел, где раньше были?» – ворчала она за своим окошком.

Стали ее уговаривать зарегистрировать билет. Кто-то из ребят сунул ей в окно горсть конфет. Женское сердце смягчилось, билет был принят.

– За выигрышем придется обратиться в контору вот по этому адресу, – выдавала с улыбкой бумаги лотерейщица, круглолицая женщина средних лет. – Не забудьте документы – паспорт, вот эту выписку. И билет, конечно. Повезло вам...

Вячеслав не верил своему счастью. Мужики стали расходиться по домам. Со всеми

этимися приключениями все уже значительно задержались от обычного времени.

– Жена, наверное, переживает. Пока домой дойду, совсем поздно будет, – сказал Вячеслав, прощаясь с последним товарищем.

– А тебя же ведь дома телефон есть? Пойдем от меня позвонишь, вон мой дом через дорогу, – предложит тот.

Так и поступили. Номер Вячеслав набрал быстро, а вот ответа пришлось немного подождать. Наконец он услышал знакомый голос:

– Слушаю вас.

– Это я. Тут вот какое дело. Я задерживаюсь, но ты не ругайся и не переживай. Все хорошо, даже очень! Я машину выиграл!

Повисла пауза. Жена, зная, что сегодня день зарплаты и хорошо помнившая обыкновенное для этого дня «развлечение» заводских мужиков, в том числе и ее мужа, решила, что тот уже подшофе и ищет оправдание своему опозданию.

– Ну, раз выиграл, покатайся там с мужиками по кругу, да домой приходи, – сказала жена и повесила трубку.

Но какими же были ее удивление и радость, когда она узнала, что муж ей не врал. Автомобиль они скоро выручили, а эта история стала семейной легендой. **А**

Бажена МАТЮК

Родилась 8 июня 1991 года в г. Вилейка Минской области. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Магистр филологических наук (2016). Живёт и работает в Минске.

Работала учителем белорусского языка и литературы ГУО «Гимназия № 31 г. Минска», ведущим редактором ГУ «Минский областной центр народного творчества», заместителем председателя Минского областного отделения ОО «Союз писателей Беларуси», ведущим методистом отдела связей с общественностью Национальной библиотеки Беларуси, сейчас – ответственный секретарь журнала «Полымя».

Автор книг «Это всё – родина наша» (в соавторстве с Виктором Кажуро, 2013), сборника стихов и поэтических переводов «Я его отпускаю с Тобой» (2016), сборника «Самость» (2017), книги «Красками слов» (в соавторстве с Ириной Карнауховой и Мариной Шаповаловой, 2018).

Лауреат литературной премии им. Константина Симонова Международного союза писателей и мастеров искусств.

Переводит с русского, украинского, английского и болгарского языков.

* * *

Это всё, что есть у человека:
Стержень, честь, искание и боль.
Каждый, кто отчаялся, – калека,
Призвук, недостаток, слякоть, ноль.
Лишь оттенок, что в палитре тает,
Призрак, тень, разбитая мечта,
В старой книжке жизни – запятая,
Чей-то след, уход и пустота.

* * *

Безумна. Я безумна, безусловно.
В людей я верю, в добрые дела.
Я в мыслях грусть взлелеяла любовно,
Чтоб из неё надежда проросла.
Меня уничтожали. Что же дальше?
Мой каждый день доказывает всем,
Что люди сплошь не состоят из фальши,
Друг другу не чужие мы. Совсем.
Я верю. Верю! Верю человеку.

Во мне безумство это навсегда.
Я верю, что мы все от века к веку
Живём кристальным словом «доброта».

* * *

Учёные доказали, что любая психическая боль
тянется 12 минут, все остальные переживания
мы вызываем у себя сами.

Ничего, отболит. Лишь двенадцать минут подожди.
И не будет ни слёз, ни отчаяния никогда.
Потихоньку забьётся разбитое сердце в груди,
Осторожным лучом горизонта коснётся звезда.
Будто призрак – одиннадцать – капля замрёт на щеке
И исчезнет бесследно. Я вспомню о нас, не скорбя,
И почувствую ветер в протянутой к небу руке.
Обниму одиночество. Я так любила тебя...
Десять. Слышишь, застыли не здесь,
где-то там, вдалеке
Наши чувства, их бледные тени едва узнаю.
Девять – так и написано на белоснежном листке.

Горький день растворю в молоке и как кофе
допью.
Восемь. Мы отживали и думали: не удержать –
Семь – друг друга. Ошибками были поступки,
слова.
Не смогли мы себя сохранить – шесть –
и рук не разжать.
Пять, четыре – останемся прежними – три –
где мы? – два...
Отболело. Один. Мне уже не вернуться туда.
Поседали виски. Опустилась бессильно рука.
Вкус, твой запах. Я чувствую, слышу тебя...
как всегда...
Нет, двенадцать – так мало. Поверишь ли?
Наверняка.

* * *

О чём писать?
Мне кажется, что осень
Устала и взростеть уже не просит,
И белой паутиной просинь
Накрылась. Посмотри, у неба – проседей.
Я снова жду весны.
Пустые вижу сны,
Молчит, не плачет сердце,
И музыки летящей килогерцев
Мне мало... Но душа уже не рвётся
На части. Мыслей нет. Не удаётся
Тебе писать...

ПРИЗЫВ

И засыплет вопросами жизнь:
«Для кого? Для чего всё так?»
Будут медленно листья кружить –
Необычный последний знак.
День и ночь на развилке дорог
Будут звёзды играть с душой...
Не почувствовал, сделать не смог –
Значит, ты не туда пошёл...
А пока научись, поменяй,
Переделай всё, перескажи.
Раньше срока листву не роняй,
Время есть. Продолжается жизнь.

Переводы Татьяны Черновой

* * *

Бессонница моя – не твой ли грех?..
Вдруг вместо крыльев ощутив иное,
Я упаду с разбитых крыш – вон тех
Многоэтажек – и вперёд спиною...

И если в бездну боли заглянуть,
То осознать несложно – умирая,
Моя душа хотела б отдохнуть
Хоть день в раю... Но снова в ад из рая...

Оставь меня, твоих не надо слёз.
Не заживёт, зарубцевавшись, рана,
Но я пойду выпрашивать всерьёз
Себе судьбу у Торы и Корана.

* * *

Привычно догорает сигарета,
От дыма не спасает нас балкон –
Не в добрый час влюбилась я в поэта.
А может, это был случайный сон?..

Горчащий вкус двадцатой сигареты
Напомнил мне про всё, что не люблю.
Я знаю, как безжалостны поэты,
Ведь из-за них, пытаюсь петь, хриплю!

Вернуть бы день прошедший сигаретам,
Не помнить в нём минуты ни одной!
Но я про нас поведала поэтам,
Пока болели крылья за спиной.

Теряя сердце в каждой сигарете,
Зелёных лаймов помню аромат.
Вновь начинаю притчу о поэте,
Но все слова коробятся, дымят.

Отдайте мне вино и сигарету –
Пусть мало будет этого всего.
Я не скажу знакомому поэту,
Что влюблена не в строчки, а в Него.

Переводы Ирины Пенюковой

* * *

Коснись плеч хрупких,
Пусть по щекам ручьи прольются горьких
слёз...
Не дай сквозь шутки
Те письма скомкать, что написаны всерьёз.
Чтоб не сгорали
Они в печи страстей прожорливой, немой.
Их пеленали
Любовью-болью, беспощадною виной.
Смиренья море
И чувств кровавый бунт в них или бунт
людей.
Они от горя...
Но почты штемпель: «Адресата нет нигде».

Перевод Евгения Полянского

МОЕМУ ЯЗЫКУ

Пройдя сквозь годы тягот и лишений,
Теперь, я верю, ты навек со мною:
Взлетает белый аист над страной,
Раскрыв крыла надежды и спасенья.
В грядущих поколениях, в новых песнях,
В стихах и прозе, в жаре вдохновенья
Ты будешь жить, развеяв все сомненья
О том, что ты со временем исчезнешь,
Что каждый на свой лад тебя меняет,
Что ты немой, бесправный и фальшивый...
Я утверждаю – ты звучишь красиво,
Певучей нежностью сердца пленяя.
Моя судьба – стихов твоих звучанье,
И счастье быть ручьём большого русла,
Позволь мне называться белоруской
И защищать тебя от поруганья.

Я И ТЫ

Не дойти до тебя, не уйти от тебя и в итоге
с тобой не остаться:
Ты – как Холмс, я же – твой незадачливый
Ватсон.
Ты срываешь лавину оваций,
Мне ж приходится стойко держаться
И молиться тайком за тебя.
Не прийти за тобой, не пойти за тобой и бок
о бок тебя не увидеть:
Ты – сенсация, я – очевидец,
Ты чарующий сгусток флюидов,
Мой же бизнес, увы, неликвиден
И тобою давно поглощён.
Не пройти сквозь тебя, не взойти до тебя
и тобой до конца не согреться:
Ты – фортиссимо, я – только меццо,
Ты пульсация пылкого сердца,
От которой мне некуда деться,
Ведь другой не заменит тебя.

Переводы Галины Карташовой

Ольга НИКИТЕНКО

Родилась 15 июля 2002 года в г. Витебске. Окончила Лицей БГУ, учится в МГЛУ на переводческом факультете. Пишет стихи на двух языках под псевдонимом Иволга. Углублённо изучает белорусский язык, переводит на него произведения любимых авторов. Лауреат международного литературного конкурса «Першацвет», победитель конкурса-фестиваля интересной поэзии «Собака Керуака» (г. Санкт-Петербург). В настоящее время издаёт дебютный сборник стихов «Сузор'е птушкі».

ШАМАНКА

В небе над тундрой забрезжил холодный свет.
Робкое чудо, какому почти не верят.
Тусклое солнце однажды на сотню лет
Всё же вернётся заблудшим, побитым зверем.

Стадо оленей к зарнице взметнёт рога,
Вечные тени покинут свои ночлеги.
Старая женщина около очага
Тяжко поднимет багряно-сухие веки.

В бурых морщинах проснётся забытый дух
Сказок ли, мудрости – это никто не ведал.
В каждом движении закатного цвета рук
Вдруг оживают печали, тревоги, беды...

Лето на Севере. Лето – на край земли!
Старой шаманке душа не даёт покоя.
Ветер слышал последнюю из молитв –
Лето над Севером видит её живую.

Солнце – надежда. И вера, которой быть.
...Чьи-то шаги в тишине прогремели глухо.
Пахнет забвеньем сухая, немая сныть.
Старой шаманке пора становиться духом.

Время пришло, и Тадебцо зовёт с собой.
Падают веки – бессильно и так смиренно.
Вспыхнет кулон под иссохшей её рукой
Каплею крови из тёплой оленьей вены.

Женщина спит, над Ямалом несётся стон.
Розовой птицей горит, расцветает утро.

Светится солнце да кружатся семь ворон
Над бесконечной, почти равнодушной
тундрой.

ИНДИЯ

Эти стены вдыхали оранжевый запах
Индии
много лет.
В коридоре открыты двери,
и за каждой – солнечное тепло наполняет
воздух.
Проходи. Тут непринятых и несчастливых
нет,
полюбить – просто,
и солёное море влажно целует косы твои
шёпотом.

Я не знаю, зачем ты сбегаешь из городов.
В синем платье потёртом ты кажешься
мне смелее.

Приходи в этот дом: кружевами из сотен
снов
он тебя вспоминает,
когда
нестерпимо
далёко ты.

Ветер – ласковый доктор, он горечь твою
развеет.

Тут ответ всему – тишина.

Ты вернёшься, когда надоест беспокойный
звук –
и слова не рассыплются красочным
листопадом.
Звёзды с неба слетят и наколются на
траву,
помни, что никогда не останешься ты
одна.
Я ведь знаю, как важно
просто молчать
рядом.

Ты прости меня,
если тот огромный закат мы во сне
увидели
и не знает земля золотистых песчаных
ливней.
Если в целой Вселенной и нет никакой
Индии,
необъятное море не слишком-то и
большое –
я тебе нарисую его на окне,
на твоём любимом.
На усталых обрывках
самого синего
платья.

Радхе, радхе...
Я хочу, чтоб тебе было хорошо, и,
дорогая,
что б ни случилось в мире,
невообразимо
желаю тебе
счастья.

ПОЭТЕССА

Почему-то сегодня лучи холодны и юрки,
И последнее солнце застыло слезой
на радужке.
Я читаю стихи неизвестной, забытой бабушки,
И слова осыпаются хрупкостью штукатурки
В старом домике сна между клёнами
и дубами.

Она пишет про то, как колышет калитку ветер,
В палисаднике – тишь, и листва небосвод
застит.
И я вижу сирень в болезненном фиолете,
Из которой она вырывает осколки счастья.
Так хватают рассвет полувывисшими губами.

Переносит букет в тишину опустевшей
спальни,
Пишет строки про сад, про тенистость
и обветшалость.
И не смеет подумать про море, мечту и дали.
Просто запах цветов – это всё, с чем она
осталась,

Просто хочется петь – только небо застыло
в луже.
Держит ручку, как жизнь, как бессмертие
и спасенье.
Она пишет стихи, тихо веря, что это нужно.
Засыпает в саду под густой и печальной сенью.

И я вижу сирень через мутную близорукость.
За селом прокричат горделивые петухи...

Не грустите, старушка! И в дом не пускайте
вьюгу.

Слышите, я
Читаю
Ваши
Стихи.

БРОШЕННЫЕ

Там, где нас оставляли,
Где начинался дождь,
С липких плакучих ив струи текли в
песок,
Где размывался след белых родных
подошв
В вязнущей темноте самых чужих дорог.

Там, где вдвоём, одни,
Кутались в полумрак,
Где не спасала шерсть от холодов и ран,
В час, когда нас несли, гнали вперёд
ветра,
Поняли в первый раз терпкую боль –
Обман.

Дальше... Идти, бежать...
На синеватый шпиль,
Что за тоской лесов видится, нас дразня.
Нюхать сиянье звёзд,
Мокрую осень пить
И в седине ночей ждать наступленья дня.

С шорохом декабря, слабые, добрались,
Снова нашли подъезд холодно-кружевной.
Тихо смотрели ввысь,
И с белизны земли
Видели, как горит
Маленькое окно.

Он же...
Как и всегда, в ранний промозглый час
Дом покидал и шёл в сонную тишину.
Только шагал быстрее,
Не опуская глаз.
Словно боясь опять в наши глаза
взглянуть.

Вслушайся, оглянись! Сердце открой
слезам,
Где-то среди дворов, между немых
машин,
Веру забыв, с тоской –
Той, что не знаешь сам! –
Не отыскав любви, прячутся две души.

МУЗЫКА

И опрокидывались гаммы,
Гремя в огромном фортепьяно.
Виолончель, как своды храма,
Казалась сумрачной, багряной.

Потом, смеясь, сорвался вниз
Другой мотив; не помня меры,
Те ноты миллионом искр,
Дразнясь, скакали по партеру.

Но музыка, едва шепнув,
Спустилась мягко, легкокрыло.
Всё исчезало в тишину,
Как навсегда. Но всё же – было...

Когда во тьме под звон струны
Затих весь зал в священной дрожи,
Глаза – две майские луны –
Светились в изумленье: «Боже!..»

СОН АНГЕЛА

Посмотри. Над деревнею
Сумрак почти исчез.
У рассветных карнизов, где тонкие пальцы
ветра
Невесомые занавески перебирают,
Кружева посчитав многострунностью
инструмента,
Кто-то спит.
В тишине
Фиолетовой и бескрайней.
Акапельная песня звучит из глубин небес,
Миллионы стихов, непрочитанных и
неизданных!..
Я прошу чистоты.
Чтоб коса моя – солнца медь,
Словно другу хорошему, небу в глаза смотреть.

...Если б люди умели дышать,
Как земля, неистово,
То никто не узнал бы печального слова
«смерть»,
Мы б звенели росой и шумели, как лес
лиственный...

Татьяна КУРМАЗИЯ

Родилась 2 августа 1992 года в г. Петрикове Гомельской области. На данный момент живёт в Минске.

Стихи начала писать примерно в возрасте шести лет. Филолог по образованию – в 2015 году окончила филологический факультет Белорусского государственного университета по специальности «Белорусская филология (литературно-редакционная деятельность)».

Член Международного союза писателей и мастеров искусств. Дипломант II степени VII Всероссийского конкурса-фестиваля мелодекламации имени В. В. Верушкина «Петербургский ангел – 2018». Призёр Минского галла-концерта Международного фестиваля «Всемирный день поэзии – 2018» в номинации «Самое красивое выступление». Лауреат II степени IV Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы». Участник II Межрегионального форума молодых писателей Минской, Гомельской и Гродненской областей.

* * *

Я на этой земле словно мелкий скрипящий песок,
Я – лишь малая часть необъятной безводной пустыни.
Закрываю глаза – и созвучия жмут на курок,
И душа от тоски индевелой безудержно стынет.

Я как выжженный лес, как посаженный ветром ковыль,
Как угрюмая ночь, что приходит на смену закату.
Если хочешь послушать мою недопетую быль,
Загляни на огонь, повидаться всегда буду рада.

Посидим у стола, заглядевшись в оконный проём,
Если ж слово моё безнадёжно тебе примелькалось,
Я безмолвною песней наполню задумчивый дом.
Буду петь до утра, отвергая и боль, и усталость.

Там, за окнами, – дождь, там – раскосые листья берёз
Отражают, срываясь, атаки слепого потока,
Там фруктовый мой садик крапивой нещадно зарос,
Там на старой скамейке – стакан недопитого сока.

Я могу рассказать, как фальцетом грустят журавли,
Как гудит паровоз, проносясь по отточенным шпалам,
Как сбиваются в кучи промёрзлые комья земли
Под шуршащей накидкой, что Осень неспешно соткала.

Я поведать могу о безумцах, забывших покой
В вечном поиске им никогда не светившего счастья.
Я способна раздать через строчки дрожащей рукой
Жизнь свою, как из шкафа ненужные, тесные платья.

Не смотри на меня. Я забыла, что значит – смотреть
На другого с любовью, сокрытой за маской печали.
Если хочешь, я буду с тобою отныне и впредь,
Только что эта горечь во взгляде твоём означает?

Ты куда-то спешишь? Я хотела отдать тебе то,
Что сжигало внутри, отбивая височным набатом.
Уходи. Только, знаешь, теперь, вероятно, никто
Не услышит, как тихо сквозь пальцы я сыплюсь куда-то.

* * *

Смотри в глаза угрюмой пустоте,
Латай себя из прожитых кусочков.
Пока Земле вокруг оси лететь,
Тебе – стареть и ставить в жизни точку.

Вокруг тебя пустыня из людей,
А не песка. О, как ониzybучи!
Ты, как тайфун, пережидаете день,
А выжив, говоришь: «Счастливый случай».

И снова – ночь с зализываньем ран,
С кровавыми ошметками душонки.
Ты смотришь в мир через большой экран,
Забившись в щель испуганным мышонком.

И кто ж тебя такого отпустил
Бродить по тёмным, выжженным дорогам?
Никто не говорит тебе «прости»
И не стоит, волнуясь, у порога,

Выглядывая тоненькую тень.
Да и кому на ум пришло б такое?
Смотри в глаза угрюмой пустоте
И насладись свободой и покоем.

* * *

Они говорят: «Война», а потом смеются.
Они не видали дзотов и блиндажей.
Им матери наливают варенье в блюда
И тихо вздыхают: «Вымахали уже...»
У них – подвороты, маечки фирмы Zara,
Кислотные пряжи, кроссы от Adidas...
Они не вдыхали копоть того пожара,
Что села глотал, по карте ужом змеясь.
Им четверти века нет. Ну почти что дети.
Какая война? Экзамены, институт...
А сколько таких гранатами в сорок третьем
Рвало на куски, впечатывая в маршрут
Бессмертных полков, шагающих по Союзу,
Которого и в помине уж нет давно?
Какие, к чертям, кроссовки, начёсы, вузы?
Ведь это же было, было! Сейчас в кино
Показывают залитых томатным соком,
Диетами изнурённых экранных див.

На линиях обороны стоят высоты.
Всё стёрто почти, а что же там, впереди?
Кто вспомнит об этом лет через эдак
двадцать?

Кто бережно пыль платком с орденов сотрёт?
Кто детям своим расскажет (хотя бы вкратце)
О том, как войска ломились по рекам вброд,
О том, как кричали матери, отдавая
Земле сыновей, как немец стрелял в упор
В девчушку? И боль в глазах у неё такая
Была в этот миг, что, кажется, до сих пор,
Как вражьи штыком, той болью пронизан
воздух.

Она – в каждом камне улиц и площадей,
И если содрать обыденности коросту
С души – ты в себе её можешь разглядеть.

Нам, детям, шагнущим в третье
тысячелетие,
Непросто услышать этот безмолвный крик,
Но смотрят они: Наташи, Ульяны, Пети –
На нас со страниц навязанных школой книг.
Как в зеркало смотрят: губы, глаза и уши
Совсем как у них. И, может быть, голоса
Вот так же звенят. Давай же! Замри.
Послушай!

Они тишиной пытаются рассказать,
Как небо пылало, падали мессершмитты,
Как в ямы людей охапками – что собак!
Они не фантомы. Просто они... забыты,
Отмечены в списках, словно досадный факт.
И это – сейчас. А что будет с ними завтра,
Когда отголоски смоем грядущий час?
И я повторяю тихо, почти как мантру:
Я помню, я помню, помню... Я помню вас...

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА БЕЛАРУСИ

* * *

Я пишу тебе, знаешь, о скорых ручьях
весенних,
О деревьях, что прячут под землю кривые
корни.
Помнишь, как мы гуляли под их изумрудной
сенью?
Нет? Ну что же, не страшно, ведь я за двоих
всё помню.

Эта зимняя бель растворила тепла остатки,
Запустила холодные пальцы под наши рёбра,
И когда я гляжу вечерами в окно украдкой,
Ощушаю озноб от ухмылки её недоброй.

Пусть утешится этой недолгой и зыбкой
властью.
Скоро птицы наполнят пространство
беспечным криком
И в оконных проёмах, похожих сейчас
на пасти,
Затанцуют весёлой гурьбой мириады бликов.

Я отправлю письмо, если только весна
вернётся,
Если снова получится в окна смотреть без
страха.
Расскажу, как цветы поднимают головки
к солнцу
Без опаски навеки исчезнуть
на зимней плахе.

Ты прочтёшь, и проснётся застывшая
в коме память,
И узнаешь, как тяжело одной дожидаться
света.
Пусть растают снега, и смогу я тебе
отправить
Наше прошлое в прямоугольном чехле
конверта.

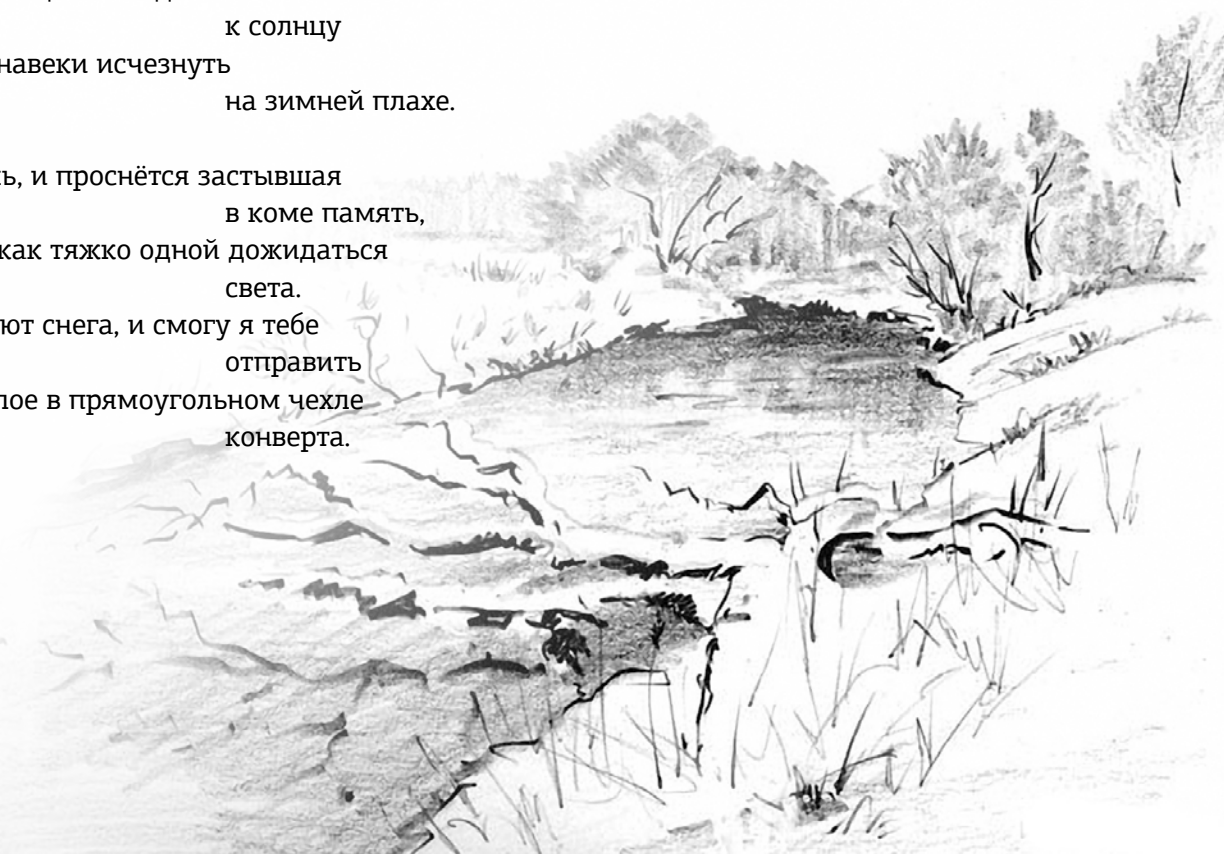
* * *

Мне кажется, нам с тобой много сотен лет.
Мы – пара небесных тел, пригвождённых
к солнцу.
Оно по оси нас кружит и зло смеётся,
В пространство раздав вай-фаем
белёсый свет.

Он сух и горяч. Он не предназначен греть,
И каждому, кто нарушит его границы,
Навек суждено в сиянии раствориться.
Я не назвала бы лёгкой такую смерть.

Ты знаешь, я правда думаю: нам пора
Кометами стать, сорвавшись с цепи орбиты,
Чтоб в мгле безвоздушной, бисером звёзд
расшитой,
Хвосты оставлять, как росчерки от пера.

И будет гореть, как прежде, среди тишины
Огнём измождённым брошенное светило.
Ах, только бы сил и мужества нам хватило
Оставить его, не чувствуя в том вины.

Екатерина РОВДО

Поэтесса, переводчик. Родилась 10 мая 1988 года в деревне Савичи Воложинского района Минской области. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета (2018).

Пишет на белорусском и русском языках. Печаталась в журналах «Белая Вежа», «Маладосць», альманахах «София», «Православие», в коллективных сборниках «Кветкавыя ветразі», «Пад ветразем натхнення», «Нить», «Писатель – FB». Автор сборников стихов на русском и белорусском языках «Водар белага наліву» (2016), «Паэтычныя КаРункі» (2019).

Лауреат конкурса «Славянский калейдоскоп» (2014–2016), Республиканского конкурса «Таланты Беларусі», «Созвездие духовности».

Живёт в г. Минске.

* * *

В бурную реку, себя не ругая,
Ступала без размышления...
Смелостью даже луну пугая,
Шла она против течения.

Обласканной еле заметными волнами,
Ей ветер шептал о нежности.
А звёзды казались глазами томными,
А небо – объятьями вечности.

Ночное, безумное, неповторимое,
Лихое, дрожаще-влажное,
Цветущее тело с душой ранимою...
Я больше скажу – с бумажною.

В надежде остыть, не сгореть трагически
Под солнцем тупой реальности
Бродила она по реке лирической
Не в поисках гениальности.

Смывала с себя суету дешёвую,
Тревогу, пыль дней, обыденность.
И строчки слагала... ночные... новые,
Рождая нагую искренность.

* * *

Жемчугом дождик стучал в подоконник.
Молния, словно жар-птица, сверкала.
Грусть – моя муза, подруга, поклонник –
Зябкие руки опять целовала.

Ветер срывал пожелтевшие листья
С клёнов, безжалостно их раздевая.
Грусть рисовала уныние кистью,
Яркие краски умело смывая.

Что же творишь ты, подруга печали?
Не приходи. Твой визит смертоносен.
Хочется мне, чтобы краски играли
Ярко, как в ту беззаботную осень.

В осень, где яблоки, школа, игрушки,
Всею душою хочу окунуться.
Вот бы уткнуться сейчас мне в подушку,
Ну а с утра первоклашкой проснуться...

* * *

Каждый вздох – как души изъятие,
Каждый шаг – по стеклу разбитому.
Слёзы горького безучастия
Оставляют глаза открытыми.
Дым обиды ласкает холодом,
Пошлый ветер – по позвоночнику.
Телом – в центре, душой – за городом.
Не уснуть. Мне б к тому источнику,

Что моё исцелит сознание,
Укротит это сердце страстное,
Восстановит опять дыхание.
А с запястия нитку красную

Я сниму. Мне теплее с крестиком.
Сеть проблем – кабала неверия.
Доверяла себя кудесникам...
Кровь ли бегала по артериям?

Задышалась, а тучи серые
Солнце спрятали от безбашенной.
Как ребёнок, в спасенье верю я,
Ведь огонь в душе непогашенный.

* * *

«Я хочу на тебя... смотреть!» –
Прозвучало настолько нежно,
Что луны обнажённой медь
На ковре отразилась снежном.

«Лицезреть, обнимать, дышать
Одним воздухом. Эти руки
Поцелуями покрывать,
Как за тысячи лет разлуки.

Видишь, милая, – два крыла.
Я тебя от пурги укрою,
Не заденет обид стрела...
Не молчи! Полетай со мною!

Скоро утро, будильник, шесть.
Мне бы вечность с тобой кружиться.
Я хочу на тебя смотреть.
Разреши мне опять... присниться?»

* * *

Прошепчу еле слышно сухое «привет»,
Уводить в пустофразье не стану – чревато.
Ты такой благодушный, но мы не дуэт,
Не соседи, не пара. Но чувств концентраты

Нас толкают уверенно на диалог,
Хоть молчанье ты тоже читаешь с запалом.
Нерешительный выдох сменяя на вздох,
Я признаюсь, что в дружбе я пуще сгорала,

Чем притворные люди в картонной любви.
Будто пазл, рассыпалась и снова обратно.
Удалить бы из памяти всех визави.
Научиться бы к людям – слегка, деликатно...

Спрятать сердце нельзя под листвою страниц –
Могут вырвать и сжечь беспощадные звери.
Я тебя выделяю из тысячи лиц.
Губы шепчут: «Привет», сердце – «Я тебе верю!»

* * *

Тоска стекала по серым стенам...
Дрожали окна от напряжения...
«А был ли лучшим? А был ли верным?
Похоже, тоже не исключение...»

Сорву обои – наклею новые.
Добавлю света, сыграю красками.
Сменю унылое на вишнёвое.
Его забуду. С пустыми ласками,

С душевной сыростью, надменной гордостью
Ему в другие стучаться комнаты.
А я – всего в двух шагах от пропасти –
Остановлюсь. Ни капли ропота.

Ещё, пожалуй, сменю пластинку,
Точнее, выброшу: так спокойнее.
Где было фото его – картинка,
Цветы какие-то – для гармонии...

Моя любовь – война и исповедь.
И вот – «ремонт», забыть желание.
Ещё бы сердце отреставрировать.
Наверно, легче построить здание...

* * *

Книги... Они ведь, по сути, планеты,
Это особой вселенной частички,
Переплетения нитей сюжетов,
Вечных и тех, что сгорают, как спички.

Книги... Они, безусловно, живые:
Учат, тревожат, порой согревают,
Могут рыдать, когда слёзы немые –
Пыль и царапины – их покрывают.

Книги по форме обычно похожи,
Есть подороже, есть проще изданья.
Что есть обложка? Фактически кожа.
Ценность и истина книг – в содержанье.

Может, за ветхой обложкой хранится
Та, что покажет тропинку к спасенью,
Та, что научит прощать и молиться,
Та, что дарует любовь и терпенье.

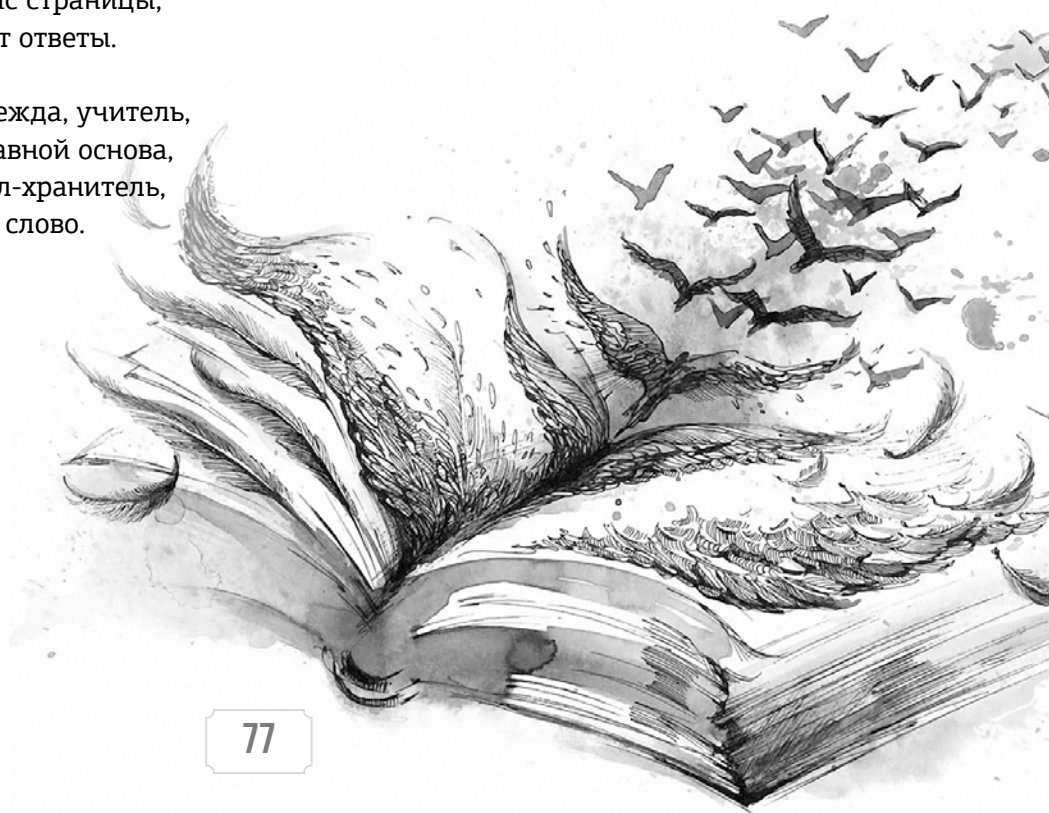
Книги есть пропасти, книги-дороги,
Книги-загадки и книги-подсказки.
Лучшая книга – ведущая к Богу,
Та, что наполнена трепетной лаской.

Если печально, тревожно, не спится,
Просит душа теплоты и совета,
Молитвослова спасут вас страницы,
Силу даруют, подскажут ответы.

Книга – помощник, надежда, учитель,
Жизни земной православной основа,
Души врачует, как ангел-хранитель,
Через святое Господнее слово.

* * *

Километры грусти,
Сорванные лилии...
Он тебя отпустит,
Расплескав идиллию.
Он тебя осудит,
Наградит насмешками.
Все, по сути, люди
В чьих-то играх пешками,
Королями, дамами –
Партия за партией,
С душами усталыми,
Под красивой мантией
Ходят во все стороны,
Времени заложники,
Тёмные, как вороны,
Злые, как безбожники.
Мало справедливости –
Судьбы разрушаются.
Мир гниёт от лживости,
А они... играют.
Чёрные направленно
Разрушают белое.
Сделай шаг. Всё правильно.
Молодая. Смелая.

СОЛОНКА С СЮРПРИЗОМ

РАССКАЗЫ

КИРКА

Я – Кира. Нет, не Найтли. Просто Кира. Маме нравится это имя. Мне тоже. Только вот вариантов мало с этим именем. Ну, ласкательных. Иногда бабушка называет меня Кирка. Звучит как-то не очень. Сразу же представляется инструмент. Да-да, именно тот, которым продавливают камни! Но я же хорошая. Зачем меня Киркой называть? Хотя да, я пробивная.

А ещё моё имя не сокращается. Короче уже не придумаешь. Ки – не звучит. Абсолютно. «Ки» на языке народа коми – «рука». Ну куда это годится? Как меня будут звать? Эй, Рука, иди домой? Или: поиграй с нами в салки, Рука?

А если взять Ра? Папа говорит, Ра – это древнеегипетский бог солнца. То есть я – богиня? Это уже ничего, годится. Попрошу подружек, чтобы называли меня Ра. В солнечные дни, естественно.

Но всё-таки есть имена покруче. Скажем, Доминика. Или Богдан. Это мои двоюродные брат и сестра. Они иногда приходят в гости ко

мне, когда я у бабушки с дедушкой. Доминику все зовут Ника. А Богдана – Бодя. Им повезло. Не надо самим голову ломать.

Их мама говорит, что Доминика означает «принадлежащая Богу». А Богдан – «Богом данный». Куда мы попали?

НЕСТЫКОВОЧКА

Бабушка с дедушкой живут в соседнем селе. У них очень старый дом. Наверно, такой же старый, как и они. Хотя они вроде ещё не такие дряхлые. Ходят как взрослые люди. В смысле ещё прямо. Без палочки. И до сих пор ходят на работу. А сами уже пенсионеры. Нестыковочка. Мне всегда казалось, что пенсионеры сидят дома возле окошка и никуда не ходят. Сидят вот так целый день и ждут своей пенсии, чтобы, не дай бог, не проворонить.

Когда я стану пенсионеркой, у меня будет много денег. Я надену разные украшения и буду ходить в гости к постаревшим подружкам. Я даже во дворе оставлю украшения. Скажем,

повешу на дереве колечки и серёжки. Пусть вороны тоже помодничают. Им, бедным, не видать пенсии как своих ушей.

ПАМЯТЬ

Бабушка очень мало рассказывает о своём детстве. Почти ничего. Ну цыгане каждое лето приезжали в их село – весь берег реки занимали. Все такие смуглые, длинноволосые, в цветастой одежде. Бабушке ой как страшно было идти к ним в табор. Всех детей тогда пугали: будешь непослушным – цыгане посадят на свою тарантайку и увезут навсегда. Вот, шла бабушка по табору, а сердечко стучало, как у загнанной лошади: тук-тук-тук-тук-тук. Ей всё время казалось, что вот-вот её схватят и спрячут в груди одежды. И больше она не найдёт дорогу домой. Поэтому бабушка ни на шаг не отставала от старшего брата, а для пущей верности хваталась за полу его пиджака. Но она была без ума от цыган. Как они всё-таки красиво пели, как танцевали!

Неужели я тоже забуду обо всём, что со мной происходит? Вот это лето, например? Точно забуду. У меня же голова дырявая. А вот хорошая память... у планшета. На нём и запишу всё моё лето. Если только какой-нибудь цыган не украдёт. Планшет имею в виду.

ПОЧТАЛЬОНША

В нашем доме живёт почтальонша. Она работает на износ. Целый день разносит одни и те же посылки. Причём не кладёт их на виду, а прячет: то в шкаф, то на печке, то под кроватью. Посылки, видимо, очень ценные: нам не разрешается к ним подходить даже на миллиметр. И для подстраховки почтальонша снова и снова перепрятывает посылки, чтобы мы их точно не нашли.

Но наконец она от усталости падает прямо на рабочем месте и засыпает мертвецким сном. Тогда мы достаём посылки и любимеся ими. Они лёгкие, как пушинки. И мохнатые, как шубы. Мы их гладим, а они почему-то пищат. Почтальонша мигом прибегает на своих

мохнатых лапах. И посылки опять уплывают из наших рук.

НЕДОГАДЛИВАЯ МАМА

Трясогузка свила гнездо прямо под крышей нашего дома. Птенцы всё время голодные и просят кушать. Вот так вытягивают шейки, как дудочки, и жалобно пищат. Мама снова летит к ним с пищей. Из клюва торчит червячок. Я порхаю рядышком, прямо напротив гнезда, и наблюдаю. Трясогузка этому дала порцию. И этому дала. И этому. А этому почему-то не дала. Видимо, он дров не носил. Хотя куда птенцу дрова? У него же сил нисколько нету. Пойти, что ли, каши принести? А то мама совсем недогадливая какая-то.

ЭТО ГОЛОС!

Я ужасно, ужасно боюсь пауков. Когда я вижу паука, становлюсь ватной, как лоскуток облака. Очень сильно жмущусь. И начинаю визжать, точно дедушкина бензопила.

Мне кажется, мой голос в эти минуты пропиливает всё на своём пути: и стены, и пол, и потолок, и деревья в саду. Всё, кроме самого паука. Паук спокойно подходит ко мне и взбирается на мою ногу. Прохаживается по ней взад и вперёд. Как хозяин.

Шершавые ножки семенят по моей коже. Мне щекотно, но совсем не смешно. Я считаю секунды, когда же паук вцепится в меня и начнёт пить мою кровушку. Но он медлит. Наверное, ждёт, когда я сама умру от страха. И тогда возьмётся за свою работу.

Но в конце концов меня всегда спасают. Даже прохожие. Ну кто устоит против такого визга? Это голос!

ПОДРУЖКИ

У меня есть подружки – Лиза и Ксюша. Сёстры. Живут в соседнем доме. Они младше меня и во всём слушаются. Всюду ходят за мной. Как кудрявые ягнята за мамой. Ну куда от них не скрыться! Я к бабушке – они за мной.

Я на улицу – они тут как тут. Я на земляничную полянку – они следом. Никакой личной жизни!

Приходится с подружками играть в куклы. Я-то уже большая, могу и не играть. Но без меня им не справиться. Показываю, как надо пеленать лялю, поить и укладывать баиньки. Ох уж и устаю я за целый день... А ещё присматриваю за лялями, когда подружки уходят на тихий час к себе домой. Хитренькие, с собой не берут. Как будто мне очень хочется столько ляль нянчить.

Сегодня подружки целый день не приходили. Пошли в гости к тётушке. Хоть бы ляль своих мне занесли. А то с одной лялей скучновато...

МОДНЫЙ ПОКАЗ

Ника та ещё модница! Насмотрится передач с модными показами, а затем меня учит: тебе больше подойдёт то-то и то-то. А в этом как пугало, скидывай с себя быстрее, пока мальчики не увидели. Мне надоело слушать её советы, и я обиделась. До немоты. Ника это просекла. И тоже на меня обиделась. Но скоро нам надоело играть в немых. И Ника предложила новую игру. Давай, говорит, смастерим своих моделей и сами придумаем им прикид. Я спросила, из чего. Ника сказала, из того, что найдём в траве.

В траве мы нашли только траву. Несколько цветов. И листья. Модели у нас получились стройные – из манжетки. Я одела свою красавицу в болеро из щавеля, в юбку из листьев подорожника, в шляпу из цветочка герани. Ника напялила на голову своей модели колокольчик и придумала ей вечернее платье из листьев одуванчика.

Открыла показ Ника. Её модель прошла несколько раз по подиуму из доски. Затем продефилировала моя модель. Ника скривила рот и в конце показа объявила свой приговор – немодно. Ах так! Тогда у твоей модели тоже никчёмная одежда! Листочки и цветочки разлетелись по траве, точно отбракованные дизайнером вещи. Модный показ с самого начала не задался. В следующий раз лучше бабушку подключить. Уж её-то я одену!

ШТАБ

Богдану всё время скучно. То он не хочет с нами в дочки-матери играть, то не хочет наших кукол носить на прогулку. Подойдёт к своей маме и взывает, как волчонок: «Мне ску-у-у-учно». А чем ему мама может помочь? Она же не мальчик, не станет с ним бегать и лазить везде.

Вот сегодня Богдан опять затосковал. Выл, выл, выл, а потом подбежал к нам и говорит: «У меня есть идея». Мы с Никой заинтересовались. А он: «Давайте сделаем штаб».

Штаб у нас получился что надо. И место удачное – на пригорке, а вокруг рвы. Ни один враг не подберётся. Врагов пока немного – соседские девчонки. И ничего, что они вчера были моими подружками. Время всё расставляет по своим местам.

В штабе сидеть надоело быстро. И мы стали выслеживать своих врагов. Как только они выходили из своего укрытия, мы нападали на них. А те удирали. Нам ещё ни разу не удалось их поймать. А то бы взяли в плен. И... обратно бы отпустили. Нам в штабе и самим тесно. Пленных ещё держать, поить, кормить...

К вечеру мы уже забыли о своих врагах и стали спокойненько кататься с пригорка. Кубарем. Скоро наша одежда позеленела от травы. Мы с Никой смеёмся друг над другом, выуживая из волос травинки. А Богдан смотрит, смотрит на нас и опять за своё: «Ску-у-у-учно!»

ЛЕТНЕЕ КАФЕ

Мы попросили у бабушки летнее кафе. Она загадочно сверкнула глазами-очками и сказала: «Будет вам кафе!» Бабушка раздала нам инвентарь. Мне – метлу, Нике – грабли, Богдану – тележку. И повела нас в сад. Сад дёрнулся от испуга. И птицы с веточек разлетелись кто куда.

Мы убрали прошлогоднюю листву и кое-какой хлам. Поставили стол и скамейки. Повесили на деревьях цветочки в кашпо. Затем помогли бабушке накрыть на стол. Она до-

стала из серванта наши любимые чашечки с блюдецками. Они выходят в свет только по праздникам. Такие яркие, как цвета радуги. Моя – жёлтенькая, у Ники – красненькая, у Богдана – зелёненькая. А взрослым без разницы, из какого цвета пить.

Сидим в кафе, чай попиваем. С блинами. Птички поют в листве, обратно вернулись. Сад качается под их песенки. А мы молчим. Не из-за того, что наши рты набиты. Просто хочется помолчать. Слушать дыхание ветра и молчать. Это как бабочка наконец-то выходит из своего кокона и расправляет затёкшие крылья. Впереди – целая жизнь! А ты уже устала. Вот и мы так же. Как уставшие бабочки.

ГОЛОВА НЕ РУКИ

Черёмуха понимает меня лучше всех. Ей я доверяю все свои тайны. Они зарыты под её корнями. В черёмуховой листве удобно прятаться. У меня есть любимый сук. Почти что скамейка. Я на нём сижу и думаю. Закрыв глаза.

Думаю о завтрашнем дне. Или о вчерашнем. Какая разница? Главное, думаю. Я же что – как белка в колесе. Всё куда-то бегу. А зачем всё это?

Надо найти мой пиджачок, в нём я кажусь серьезнее. И надеть серьёзную шляпу. С широкими полями, мамину. Мама недавно купила мне новые фломастеры. Интересно, куда они делись? Точно, я же подарила их Богдану, он так любит рисовать. Я тоже люблю рисовать. Особенно кошек. Ой, я же забыла покормить Мусю! Ладно, не пропадёт. Травку пожует на крайний случай. Случайно я не встречу сегодня стрекозу? Когда она сидит и складывает вот так свои крылышки, она такая красивая!.. Я буду самая красивая, когда пойду в школу в новом платье и туфельках. «Кира, какая ты кирасивая!» – сказал бы мне настоящий попугай. Попугаи так забавно ругаются! Ругаться я тоже люблю, особенно с мальчиками! Они такие упёртые, как жуки-щелкуны. Но в этом году я их всех перещёлкаю – обещаю. Бабушка обещала сводить меня на пляж. Искупаюсь, выйду на берег – а с меня как с гуся вода. Вода вроде

Алёна ШОМЫСОВА (СТАРЦЕВА),
г. Сыктывкар

Родилась в 1986 году. Пишет на коми и русском языках. В своих стихотворениях затрагивает темы языка и родной глубинки, времени и поэзии, жизни и смерти, этнографии и материальной культуры народа коми. В произведениях для детей знакомит с миром героев, которые находятся в постоянном поиске приключений, загадочных вещей или занимаются исследованием интересных предметов, окружающего мира.

Занимается переводом произведений русских и финно-угорских писателей на коми язык. Её стихи и рассказы переведены на русский, эстонский, английский, венгерский, мохшанский, эрзянский, удмуртский и ненецкий языки. Лауреат литературной премии имени Александра Лужикова (2012).

Автор книг «Дзар» («Свет»), 2011, «Чёв!» («Молчи!»), 2012, «Юрсигусь бордъяс» («Крылья стрекозы»), 2014, «Кёчильлы козин» («Подарок зайке»), 2018.

Член Союза писателей России с 2016 года.

не умеет щекотать. А кто тогда меня сейчас щекочет? Похоже на кончики крыльев. Неужели свиристели прилетели? А, это всего лишь листочки. Ишь какие сорванцы! Работать мешают. Голова не руки.

ЧЕТЫРЕ САНТИМЕТРА СЧАСТЬЯ

Говорят, счастье не измерить. А я не верю. Всем докажу, что это не так.

Целый день хожу с линейкой. Всё измерила. Любимые игрушки, телевизор, шанежки, коробку для творчества, книжки, одежду... Даже маму с папой. И бабушку с дедушкой. Только на фотографии. Вживую моя линейка не достанет.

Что же я забыла? Дом. Нет, конечно, это счастье. Но больше для мамы и папы. Сад? Тоже не то.

Конечно! Как же я могла забыть? Счастье-то – вот оно! Солнышко! Ровно четыре сантиметра! Оно меня щекочет по утрам своими лучиками, смеётся со мной, прыгает. Жаль, солнышко не мячик. Не поймать его.

ЗАЯЧИЙ ГОСТИНЕЦ

Дедушка ходил в лес. За грибами. Там он встретил зайца. Такого серого, пушистого. Почему не белого? Оказывается, он носит белую шубку только зимой. А летом надевает серую шубку. Почему не розовую? Какую бог дал. Заяц как раз обедал. Чем? Манной кашей и хлебом. Дедушка рассказал зайцу обо мне. И заяц отправил мне гостинец. Хлеб с маслом. Что ж ты, дедушка, новый айфон не попросил?

СОЛОНКА С СЮРПРИЗОМ

Одним утром бабушка поставила передо мной деревянную солонку. Утицу. Внутри лежала записка. В записке была загадка: «Полный поставец белых куропаток». Отгадку я не знаю. Бабушка сказала: «Думай». Наверное, ей надоело отвечать на мои вопросы. И решила сама меня замучить.

Не на ту напала. Я найду отгадку. Не своей головой, так чужой. Гугл в помощь. Но Гугл

поперхнулся от моего вопроса. Не такой он уж всезнайка. Пойду лучше к дедушке. Уж он-то знает всё про куропаток.

Дедушка рассказал, что куропатки водятся в лесу. А зимой прячутся под снегом. Но в снегу нет поставца. Поставец – шкаф для посуды. А откуда в поставце куропатки? Значит, поставец не поставец и куропатки не куропатки. Это так дедушка рассуждает. А я ушами хлопаю.

Получается, какие-то белые штучки в какой-то каморке. Каморка открывается – и ты их видишь. Это уже я рассуждаю. Дедушка улыбнулся. И тут меня осенило! Это же зубы! Правда, у дедушки они не такие уж белые...

Я побежала к бабушке. Сказала отгадку. А она в ответ только загадочно сверкнула глазами-очками.

На следующее утро бабушка снова протянула мне солонку. Ну уж нет! Лучше я сама буду искать ответы на свои вопросы. Бабушка, оставь себе загадку!

СИНИЙ КИТ

Сегодня я проснулась оттого, что на меня кто-то смотрит.

Я открыла глаза – а в окне огромный глаз. И смотрит так нахально. Как будто усмехается. Вот я какой большой, а ты – букашка. И дом твой – букашкин. Ну прям как я, когда заглядываю в муравейник.

Я спрыгнула с кровати, чтобы лучше рассмотреть, кому принадлежит глаз. Но глаз уплыл. Скорей всего, это был синий кит. Говорят, раз в столетие его заносит в наши края. Поплывать бы на его спине! Когда я приплыву обратно домой, мне будет уже 106 лет. Со старушкой никто не захочет играть. Тогда мне придётся сидеть у окошка. Лучше я дома останусь!

ПРИНЦЕССА

Наконец-то я попала на пляж. Он здесь особенный. Песчинки – милипизерные камушки. На излучине реки камни побольше. И есть ракушки! Самые красивые я обычно забираю с собой. И сегодня тоже поищу.

Вот и она! Такой особенной я никогда не видела. Как рожок пастуха из сказки. Ракушка тихонько пикинула. Будто окликнула меня. И я решила заглянуть к ней в гости.

Знаете, а ничего особенного. Я прошла по длинному коридору с бриллиантовыми стенами. Вошла в большой зал, в середине – малюсенький трон, на троне – крохотупичная принцесса. Она очень обрадовалась мне. Стала верещать на каком-то непонятном языке. Как птичка. Потом показала свои комнаты. Скукота – никаких игрушек. Только всякие ожерелья, колечки и всё такое. Ника бы обомлела. А мне хоть бы что.

На прощание принцесса подарила мне свою корону. Она была такая маленькая, что я сразу же потеряла её. Принцессу я тоже пригласила в гости. Надеюсь, она не придёт. Ума не приложу, как принимать такую гостью.

МАМИНА ПОМОЩНИЦА

У мамы сегодня день рождения. Я хочу устроить ей сюрприз. Сначала сделаю ей чудесный венок из цветочков, которые наконец-то появились на клумбе. Мама так долго ждала их, что наверняка обрадуется венку. Положу-ка его на подоконник. На солнце он кажется ещё красивее.

Теперь почистим грядку. Мама говорила, что осталось почистить только морковную. Я уже большая, справлюсь. Вот и готово. Грядка как новенькая! Ни одного сорняка не видно. Правда, морковки тоже не видно. Видимо, пока не вылезла.

Чем ещё заняться? Забор докрашу. Мама вчера устала, не успела закончить. Какую бы краску выбрать? Жёлтая будет в самый раз. Вот и готово. Ой, а забор-то синий! Ну ничего, синий с жёлтым тоже неплохо смотрится.

Какая же я всё-таки молодец! Мамина помощница! Ей со мной повезло. Вот и сама идёт. Сейчас обрадуется!

ВЕТРЕНАЯ КАЛИТКА

Наша калитка обычно молчит. Может, она о чём-то сильно думает. И ей не до нас. Даже

не ругается, когда мы качаемся на ней. Или сильно хлопаем. И даже не пытается с нами заговорить.

Но бывает, поднимается очень сильный ветер. И калитка преображается. Она начинает танцевать какой-то странный танец. Как у дикарей. К тому же подпевает весёлую песенку. Мне кажется, калитка ветреная. И песенка её тоже. Но всё-таки нас и знать не хочет. Хоть у нас тоже ветер в голове.

ЗОНТИК

Как-то иду домой. Вот он уже на горе – величиной с мизинец. А всё-таки ещё далеко. Если бы у меня были крылья, один миг – и дома. А ножками топтать и топтать. К тому же в гору. Почему мы так далеко живём?

И тут я заприметила недалеко от дороги зонтик. Он был необычный, с куполом из белых цветочков. Я оторвала зонтик из травы. А он оторвал меня от земли и понёс прямо по воздуху! Сердце сразу же сбежало в пятки. Не думала, что будет так страшно. Но я быстро привыкла и даже пыталась махать одной рукой. Как однокрылая птица. Все дети запрокинули головы – я же не могу лететь молча. Смотрели на меня, разинув рты. А собаки, а собаки! Собаки захлебнулись от лая. Может быть, издали она похожа на косточку?

Весь мир застыл от изумления. А я летела себе и думала: как удачно нашёлся этот зонтик. Теперь все захотят со мной дружить.

ТАЙНА ПЕРА

Никто не хочет со мной дружить! Опять я со всеми разругалась. Вдрызг. Характер у меня такой. Не характер, а взрыв какой-то. А всё началось из-за тайны, которую Богдан рассказал Нике. Ника – мне. А я – подружкам. Ну какая это тайна, о которой знают все? И почему-то виноватой оказалась только я!

Вот будет у меня своя тайна – никому ничего не расскажу. Даже под пытками.

Ой, а чьё это ушко из травы торчит? Неужели зайка из лесу прискакал с гостинцем?

А, это не ушко... Длинное перо. Что с ним делать? Спрячу его в свой тайник. Это перо волшебное. Оно принадлежит невидимой птице, которая прилетает ко мне по ночам. И поёт мне свои песенки. И я вижу волшебные сны, где тоже летаю... Такой тайны ни у кого нет.

Я свою тайну никому не выдам. Разве что Нике на ушко шепну. Самую малость.

ПАПИНО СОКРОВИЩЕ

Я нарисовала маму и папу. Мама улыбается. А папа почему-то злой. Он целый день копошился над самолётиком. Каждую детальку прикреплял аккуратно, будто крылышко стрекозе. И вытирал пот со лба. Тяжёлое это дело.

Вечером бы мы запустили самолётик. И смотрели бы, как он кружится над нами. И папа бы радовался, как в детстве.

Но до вечера дело не дошло. А во всём виноват Котик. Он стащил у меня пушистика. Ну брелок такой. И давай по дому носиться. Я – за ним. Котик сделал несколько пируэтов по гостиной и свернул в папину комнату. Я его почти уже поймала. Но Котик так хотел от меня удрать, что полетел прямо по воздуху. Перелетел шкафчик, диван, тумбочку. И тут у него закончилось горячее. И он плюхнулся с пушистиком прямо на папино сокровище.

Вы бы видели папино лицо! Оно побагровело, как подосиновик. И – глаза. Глаза чуть не расплакались, как в детстве.

Мне было очень жалко папу. Правда. Я бы ему другой самолётик подарила. Но я знаю: ему нужен был именно этот, беленький, со звездой.

ТАЙНИК

Тихонько наступает осень. Настало время вытаскивать тайник. Жестяная шкатулка из-под чая. Крышка открывается тяжело – тайник сопротивляется. Вот оно – моё лето. Причудливый листок с деревом внутри. Кедровая шишечка. Камешек в форме сердца. Волшебное перо. Высохшая бабочка. Малюсенький ключик. Приплюснутый колокольчик. Поблёкший василёк. Все они с грустью смотрят на меня. И я чуть не плачу.

Так хочется вечного лета. Но такого не бывает.

Я оставляю их одних и бегу на полянку за домом. Я знаю: там ещё растёт одуванчик. Хватаю солнечный цветочек и бегу обратно, пока он не успел посесть и разлететься по ветру. Кладу ярко-жёлтый комочек в свой тайник и зарываю обратно под корнями черёмухи. Пусть там будет постоянно светить солнышко – до следующего лета.

ПОСЛЕДНИЕ ГЛОТКИ ЛЕТА

У бабушки с дедушкой стало совсем скучно. Сад пригорюнился. И я с ним. Ника и Богдан уехали домой. Сказали, пора собираться в школу. Ну и что, мне тоже скоро в школу. В первый класс.

Ника и Богдан приедут сюда только на Новый год. Это в лучшем случае. Я осталась совсем одна. Не с кем чай попить в летнем кафе. Бабушка не хочет. Дедушка не хочет. Ну а я хочу. Пусть уже сумерки.

Светит фонарь луны. На столе – жёлтые листья. И у меня – жёлтая чашка. Я медленно пью чай. Будто последние глотки лета.

И грущу.

Грущу.

Грущу.

Авторский перевод с коми

Ольга ЛУЦЕНКО

Однажды Король спросил у Художника:

– Твои картины известны за пределами нашего королевства, они прекрасны. Так почему же ты беден, Художник?

– Наверное, потому, что мне за мои картины платят медью, а не золотом, – улыбнулся в ответ живописец.

Тогда Король сказал:

– Я дам тебе столько золота, сколько сможешь унести, если ты нарисуешь мне такую картину, прекрасней которой не было бы во всём свете!

– А что бы ты хотел видеть на этой картине, мой Король?

– Я не знаю, Художник. – Король задумался. – Что-то удивительное и прекрасное... Такое, чтобы мне хотелось любоваться той красотой каждый день! Пожалуй, я бы даже назначил тебя придворным живописцем, если бы твои

кисти смогли исполнить моё желание. Но если ты не сумеешь нарисовать картину, какая чудится мне в моих мечтах, я прогоню тебя прочь.

Художник поёжился на холодном ветру, кутаясь в свой старенький плащ, машинально пошарил в пустом кармане брюк, махнул рукой и сказал:

– Была не была, Ваше Величество! Невелика будет потеря, если в твоём королевстве вдруг станет одним живописцем меньше. Я попробую нарисовать тебе чудесную картину!

– Что ж, – Король благосклонно кивнул, – сроку тебе – до последней радуги. Когда погаснет последняя радуга, я приду смотреть твои картины.

С того дня поселился Художник в королевском замке. Стал он жить сытно и вольготно, ни в чём ему отказа не было. Но чем привольнее становилась жизнь Художника, тем чаще вспоминал он свой старенький этюдник, чёрный потёртый плащ и с тоской глядел на дорогу,

что убегала из королевского замка в залитые ярким солнечным светом поля.

Из окна его комнаты было видно, как поднималось над городом солнце, как лёгкой кистью касалось оно шпилей и флюгеров, осыпая их сияющей позолотой. Случалось, что вдруг небо хмурилось и на нём собирались тучи. Тогда Художник садился у окна и ждал. Ждал, когда летний дождь, словно маленький барабанщик, пробежится по черепичным крышам, прошлёпает босиком по лужам и до блеска вымоет гранитные мостовые.

Но больше всего Художник любил тот миг, когда после дождя сквозь тучи вновь пробивался первый солнечный лучик и зажигал радугу! Она сияла и переливалась в небе яркими красками, накрывая волшебным светом весь город! В такие минуты Художник был счастлив. «Ах, если бы мне однажды удалось нарисовать вот такую же сказочно волшебную картину! Прекрасную, как сама мечта! Вот удивился бы Король!»

Но время шло, лето подходило к концу, а желанная картина так и не получалась. Много разных полотен создал Художник, и все они радовали глаз! На одном – Король на охоте! Его конь мчит вперёд, едва касаясь копытами земли! А на другом – Король в тронном зале, в бархатных, шитых золотом одеждах, его лицо торжественно и величественно. С третьего полотна Король улыбается, оглядываясь через плечо, стоя на крепостной стене города. Ни один художник раньше не рисовал Короля таким удивительно разным! Но ТОЙ САМОЙ картины не получалось. Художник никак не мог её придумать!

«Интересно, – однажды подумал Художник. – Сколько времени осталось до последней радуги?» Он закрепил на мольберте чистый холст, окунул кисть в краску и вдруг застыл, пытаясь поймать ускользающую мысль. «Снова рисовать портрет Короля? Их уже более чем достаточно! Они все хороши, но ни один из них не греет мне душу...»

Художник взглянул в окно: там сияло солнце, черепичные крыши домов пёстрой мозаикой раскинулись по склонам холмов, в садах ветки клонились к земле под тяжестью спелых яблок, ребятишки пёстрыми стайками носились

по улицам. Ах, как было здорово там, за окном королевского замка!

Художник не стал рисовать очередной портрет Короля – словно продолжение городских улиц, на его холсте вдруг тоже запестрели черепичные крыши домов. Они словно скользили по холсту, утопая в зелени садов и растворяясь в невесомой вуали белоснежных облаков!

Внезапно свет за окном потускнел, свинцово-фиолетовая туча закрыла солнце, и крупными, тяжёлыми каплями застучал по крышам озорной дождик. Художник отложил в сторону свои кисти и подошёл к распахнутому настежь окну. Он вдыхал полной грудью свежий аромат дождя и думал о том, как давно не чувствовал на своих плечах промокнутого плаща. Он взял в руки хрустальный бокал и потянулся навстречу дождю.

– Динь! Динь! Динь! – звенели капли по стенкам бокала, наполняя его звонкой прозрачной симфонией летнего дня.

Порыв ветра в нескольких местах разорвал фиолетовую тучу, и солнечные лучи, протиснувшись сквозь прорехи, нарисовали на небе пёструю радугу! «Ах! Как она прекрасна! – обрадовался Художник и тут же с сожалением вздохнул: – Неужели последняя? Вот было бы удивительно наполнить радугой этот бокал!» Он смотрел, как переливались разноцветно-прозрачные радужные полосы, и думал о том, что только волшебный Солнечный художник смог бы нарисовать такую радугу на картине! И она была бы как настоящая! И чтобы по ней можно было дойти до самого солнца! Вот это было бы настоящее чудо!

А солнце наконец сбросило с себя сердитую тучу и вновь радостно засияло над городом. Остатки разноцветных капель едва осязаемым шлейфом рассыпались повсюду, щедро даря прохожим радость. Художник очнулся от мечтаний и осторожно поставил на подоконник хрустальный бокал, почти до краёв наполненный дождевой водой.

– Динь! – запоздалая капля упала в бокал, всколыхнув в нём настоящую бурю! Словно задела незримую струну! Художник удивлённо оглянулся.

* * *

Она стояла на самом краю бокала – совсем маленькая, тонкая, словно былинка, и прозрачная, как хрусталь! Лёгкий ветерок касался её волос, и они развевались невесомым прозрачным шлейфом из тонких, почти невидимых нитей. Платье, молочно-белесое, как утренний туман, изящно облегалo её стройную фигурку. Она смотрела на Художника и улыбалась.

– Ты кто? – прошептал изумлённый Художник.

– Вильгельмина, – хрустально-чисто прозвенел её голос. – Я маленькая капелька, дыхание прошедшего дождя, осколочек той самой радуги, красками которой ты хотел наполнить этот бокал. Но радуга рассыпалась – и вот я здесь. А что ты делаешь в королевском замке, Художник?

– Вильгельмина? Какое красивое имя! Но разве ты похожа на радугу? Радуга – она яркая, разноцветная, а ты прозрачная и невесомая, как ветерок... Почему я не встречал тебя раньше?

– Когда рассыпается радуга, её краски растворяются повсюду – в садах, в реке, в поле, в твоих глазах. Раньше ты не встречал меня, потому что никогда не пытался собрать рассыпавшуюся радугу. Но ты не ответил мне, Художник, – почему ты сегодня здесь, в этих каменных стенах? Почему я давно не видела тебя на улице?

– Я беден, а впереди – холодная зима. Король обещал мне достойную награду, если я смогу нарисовать самую прекрасную картину на свете, – печально вздохнул Художник и наклонился, чтобы лучше рассмотреть маленькую капельку на кромке бокала. – Но если истечёт срок, а я не смогу выполнить это условие, то мне придётся покинуть наше королевство.

Невесомо ступая по хрустальной кромке бокала, Вильгельмина подошла ближе и взглянула на картины, которые висели в комнате Художника. Её лицо то темнело, как океан в бурю, то становилось чистым и прозрачным, как горный родник.

– Ты очень хороший Художник, – наконец сказала она. – И эти картины, они все прекрасны... Только понимаешь, мой талантливый друг, в них есть краски, но нет жизни. В них ты идёшь

за Королем, в тени его славы, а у тебя должно быть собственное имя.

– Разве у меня нет имени? – удивился Художник. – У каждого человека есть имя! Ведь даже у тебя оно есть – Вильгельмина!

– Имя художника только тогда имя, когда оно идёт впереди него.

– Разве не слава и почёт дают дорогу такому имени? – с досадой спросил Художник. – И где же их искать, если не в королевском замке?

Вильгельмина засмеялась, словно заиграла скрипка:

– Много королей будет на твоём пути, Художник! Не гонись за их славой, пусть короли идут по твоим следам!

– И как же мне быть? Что я, по-твоему, должен для этого сделать?

– Собери радугу!

Художник взял в руки бокал и посмотрел сквозь него на солнце:

– Я пытался собрать осколки радуги, но вода в бокале прозрачна, все краски исчезли...

– Ах, какой ты смешной, Художник! – смех Вильгельмины рассыпался по каменным стенам солнечными зайчиками. – Чтобы собрать радугу, мало одних красок! Здесь нужны чувства! Понимаешь, у каждого СВОЯ радуга. И только тогда, когда чувства и краски сольются воедино, – только тогда вспыхнет ТВОЯ радуга, Художник! Только тогда Король узнает твоё имя! И только тогда ты сможешь нарисовать картину, прекраснее которой нет в целом свете.

– Краски и чувства? – Художник устало опустил в кресло. – Чувства внутри меня, а краски – снаружи. Как можно это соединить?

– Посмотри на этот холст, – Вильгельмина кивнула на стоявшую у окна картину. – На нём продолжение того, что ты видишь за окном, верно?

Художник кивнул.

– Ты должен рисовать так, чтобы твои картины были продолжением твоих чувств, а твои чувства отражались бы в твоих картинах! Тогда твоё имя будет идти впереди тебя.

Художник молчал и смотрел широко распахнутыми глазами на неуловимо прозрачную

маленькую капельку на кромке хрустального бокала.

– Если твои чувства так же сильны, как твой талант, у тебя всё получится! – продолжала Вильгельмина. – Давай попробуем, Художник? Вспомни о своих чувствах! Они в твоём сердце! Это же так просто – собрать радугу! Чувство – цвет! Вот, например, КРАСНЫЙ...

* * *

Красный, как маковый цвет, закат наполнил собой целый мир. Даже белые розы в руках придворного Шута казались алыми! Не снимая шутовской колпак, он опустил на колени и положил цветы к ногам своей Королевы... А она была ослепительно молода и непозволительно прекрасна! И только лёгкая тень обречённости выдавала в ней невольницу. С тех пор, как Король привёз её из далёкой заморской страны, Шут потерял покой.

– Шут! Мой верный Шут! – восклицал упоённый счастьем молодой Король. – Вот моя невеста! Радуйся, Шут! Тебе ли, дураку, понять, сколько она мне стоила!

И Шут радовался, как велел ему Король. До тех пор, пока не заглянул в её глаза, бездонно-синие, как апрельское небо, и бесконечно печальные, как сама неизбежность... И тогда замолчал разом, заговорило сердце!

На королевской свадьбе Шут был самым весёлым и шумным! Он смешил гостей, пел песни Королю, улыбался молодой Королеве. Но лишь она видела отчаяние в его веселье, неудержимую тоску в песнях и глубокую грусть в улыбке... И не могла она отвести взгляд от пёстрого колпака на голове Шута. Каждый раз её сердце замирало при надрывном звоне его старенькой лютни. И не было больше никого вокруг...

Шут не боялся эшафота, он с облегчением бы сложил голову на плахе, если бы шёл туда один...

– Мой Король! – Шут говорил медленно, последнее слово приговорённого обязан выслушать даже король. – Ты можешь казнить меня самой страшной казнью, и я покорно приму её. Но молю тебя – не причиняй боли своей прекрасной Королеве!

– А ты что скажешь, моя неверная супруга? – Король был хмур.

– Мой Король! – Молодая Королева впервые взглянула в глаза Королю без страха. – Твоя власть воистину велика, но даже ты не можешь никому приказать быть счастливым! Я не молю тебя о пощаде, но не казни своего Шута из-за меня!

Их вывели на высокий скалистый обрыв – двоих... Они стояли на самом краю, держась за руки, – прекрасная Королева и придворный Шут.

– Я исполню ваши последние желания, – сурово молвил Король. – Я не причиню боли Королеве и не казню своего Шута. Но хватит ли у вас самих сил принять смерть добровольно?

Потом Король долго смотрел вниз, где волны бились о гранитные скалы – они были багряно-красными от крови...

...Художник открыл глаза:

– Верно, Вильгельмина! КРАСНЫЙ – это любовь, страсть, самоотречение, преодоление и... снова любовь... Это сильный цвет!

Художник взглянул на хрустальный бокал – вода в нём была ярко-алого цвета! Она клубилась, растекалась внутри, словно волны, что шумели у скал. Лицо Вильгельмины тоже отражало красные блики:

– Видишь, Художник, у тебя всё получается! Но у радуги семь цветов, и следующий – ОРАНЖЕВЫЙ!

* * *

Оранжевый песок, оранжевое солнце, оранжевая жажда в глазах... Раму изнемогал от жажды и зноя. Но сильнее жажды жгла сердце досада! Старейшины не поверили ему, когда он сказал, что за Оранжевым барханом должна быть вода!

– Ты молод и глуп! – Вождь сердился. – В пустыне нет воды! Оранжевый бархан – это смерть!

– Вождь! – восклицал Раму. – Ты мудр! Скажи мне, почему все – львы, слоны, антилопы – все идут за Оранжевым барханом? Неужели они все идут умирать?

– Упрямец! – разгневался Вождь. – Иди

и ты к Оранжевому бархану! И пусть разум вернётся к тебе хоть перед смертью!

Раму очнулся от сильного прикосновения.

– Что ты делаешь здесь, Человек? – Огромный чёрный Слон, как гора, возвышался рядом.

– Убей меня, Слон! – воскликнул Раму. – Я очень устал и хочу пить!

– Встань, глупый Человек! – Слон покачал головой. – Там, за Оранжевым барханом, вода! Много воды! Надо только пройти ещё несколько моих шагов!

Стоя на вершине Оранжевого бархана, Раму увидел синюю реку, зелёные берега, услышал птичий гомон!

– Даже мудрейшие могут ошибаться, – сказал Слон. – Не верь словам, верь истине!

...Художник взял в руки бокал: в алой воде дивными узорами распускались оранжевые цветы!

– Я понял, Вильгельмина! ОРАНЖЕВЫЙ – это знания, успех, восторг, истина!

– Ты всё правильно понял, Художник! Давай теперь представим, чем может стать ЖЁЛТЫЙ?

* * *

Жёлтый цветок подсолнуха склонялся над ней, закрывая лепестками от жёлтого солнца. Золотисто-жёлтые солнечные зайчики рассыпались по её нарядному и тоже жёлтому платью. А она сидела на скамейке и плакала.

– Девочка, почему ты плачешь? – спросил проходивший мимо Мальчик.

– Там, у соседской калитки, сидит большая собака! Я боюсь её!

Мальчик подал ей руку:

– Идём! Я не дам тебя в обиду!

Они шли по дорожке, он крепко держал её за руку. А вокруг был ослепительно-жёлтый и удивительно тёплый день! И большая собака оказалась добродушным косматым псом! И высохли слезинки! И улыбалась Девочка! И был смелым Мальчик!

...Художник взглянул на бокал: в самых серединках оранжевых цветов засияли солнечно-жёлтые звёздочки!

– Жёлтый цвет – это очень тёплый цвет! – воскликнул Художник. – Это дружба, радость, счастье! ЖЁЛТЫЙ цвет – невероятно добрый цвет! Верно, Вильгельмина?

– Верно, Художник! Это цвет твоего детства, когда дружба бескорыстна, радость искренна, а счастье бесконечно!

– Тогда я знаю, что будет дальше! – восторженно воскликнул Художник. – Дальше будет ЗЕЛЁНЫЙ!

* * *

Зелёный туман, густой и почти осязаемый, закрывал всё вокруг – не было ни моря, ни неба, ни берега... Рыбак, отчаявшись и окончательно потеряв надежду, лёг на дно лодки. Зачем он здесь? Он, молодой и сильный, хотел загарпунить большую рыбу! Тогда бы он был первым среди рыбаков! И тогда его мать гордилась бы им. Но сейчас, когда вокруг этот невероятно густой зелёный туман, когда сломана мачта и порван парус, а вёсла практически бесполезны, – сейчас надо достойно встретить свой конец. «Не я первый и не я последний», – думал Рыбак.

Вдруг лодка качнулась – кто-то большой и сильный задел её дно снизу. Рыбак приподнялся на локте:

– Кто здесь?

– Я та, за кем ты пришёл сюда, – прозвучало из глубины.

Огромная рыба высула из воды гладкую чёрную голову.

– Рыба? Я теперь не трону тебя, не бойся, – вздохнул Рыбак. – Хорошо, что ты здесь и я не один. Ты будешь ждать моего конца?

– Нет, Рыбак, я помогу тебе! – И Рыба нырнула под лодку.

Рыбак вдруг почувствовал, что его лодка довольно быстро движется. И надежда затеплилась в его сердце.

Скоро зелёный туман отпустил лодку, и Рыбак увидел знакомый берег.

– Дальше ты дойдёшь на вёслах, – проговорила Рыба.

– Скажи мне, Рыба, зачем ты спасла меня?

Ведь я хотел поймать тебя. Когда я почию свою лодку, я снова пойду в море – за тобой!

– Когда ты почишишь лодку, тогда мы ещё посмотрим, кто из нас двоих окажется сильнее! А сегодня я дала тебе надежду на завтрашний день! – Рыба плеснула хвостом и ушла в море.

...Зелёные завитки листьев закружились узором вокруг оранжевых цветов. Художник улыбнулся:

– Да, Вильгельмина, ты права: ЗЕЛЁНЫЙ цвет – это цвет надежды!

– А ещё – это стремление, желание и откровение, – улыбнулась в ответ Вильгельмина. – Теперь мой любимый цвет – ГОЛУБОЙ!

* * *

Голубой купол неба безоблачным шатром накрывал весь мир! Высоко в небе парила Птица. А внизу в голубой дымке таяли лес, река, город.

«Как красиво! – думала Птица. – И как здорово, что у меня есть крылья! Я могу видеть всё и сразу! И это прекрасно!»

Из глубины голубой реки в небо смотрел старый Сом: «Это хорошо, что я живу на дне этой реки и могу видеть Птицу в голубом небе! Такой красоты не видит никто в мире!»

А в лесу на старый пенёк забрался маленький Ёжик. Это было первое лето в его жизни.

«Как прекрасен мир! – думал Ёжик. – Эта голубая река – она течёт РЯДОМ со мной! Этот лес – он шумит ВОКРУГ меня! И это небо – оно раскинулось НАДО мной! Это так прекрасно, что я – маленький Ёжик!»

...Художник сидел в кресле с закрытыми глазами и улыбался. Вильгельмина терпеливо ждала.

– ГОЛУБОЙ цвет – это счастье, – наконец тихо прошептал Художник. – Это восхищение, радость... Это начало. По-моему, так!

– Ты всё схватываешь на лету! – Смех Вильгельмины звучал в тишине, как музыка. – Ты чувствуешь цвета сердцем и видишь чувства душой. Уже пять цветов в твоём бокале! Взгляни-ка теперь на СИНИЙ...

* * *

Синий вечер опустился на землю... Высоко в синем небе зажигались первые звёзды. Снег из белого тоже превратился в синий. Синие сумерки накрыли маленький домик. И только упрямый огонёк свечи пытался разорвать синюю пелену!

Она ждала Его уже давно. Но осень сменилась зимой. А Он не возвращался. Наконец таким же, тоже синим, утром Она получила письмо, в котором Он писал, чтобы она больше не ждала Его...

А Он тем временем уже шёл вперёд за Другой сквозь синюю метель. Только та, Другая, и не собиралась Его ждать... Когда Он встретился с ней, с Другой, она улыбнулась Ему и сказала, что Он ей совсем не нужен...

Синий вечер, синие сумерки, синее утро, синяя метель...

...Синий иней покрыл хрустальные стенки бокала. Художник глубоко вздохнул:

– Ожидание, тоска, разочарование и пронизывающий душу холод... Вот что означает здесь СИНИЙ цвет...

– Что ж, Художник! Ещё немного усилий. – Вильгельмина поёжилась от холода, наступив босой ногой на синий иней. – Остался последний цвет – ФИОЛЕТОВЫЙ!

* * *

Фиолетовый, как пролитые чернила, и приторно-едкий дым стелился над полем брани. Множество павших воинов, и своих, и чужих, лежали на земле. Стаи фиолетово-чёрных воронов кружили над ними, предвкушая кровавое пиршество.

Генерал устало снял шлем и оглянулся вокруг:

– Тяжёлая была битва, верно, мой храбрый Воин?

– Верно, мой Генерал. – Взгляд Воина был мрачен.

– Ценой жизни многих солдат мы отстояли наш город, это наша победа! Но я вёл их в последний бой и, как Генерал, должен просить прощения у их матерей за это... Не так ли, Воин?

– Нет! Не так! – Острый меч полоснул Генерала по открытой шее. – Теперь я – Генерал! И слава победителя – теперь моя! Я попрошу прощения у твоей матери!

Фиолетовый дым закрыл солнце, а город потерял своего Генерала...

...Художник сжал руками виски, морщась от боли:

– Вильгельмина! Радуга такая красивая, в ней столько сильных чувств! Неужели так необходимо, чтобы в ней были скорбь и предательство? Ведь именно их отражает ФИОЛЕТОВЫЙ цвет?

– Как же ты не понимаешь, Художник? В радуге должны быть ВСЕ цвета – только тогда она радуга! А в цветах должны быть ВСЕ чувства – только тогда сильнее любовь, крепче дружба, ярче надежда и полноценно счастье!

* * *

Хрустальный бокал волшебным образом переливался всеми цветами радуги, солнечные отблески струились сквозь него чарующей музыкой. Вильгельмина тоже вся сияла и переливалась всеми красками, что были собраны в бокале.

– Пришло время последней радуги, Художник! Разбей бокал! – Её дивный голос звучал радостно и призывно.

– Как разбить?! – недоумевал Художник. – Ведь радуга, она же снова рассыплется!

– Не бойся, Художник! Ты уже собрал свою радугу! Ну же!

Художник поднял бокал и с силой бросил его на каменный пол. Сотни хрустальных осколков солнечными брызгами разлетелись по всей комнате! А на холсте над нарисованным городом растеклась, переливаясь всеми цветами и красками, задевая все струны чувств и переживаний, удивительно прекрасная радуга! Вот она добралась до края полотна, на секунду замешкалась – и вырвалась прямо в распахнутое окно! От удивления Художник не мог вымолвить ни слова. Он протянул ладонь к радужной кромке – радуга оказалась тёплой и упругой!

– Ну что же ты, Художник? – Вильгельмина сверкала и сияла, как самый настоящий

осколочек большой радуги. – Прекрасней этой картины нет в целом свете! Не за этим ли ты здесь? Это последняя радуга – и она твоя! Иди же, Художник, не бойся! Всё так, как ты хотел – на цыпочках до самого солнца! Тольконими ботинки, цветные чувства не терпят грубой подошвы.

Художник наклонился, снял обувь и осторожно ступил босиком на радугу. Она слегка покачнулась, но удержала его.

– Вильгельмина! А эта радуга настоящая? Я никогда не ходил по радуге! Ведь если она исчезнет... – У Художника перехватило дыхание. – Я же не смогу, как ты, раствориться в облаках?

– Не бойся, Художник! Она не исчезнет, ты сам создал её. И теперь у тебя есть имя, береги его! Всегда знай себе цену и не разменивайся на королей! Теперь короли будут снимать шляпу перед твоим именем!

И Художник сначала робко, на цыпочках, а потом всё смелее и смелее пошёл вперёд, босиком по радуге. Далеко за горизонтом остался королевский замок. Его стены серой громадой рухнули куда-то, словно и не было их вовсе... Внизу, под самой радугой, простирался город – яркий, пёстрый, с черепичными крышами, с флюгерами и колокольнями, с фонарями и мостами! Люди смотрели вверх и восхищались:

– Ах, какая красивая радуга!

– Смотрите! Это же наш Художник! Какой он сегодня счастливый!

Птицы касались крыльями его волос, розы в садах кивали ему своими бутонами, тёплый ветер щекотал его босые ноги, дети радостно улыбались ему вслед, а короли смиренно снимали шляпы...

И Художник всё шёл и шёл по радуге над городом, над лесом, над речкой, шёл легко навстречу солнцу, раскинув в стороны руки, и не прятал счастливых глаз! Радужные полосы искрились и переливались, ускользая и растворяясь в небе, рисуя в сердце каждого прекрасную, как сама мечта, картину, краше которой нет в целом свете...

Рисунок Владимира ЧЕРЕМИНА

ВЫЕЗДНОЙ СЕКРЕТАРИАТ

29–30 ОКТЯБРЯ 2019 ГОДА В ТАМБОВЕ И МИЧУРИНСКЕ ПРОШЛО ПОДГОТОВЛЕННОЕ ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ» АНАТОЛИЕМ ТРУБОЙ ВЫЕЗДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СЕКРЕТАРИАТА СП РОССИИ «"СТАРИК ДЕРЖАВИН НАС ЗАМЕТИЛ..." ВОПРОСЫ ТВОРЧЕСКОГО НАСТАВНИЧЕСТВА».

Мероприятие началось с посещения памятников уроженцам тамбовской земли – композиторам полковнику Василию Агапкину и генералу Валерию Халилову. Они словно задали ноту звучания самому секретариату. Это ощущение усилилось после посещения областного Музейно-выставочного центра, в залах которого, словно страницы войны, звучали в том числе песни фронтовых лет в исполнении творческого коллектива.

В актовом зале музея прозвучало и «Поэтическое слово России», которое представили общественности Тамбова участники секретариата и члены литературного объединения Тамбова, которым долгие годы руководит писатель Валентина Дорожкина. Руководитель СМЛ Андрей Тимофеев прочитал стихи поэтов из Бурятии и Иркутска, Олисава Тугова представила Рыбинск, Игорь Голубь – поэтический Калининград, Светлана Пешкова – Липецк, Владимир Казмин – Луганск, Евгений Юшин и Наталья Ярославцева – Москву, Сергей Чеботарёв и Елена Часовских – Тамбов. Уже на этом поэтическом

вечере начался разговор о современной литературе, вопросах подготовки литературной смены. В Тамбове в местном университете создаётся музей Державина, и его проректор С. А. Чеботарёв пригласил писателей сделать его своеобразной литературной площадкой, на которой бы в начале учебного года, на Татьянин день (День студентов) и на выпускном балу встречались со студентами писатели России.

Второй день начался с посещения Дома-музея И. В. Мичурина, его сада и могилы. К участникам секретариата присоединились Юрий Мецераков, возглавляющий Тамбовское отделение, Андрей Новиков, руководитель Липецкой писательской организации, и Вячеслав Лютый, представлявший Воронежское отделение СП России. Николай Иванов поблагодарил воронежцев в лице Вячеслава Дмитриевича за прекрасно проведённую «Школу Платонова», ставшую очередной ступенькой в создании системы подготовки и обучения молодых литераторов. Опыт воронежцев уже сегодня готовы перенять в Архангельске, создав «Школу Фёдора Абрамова».

В стенах мичуринского дома при поддержке сотрудников музея было принято решение о проведении в следующем году здесь же, на родине Мичурина, заседания Совета СП России по защите родной природы. Секретариат обратился к Татьяне Ивановне Грибановой (Орёл) и Анатолию Сергеевичу Трубе (Мичуринск) с предложением стать координаторами этого проекта.

А собственно работа секретариата началась в Доме культуры Мичуринска с приветствий главы города М. В. Харникова и главы Мичуринского района Г. Н. Шеманаевой. Поскольку на встречу с писателями пришло огромное количество жителей, студентов, проявивших большой интерес к заседанию секретариата, то первую часть заседания решено было вновь посвятить поэтическому слову и проблемам современной литературы. Известным тамбовским писателям Валентине Дорожкиной и Сергею Кочукову были вручены медали Василия Шукшина. Глава города выразил желание подписать с Союзом писателей России соглашение о намерении сделать город Мичуринск своеобразной литературной столицей Тамбовщины, лидером по проведению в нём всевозможных литературных мероприятий. Заседание Совета по защите родной природы как раз легло в контекст данного желания – от имени города для заседания Совета и проведения поэтических встреч с общественностью власть готова «подарить» городу ещё один день пребывания писателей.

А вопросы творческого наставничества обсуждались уже в более узком, профессиональном кругу. Председатель СП России Николай Иванов затронул большой пласт тех проблем работы с молодыми авторами, которые требуют осмысления.

– На сегодняшний день мы говорим не о необходимости проведения работы с творческой молодёжью – она уже выстроена в достаточно чёткую и внятную систему, заметна для общества и приносит свои плоды. Потому мы сегодня можем позволить себе говорить об усилении и значительном расширении этой работы, – подчеркнул Н. Иванов. – Государственная поддержка в подготовке молодых литераторов, как и внимание к ним, закончилась после 9-го

Всесоюзного совещания молодых писателей в 1989 году. Тогда Москва собрала на свои творческие семинары около 2 тысяч молодых литераторов. О значении и важности подобной учёбы говорит хотя бы ещё и такой факт, что всего лишь через два года после окончания войны, в 1947 году, выстраивая нравственные ориентиры для общества, Кремль созвал Первое Всероссийское совещание молодых писателей. Достаточно назвать имена первых участников этого вошедшего в историю совещания, чтобы оценить неоценимое: Вероника Тушнова, Михаил Луконин, Сергей Баруздин, Сильва Капутикян, Сергей Наровчатов, Сергей Орлов, Олесь Гончар, Михаил Дудин и другие. И вот сегодня СП России, не получая от государства ни копейки на поддержку подобных совещаний, тем не менее совместно с региональными организациями взял на себя проблему подготовки литературных кадров. 18 лет ежегодных альтернативных совещаний в Липках от фонда Филатова, конечно, имеют свою историю, но наши полтора года системной работы позволяют сегодня перекрывать это учебное поле и даже наращивать усилия...

Разговор шёл о возможности и необходимости более плотного включения представителей СМЛ в мероприятия «большого» Союза, в том числе и выезды в регионы. То, что в работе секретариата приняли участие руководители советов молодых литераторов: О. Тугова из Рыбинска, И. Голубь из Калининграда, С. Пешкова из Липецка – говорит уже и о точечном проникновении в проблему. Конечно же, все сошлись на том, что любое наше совещание строится на принципе «каждый читает каждого и высказывает своё мнение». Говорили о необходимости правильного оформления рукописей (например, к ним должна прилагаться и биография автора). На областных и межрегиональных совещаниях необходимо закладывать время на посещение литераторами типографий и издательств, на встречи с оформителями книг, иллюстраторами. Подобный опыт существует в Рыбинске: выпускники местного полиграфического училища в качестве дипломной работы редактируют и готовят к печати первые книги членов

литературного объединения. На совещании в Химках решено приглашать специалистов из Российского агентства по авторским правам, представителей АСКИ (Ассоциации книгоиздателей), которые могут поделиться проблемами книжной торговли, местного и столичного книгоиздания, вплоть до транспортной логистики и т. п. Евгений Юшин, как член Приёмной комиссии СП России, поделился наблюдениями о недостатках первых книг авторов, подающих заявление о приёме в Союз писателей России. Это и оформительская небрежность, и утрата института редактирования, отсутствие внутреннего редактора, когда рядом с прекрасными страницами-текстами может появиться «мертвечина» и автор этого не замечает. Было предложено находить способы объединять всю творческую молодёжь регионов – во время совещаний писателей устраивать выставки фоторабот и картин художников, приглашать представителей театра, музыкантов, певцов, которые могли бы брать приглянувшиеся стихи для исполнения их в песне, и т. д.

Вячеслав Лютый поднял тему собственного голоса семинаров-совещаний. Союз писателей России не намеревается плодить армию пишущих нравственных и политических бесхребетников. У СП России достаточно чёткая нравственная позиция по отношению к событиям в мире и в собственной стране. Всеядность некоторых молодых авторов, кочующих по всем возможным писательским организациям, не имеющих собственного мнения, выгадывающих лакомый куш – финансовый или карьерный, – в конечном итоге свалит их в штопор по отношению к России. Как относиться к таким, порой талантливым, литераторам? Отвергать сразу? Перевоспитывать? Увлекать примером подавляющего большинства? Поверочным моментом для них становятся публичные выступления – как себя ведут и что говорят. Даже после знаменитой поездки молодых писателей на Саур-Могилу в Донбасс к одному из поэтов подошёл читатель и в открытую сказал: «Не те стихи читаешь, парень. Ты недостойн Саур-Могилы». Чего мы должны быть достойны? В какой форме проводить встречи с теми писателями и героями

страны, которые могут указывать вектор нашего нравственного развития и движения вперёд?

Конечно же, не подстраиваться под юную безликость. У нас не так много сил, чтобы тратить время на пустоцветы, – рядом ждут нашего совета и помощи те, кого не надо убеждать, что добро – это добро, а зло – это зло.

Определённый анализ деятельности СМЛ провёл руководитель Совета Андрей Тимофеев. Сегодня у нас действуют советы молодых литераторов уже при 20 региональных организациях. И это не некий формальный «списочный состав», это реальные молодые люди, которые ценят нравственные традиции СП России и преданы русскому слову. Отработаны приёмы набора участников на Всероссийское совещание в Химках: более 60 процентов семинаристов – это люди, рекомендованные областными и межрегиональными совещаниями. В работу Всероссийского совещания решено вовлекать даже тех, кто уже вступил в Союз писателей России, но может задавать тон обсуждению и поднимать планку разбора произведений, как тот же Дмитрий Ханнин из Ростова. Молодёжь жаждет более активного участия в делах «большого» Союза, и для этого в рамках Химок запланирован круглый стол рабочего секретариата СП России со всеми участниками совещания. Принимая термин В. Лютото о «расколотости сознания» некоторых молодых писателей, Андрей Тимофеев всё же попросил не «жестить» в данных ситуациях, давать время молодым людям самим осознать, какая ценность для них Союз писателей России. А уж кто отпадёт – тот отпадёт.

Времени на дискуссию, как всегда, не хватило, разговоры продолжались в кулуарах, но уже одно то, что секретариат даёт посыл к обсуждению этой темы, собирается вместе и выстраивает в том числе личные контакты, говорит о поступательном движении в вопросах наставничества. Проговорённые приёмы успеют в какой-то мере найти практическое применение на Московском совещании молодых писателей 30 ноября и утвердятся в Химках в феврале следующего года. ■

Пресс-служба СП России

